

ДРЕВНИЙ
Двосток

ГОРОДА И
ТОРГОВЛЯ

Ереван 1973

Հ Ա Յ Կ Ա Կ Ա Ն Ս Ս Հ Գ Ի Տ Ո Ի Թ Յ Ո Ի Ն Ն Ե Ր Ի Ա Կ Ա Գ Ե Մ Ի Ա

Պ Ա Տ Մ Ո Ի Թ Յ Ա Ն Ի Ն Ս Ի Տ Ո Ի Տ
Ա Ր Ե Վ Ե Լ Ա Գ Ի Տ Ո Ի Թ Յ Ա Ն Ի Ն Ս Ի Տ Ո Ի Տ
Հ Ն Ա Գ Ի Տ Ո Ի Թ Յ Ա Ն Ե Վ Ա Չ Գ Ա Գ Ի Ր Ո Ի Թ Յ Ա Ն Ի Ն Ս Ի Տ Ո Ի Տ

Հ Ի Ն Ա Ր Ե Վ Ե Լ Ք
Ք Ա Ղ Ա Ք Ն Ե Ր Ը Ե Վ Ա Ռ Ե Վ Տ Ո Ի Ր Ը

(III—I ՀԱՉ. Մ. Թ. Ա.)

Работы, включенные в сборник, содержат результаты новейших исследований советских историков, посвященных вопросам социально-экономического, политического и культурного развития городов и роли торговли в обществах древней Передней Азии

Редакционная коллегия:

*И. М. ДЬЯКОНОВ, Н. М. ПОСТОВСКАЯ,
Г. Х. САРКИСЯН (ответственный редактор),
Г. А. ТИРАЦЯН*

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник статей посвящен одному из тех вопросов истории Древнего Востока, которые имеют особенно важное значение для решения центральной проблемы экономики и социально-экономического строя древневосточных обществ.

Эта проблема стоит в центре внимания советской историографии с самого ее зарождения.

Статьи настоящего сборника представляют собой переработанные доклады участников Всесоюзного симпозиума «Города и торговля на Древнем Востоке» (III—I тыс. до н. э.), проведенного в Ереване 19—23 мая 1969 года Институтом истории АН Армянской ССР совместно с Институтом археологии и этнографии АН Армянской ССР и Постоянным оргкомитетом по проведению научных сессий по Древнему Востоку Института востоковедения АН СССР.

В. К. АФАНАСЬЕВА

ШУМЕРСКИЕ ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ МИФЫ И ИЗУЧЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА В ДВУРЕЧЬЕ

(К постановке вопроса)

Проблема изучения городской идеологии приобретает особую актуальность, когда заходит речь о древневосточных обществах. В то время как многие ее аспекты успешно разрабатываются на античном и средневековом материале, к освещению системы мировоззрения жителей древневосточного города мы только приступили. До недавнего времени серьезным препятствием для работы в этой области являлось отсутствие даже точной дефиниции самого понятия «город», «город-государство» на Древнем Востоке, в частности в Двуречье, поскольку все более и более становилось ясным, до какой степени неприемлемы наши старые традиционные представления об организации общества исследуемого ареала¹. Сейчас, когда изучению социальной и экономической структуры древневосточного города, как средоточия буквально всех сторон общественной и хозяйственной деятельности, уделяется наибольшее внимание, о чем свидетельствуют и

¹ Вопрос о дефиниции в данном случае отнюдь нельзя считать формальным, ибо наши поиски в области идеологии и культуры в значительной мере обусловлены смыслом, который мы вкладываем в изучаемое понятие. И. М. Дьяконов, подчеркивая, что в настоящее время в литературе нет единства мнений, дает следующее, как нам кажется, наиболее емкое определение понятия город: «...населенный пункт, представляющий собой центр тяготеющей к нему сельскохозяйственной округи и одновременно центр специализированного (т. е. не чисто домашнего) ремесла и соответственно товарного и иного обмена, а также накоплений» (И. М. Дьяконов, Проблемы города в Вавилонии II тыс. до н. э., Тезисы докладов всесоюзного симпозиума «Города и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э.», Ереван, 1969).

международная дискуссия в Чикаго в 1952 г.², и Всесоюзный Ереванский симпозиум³, мы можем уже позволить себе перейти от предварительных обобщений к более конкретному исследованию фактических данных.

Метод привлечения литературных и мифологических текстов для извлечения сведений экономического, социального и, тем более, идеологического характера апробирован давно и всегда давал интересные результаты⁴. Думается, что этиологические мифы следует рассмотреть, в первую очередь, как наиболее возможные источники сведений о социально-идеологических тенденциях в шумерском обществе. Можно заранее предположить, что сказания о происхождении вселенной, космических явлениях, рассказы об устройстве вселенной, божественной (а отсюда, часто—и земной, общественной) организации, о распределении земных и божественных обязанностей будут в высшей степени тенденциозными, в них ярче и отчетливее, чем в других литературных произведениях (разумеется, исключая специально политические памятники) проявится позиция составителя, автора—представителя определенной группы общества или его более широких слоев, чьи интересы он сознательно или бессознательно выразит. Уже сам факт, что возникает потребность (или даже необходимость) создать или же письменно зафиксировать, обработав ранее созданное, сформулировать такое, скажем, положение, что божество получает или захватывает

2 Чикагская дискуссия выразила всю сложность проблемы в названии *City Invincible*—«Непобедимый город» (*City Invincible, a Symposium on urbanisation and cultural development in the Ancient Near East, Chicago, 1960*).

3 19—22 мая 1969 г., см. «Тезисы...». Ереванский симпозиум отделяется от чикагского десятилетием, и его результаты показывают, что «непобедимый» город начинает постепенно сдаваться.

4 Когда речь идет о шумерском материале, приходится предварительно выяснять возможности самого использования памятников. До сих пор первостепенную трудность представляет определение возраста записей, поскольку большинство литературных шумерских текстов дошло до нас в копиях XIX—XVIII вв. до н. э., когда шумерский язык уже вымирал. Также значительную трудность представляет не только литературоведческая, но и филологическая интерпретация памятников, к тому же не полностью введенных в науку: так, многие литературные тексты известны только в пересказах их основного издателя С. Н. Крамера (*S. N. Kramer, Sumerian Mythology, New York, 1961*).

свою область деятельности или владения⁵, или что некое верховное божество посылает на землю группу подчиненных ему богов, как бы мы сказали сейчас, с благотворительной целью⁶ или занимается творческой созидательной деятельностью, т. е. выступает как Kulturträger, должен насторожить исследователя и заставить его отнестись внимательно к возможной идеологической и социальной направленности подобного сказания.

Наиболее ранние из известных нам шумерских этнологических мифов (как, впрочем, и тексты большинства остальных литературных жанров)⁷ дошли до нас главным образом от двух периодов: времени III династии Ура (примерно конец III тыс. до н. э.) и периода Исина-Ларсы Старо-Вавилонского периода (начало—первая половина II тыс. до н. э.) и составляли так называемый Ниппурский канон, поскольку они были обнаружены в школьной библиотеке города Ниппура⁸. Речь в них идет о самых разнообразных богах с очень широким кругом деятельности.

⁵ Как это, например, говорится об Ану и Энлиле, хозяевах неба и земли, в космологическом прологе-запевке в сказании о Гильгамеше и дереве *huluppu* (S. N. Kramer, *Gilgamesh and the [huluppu tree]*, „Assyriological Studies», 11, Chicago, 1938; см. также В. К. Афанасьева, Одна шумерская песня о Гильгамеше и ее иллюстрации в глиптике, ВДИ, 1962, № 1, стр. 74 сл.) или как это происходит с Эмешем и Энтеом, которые созданы верховным богом Энлилем и получают от него зимнее и летнее скотоводство (J. A. Van Dijk, *La sagesse sumero-accadienne*. Leiden, 1954, стр. 43—57, S. N. Kramer, *Sumerian Mythology*, стр. 49—51) и многие другие боги (см. *Sumerian Mythology*..., стр. 30—75).

⁶ Мифы об Энлиле, Эмеше и Этене; об Энки и Энлиле, создавших богинь Лахар и Ашнан, скот и зерно; о создании мотыги и пр. (*Sumerian Mythology*, стр. 49—54).

⁷ «Энки и Шумер», «Инанна и Энки»; «Энки и Эриду» и др. (*Sumerian Mythology*, стр. 59—68). Здесь и далее, иногда в сокращенном варианте, приведены условные названия мифов, которые им дал их первый издатель С. Н. Крамер.

⁸ Основные публикации клинописных текстов этнологических мифов: S. N. Kramer, *Sumerian Literary Texts from Nippur*, AASOR, XXIII, New Haven, 1944; S. N. Kramer, *Enki and Ninĝursag, A Sumerian Myth*, BASOR, New Haven, 1945; I. Bernhardt, S. N. Kramer, *Sumerische Literarische Texte in der Hilprecht-Sammlung*, Jena, 1955—1956; I. Bernhardt, S. N. Kramer, *Enki und die Weltordnung*, Jena, 1959—1960; S. N. Kramer, I. Bernhardt, *Sumerische Literarische Texte aus Nippur*, Berlin, 1961; S. N. Kramer, *New Literary Catalogue from Ur*, RAAss, IV, n° 4, 1961.

Лейтмотивом большинства этих мифов, как уже было замечено, является рассказ о наведении божествами порядка на земле и о распределении обязанностей между ними. В одних памятниках, как, например, «Энки и Шумер» — это основное и единственное содержание мифа, в других сюжет осложняется введением путешествия одного божества за благословением к другому («Энки и Энлиль», «Энлиль и Нанна» и др.)⁹, но опять-таки поездке предшествует какая-нибудь созидательная деятельность бога, чаще всего — постройка города, чьим божеством-покровителем является бог-герой рассказа. В мифе об Инанне и Энки творческая деятельность богини заменяется путешествием к богу-демиургу Энки, и поездка за благословением превращается в остросюжетный рассказ с похищениями у бога-демиурга важнейших элементов культуры, со сказочными сражениями, фантастическими чудовищами¹⁰.

В двух произведениях рассказывается о сотворении человека — в мифе, посвященном богу Энки и богине Нинмах¹¹ и в истории о создании мотыги, причем в последнем случае сотворение человека не является центральным мотивом мифа, о нем говорится только в прологе. Характерно, что прологи-запевки, предшествующие многим шумерским литературным произведениям, всегда включают в себя важные мифологические сведения. Так, все космогонические представления шумерийцев, которые нам до сих пор известны, изложены как раз в этих прологах. Такими заповками-прологами начинаются песня о волшебном дереве хулуппу, где говорится о разделе вселенной, миф о богинях скотоводства и земледелия Лахар и Ашнан, о создании мотыги, в которых также изложены некоторые элементы шумерских космогонических представлений, и другие. Собственно космогониче-

⁹ Им оказывается почти во всех случаях Энлиль, главный бог города Ниппура, откуда происходят наши тексты. Даже владыка мудрости и мирового океана, Энки, построив свое святилище Abzu, едет освятить его к Энлилю. Последний, правда, принимает могущественного владыку как равного и со всевозможными почестями (Sumerian Mythology, стр. 62—63).

¹⁰ Sumerian Mythology..., стр. 64—68.

¹¹ Человек, по этому мифу, был сделан для того, чтобы трудиться для богов, ибо тот прекрасный и благоустроенный мир, в котором боги навели порядок, требовал заботы и поддержания этого порядка. Боги, которые это оказалось не под силу, так как работать им не хотелось, решили создать людей. Первые люди были вылеплены богами-создателями — Энки, Нинмах и Намму — из глины, и затем человеку была «определена судьба» (Sumerian Mythology, стр. 68—72).

ских шумерских мифов мы не знаем, и не известно, были ли они когда-нибудь записаны.

Очень многие шумерские мифы, связанные с этиологией, изложены в форме спора. Миф о Лахар и Ашнан, богинях скота и зерна, созданных верховными богами для покровительства скотоводству и земледелию, кончается спором этих богинь о превосходстве вверенных им областей хозяйства¹². Ссора-спор богов о превосходстве занимает важное место в мифе о боге-пастухе Думузи и боге-земледельце Энкимду (или Энки-Имду), где сюжетная линия осложнена притязаниями обоих богов на богиню Инанну¹³, в мифе о богах-скотоводах Эмеше и Энтене и в ряде других произведений.

То обстоятельство, что в мифах много внимания уделено выяснению преимуществ одной области хозяйства перед другой, казалось бы, должно восприниматься как важное звено при социальных и идеологических исследованиях. Тем не менее, следует быть осторожными в данном случае: не исключено, что форма диалога-спора, очень распространенная в литературе Передней Азии, не только шумерской, но впоследствии вавилонской, а также иранской, в значительной степени является литературным приемом, обусловленным требованиями жанра, и не несет серьезного социологического подтекста, тем более, что диалоги, включающие спор — излюбленная форма школьных текстов и, возможно, именно школе мы обязаны происхождением этого композиционного приема, который мог играть педагогическую роль¹⁴.

Но для окончательного решения подобных вопросов необходимо исчерпывающее филологическое, и на его основе — литературоведческое исследование текстов. Пока эта работа не проделана, ограничимся некоторыми предварительными наблюдениями. Во-первых, в текстах, объединенных принадлежностью к Ниппурскому канону, можно выделить несколько пунктов, на которых сосредоточено внимание составителя: Ниппур, Эреду, Урук, Ур. Все эти пункты являются не только наиболее важными хозяйственными центрами, в которых разворачивались основные события истории Шумера, но и, по археологическим данным, — главными центрами начальной шумерской истории. Причем Эреду, Урук и Ур со-

¹² Sumerian Mythology, стр. 53—54.

¹³ Там же, стр. 101—103.

¹⁴ Интересно, что почти всегда эти споры кончаются признанием важности занятий обоих спорщиков и попыткой верховного божества-судьи примирить обе спорящие стороны, что может говорить в пользу последнего предположения.

ставляли, если можно так выразиться, один ном (поэтому никогда не было одновременно двух царств, одно в Уруке, другое в Уре). Ниппур же с самых ранних времен занимал ведущее положение в общешумерских культах и, по некоторым данным, был древнейшим центром племенного союза¹⁵. И не случайно, видимо, в канон попали только мифы, рассказывающие о деяниях главных богов именно этих городов. Во-вторых, хотя, таким образом, в самом факте существования подобных мифов мы видим результат создания канона в интересах объединенной державы Ура и единого ниппурского пантеона, однако характерно, что унификации мифов по содержанию не произведено: главные действующие боги мифов, которые оказываются божествами-покровителями этих центральных пунктов, занимаются одной и той же деятельностью—создают землю, добываются на ней плодородия, устраивают свои порядки, заботятся о цивилизации. Нет в мифах и строгой последовательной субординации. И хотя некоторые элементы начальной унификации уже есть—например, в большинстве мифов главная роль отведена богу Энлилю,—однако никого не смущает, что деятельность Энлиля может дублировать деятельность Энки, или даже противоречить ей. И это происходит и в случае со многими другими богами¹⁶. Далее, одни божества обрисованы в рассказах очень живо, выразительно, другие в своих действиях пассивны¹⁷. Фигурирует много мелких, второстепенных божеств, которым вверяется та или иная область хозяйства, и они действуют в высшей степени активно, как, например, вышеупомянутые Эмеш и Энтеп, Думузи, Энкимду, Сумукан. Многие из них в одних мифах просто упоминаются как исполнители воли главных богов, а в других становятся главными героями.

¹⁵ И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй Древнего Двуречья*, Шумер, М., 1959, стр. 165—167, 177, 198 сл.; *The Jacobsen*, *Early political development in Mesopotamia*, ZA, NF, 18 (52), 1957, SS. 105—107.

¹⁶ Например, со скотоводческими богами Думузи, Эмешем и Энтепом или богиней скота Лахар. Видимо, только впоследствии каждый скотоводческий бог получил специализированную область хозяйства (зимнее и летнее скотоводство, например).

¹⁷ Так, Инанна, Энки, Нинхурсаг и многие второстепенные боги, как Думузи, Энкимду и др., имеют свой характер, свое лицо, они категоричны в поступках, их речь жива и даже в некоторой (хотя и незначительной) мере индивидуализирована. Наоборот, такие боги, как Энлиль и Ан, а также лунное божество Нанна, даны гораздо более бледно и невыразительно (*Sumerian Mythology*, стр. 41—68, 76—96; 101—103).

Степень активности или пассивности божества в пределах развертывания мифологического сюжета, характеристика его образа, даваемая авторами-составителями, также очень важны для выяснения идеологической направленности мифа.

Творцами-демиургами, как уже указывалось, оказались главные боги наиболее важных культурных центров. Это Ан, Элиль, Энки, Инанна,— божества, играющие ведущую роль в шумерском пантеоне на протяжении всей истории Шумера.

Энки—бог-покровитель города Эриду, владыка мудрости, подземных вод и мирового океана. В этиологических мифах действует как главное божество-демиург, носитель культуры, божество плодородия, создатель человека. Обычно в сказаниях подчеркивается его доброта, но также и хитрость, капризность (Энки и Нинхурсаг)¹⁸. Он часто изображается пьяным (в мифе о сотворении человека, о похищении *ме*^{18, а} и др.), для создания неких волшебных существ он выскребаёт грязь из-под ногтей (нисхождение Инанны). Несмотря на то, что является олицетворением мудрости, богине Инанне удается его обхитрить (миф об Инанне и похищении *ме*).

Инанна — богиня-покровительница города Урука, богиня плодородия, любви и распри. Также выступает как носитель культуры («Инанна и *ме*»), так же как и в образе бога Энки, в ее характеристике подчеркиваются очень земные, человеческие, часто непривлекательные черты. Она коварна (опанывает Энки и обманом добывает *ме*), непостоянна (меняет супругов-возлюбленных), предаёт своего супруга Думузи, отправив его вместо себя в подземное царство¹⁹.

¹⁸ В мифе об Энки и Нинхурсаг Энки съедает восемь запретных растений, за что и наказан (Sumerian Mythology, стр. 54—59). В образе Энки очень ясно выступает двойственность характера, черты сатиры и комизма в сочетании с идеализированными чертами, что, возможно, связано с амбивалентным характером первобытного культа, в котором пародийные, комические элементы всегда подчеркивались (Е. Мелетинский. Происхождение героического эпоса, М., 1963, стр. 25—30, 32, сл.).

^{18a} *Ме* — по шумерским представлениям,— социальные, этические, культурные, правовые и ритуальные установления, которые были созданы богами и мыслились как материальные субстанции, т. е. их можно было отнять, похитить, погрузить в ладью и перевезти в другой город, как это и сделала Инанна.

¹⁹ Миф о нисхождении Инанны в преисподнюю (S. N. Kramer, Inanna's Descent to the Nether World, JCS 4 (1950), 4 (1951); (Sumerian Mythology, стр. 89—96); см. также S. N. Kramer, The Sacred Marriage Rite, London, 1969.

Инанне и Энки, таким образом, в большей степени, чем другим богам, присуща индивидуальность. Бог Энлиль — главное божество города Ниппура и, предположительно, бог воздуха (дословно перевод его имени, по-видимому, означает «владыка-ветер») в этиологических мифах гораздо более пассивен, хотя в других сказаниях он изображен ярко и выразительно²⁰. Он создает вселенную, но нигде не рассказывает, как он это делает. В основном к нему обращаются за благословением, к нему ездят на поклон другие боги, даже сам «отец Энки» («Энки и Эриду: путешествие водного бога в Ниппур»; впрочем, здесь, видимо, яснее всего сказывается позиция составителей — ниппурских жрецов). Энлиль фигурирует и как божество плодородия, а может быть, даже носит следы умирающего (уходящего) и воскресающего (приходящего) божества (миф о рождении бога Нанны). Он не является помощником человека, когда к нему, как к главному богу, обращаются за помощью, а в текстах II тыс. до н. э. он даже приобретает черты существа злобного, ненавидящего людей и стремящегося им отомстить (например, в эпосе о Гильгамеше, где он последовательнее других богов стремится погубить людей).

Самым пассивным божеством в шумерских этиологических мифах оказывается бог неба Ан. Ан, как и Инанна, — покровитель города Урука, но деятельностью этой богини он совершенно оттеснен на второй план. О нем говорится, что он отец богов, что он — творец, его заслуги в этой области упоминаются вместе с созидательной деятельностью Энки и Энлиля. Но его нельзя назвать действующим персонажем, он далек от земли и забот ее обитателей. Ан больше всего напоминает тех «хозяев», чей культ засвидетельствован у первобытных народов, и которые постепенно вытеснялись другими божествами, обладающими гораздо более земными чертами и наделенными более живым характером (но это — все еще боги родоплеменных культов!). Это обычно «высшее существо» небесного происхождения и почти всегда владыка неба, которое находится где-то в заоблачных даях, и не вмешивается, или почти не вмешивается в жизнь людей²¹.

²⁰ Например, в мифе о рождении лунного бога Нанны, где Энлиль соблазняет юную Нициль, свою будущую супругу и мать бога Нанны, за что временно изгоняется богами в подземный мир (Sumerian Mythology, стр. 43—47).

²¹ «Вера в Высшее существо небесного происхождения — указывает Мирча Элиаде — ... в то время, как она засвидетельствована на более архаических стадиях культуры, не занимает центральной роли в религиозной жизни, и в отдельных случаях эта вера находится в стадии исчезно-

Если к нему обращаются, то только в экстренных случаях, например, во время всенародных бедствий. Энки, Инанна и Энлиль тоже очень близки божествам первобытных народов, особенно носителям культуры (или «культурным героям», как их обычно называют в специальной литературе), богам-демиургам, в чьих образах, как уже было замечено, часто подчеркиваются элементы комизма и даже сатиры²². Их скорее всего можно сопоставить с теми живыми, близкими людям и часто живущими (или во всяком случае действующими) среди людей богами, чей культ вытесняет культ «высшего существа»²³.

Все эти главные боги Шумера, таким образом, предстают перед нами в одновременных текстах как божества разного порядка, сохранившие архаические черты разных этапов развития идеологических представлений, которые оказались зафиксированными без соответствующей тенденциозной обработки, или с очень незначительной обработкой. Вопрос о том, почему и как это произошло, может стать темой специального исследования и, опять-таки, в первую очередь связан с особенностями развития литературы в Двуречье, в частности, со сравнительно поздним применением письменности для записи текстов литературного и мифологического содержания, благодаря чему запись представляла собой не законченное литературное произведение, но, скорее, конспект текста, предназначенного для чтения вслух²⁴. Консерватизм, видимо, сказался не только в вопросах формы, но коснулся и содержания, и поэтому в текстах конца III—начала II тыс. до н. э., т. е. к тому времени, когда город в принятом нами

вення...» (*Mircea Eliade, Structures and Changes in the History of Religions, City Inviucible*, стр. 353).

²² Е. Мелетинский, Происхождение героического эпоса, М., 1963 стр. 380, сл.

²³ *Mircea Eliade, Structures and Changes...*, стр. 351—366.

²⁴ Поскольку литературное произведение как законченный памятник письменности еще не сложилось (от устного варианта мы вынуждены отвлечься), то фиксировался только конспект для памяти, и при этом мало заботились о сохранении его литературных черт, о композиции, и даже об изложении, т. е. запись на этом этапе была мнемоническим средством для передачи мифа. Но не следует при этом забывать, что миф, записанный в какой-то определенный момент, мог быть разноступенным и фиксация его в этот момент захватила и закрепила на каком-то определенном этапе и все предшествующие ступени. Поэтому дело не только в позднем моменте записи, но и в консервации архаизмов уже в дописьменном мифе, что, конечно, значительно усложняет исследование.

определении насчитывает, по крайней мере, тысячу лет, оказались зафиксированными следы общинной, а может быть, и племенной идеологии разных ее этапов.

Но и новая идеология, или, по крайней мере, ее тенденции, дают себя знать. Самостоятельные традиции каждого города соединяются в общий канон. Стремление как-то объединить, систематизировать культы, создать единый пантеон (это было сделано в период III династии Ура)²⁵ говорит о тенденции к общегосударственному объединению, на фоне которой, однако, не стираются и противоположные попытки к усилению роли культов главных богов городов-гемонов.

Думается, что дальнейшая работа по исследованию вопросов идеологического порядка может вестись в разных направлениях. Важно выяснить, каковы функции остальных божеств шумерского пантеона, так как это может помочь определению времени разграничения общешумерских и общегородских богов, проверить, в какой мере и как отразили литературные тексты периоды единства страны и периоды ее разобщенности. Важным может стать и вопрос о наличии (или отсутствии) противопоставления идеологии города сельской идеологии, идеологии жреческой—племенной, общинной. Трудно сказать, дадут ли литературные памятники возможность разрешить эти проблемы; видимо, после освоения источников литературных придется думать о более конкретном сопоставлении их с историческим материалом. Но уже и сейчас ясно, насколько важным источником в выяснении специфических условий, в которых создавалась и развивалась идеология «городов-государств» Двуречья, оказались литературные тексты.

²⁵ Но даже в раннединастическое время, т. е. в самом начале III тыс. до н. э., когда письменность только начала применяться для записи текстов нехозяйственного содержания (ибо первые записи—только хозяйственные), существовали общешумерские списки богов.

Н. Б. ЯНКОВСКАЯ

ЧАСТНЫЙ КРЕДИТ В ТОРГОВЛЕ ДРЕВНЕЙ
ЗАПАДНОЙ АЗИИ III—II ТЫС. ДО Н. Э.

(Краткое сообщение)

Реконструкция системы торговли в древней Западной Азии III—II тыс. до н. э. стала теперь возможна благодаря тому, что многие частные проблемы ее изучены в достаточной мере, хотя результаты этих работ до сих пор не скоординированы для представления о системе в целом. Одной из таких тем, вполне подготовленных для дальнейшей разработки, нам представляется вопрос о роли частного кредита в торговле. Интересующая нас тема раскрывает одну из главных сторон функционирования экономики стран древней Западной Азии.

Новейшие исследования клинописных документов III и II тыс. до н. э. показывают, что, кроме храмовых и дворцовых хозяйств, всюду существовала также общинно-родовая хозяйственная система, представленная автономными институтами местного самоуправления. Это исключает какую бы то ни было возможность центрального планирования хозяйства, распространяющуюся на страну в целом, в любом государстве древней Западной Азии в течение периода, о котором идет речь¹. Несмотря на противопоставление этих двух секторов экономики в Южной Месопотамии², торговля уже в

¹ Ср. *K. Polanyi*, в кн. „Trade and Market in the Early Empires“, ed. *K. Polanyi, C. M. Arensberg and H. W. Pearson*, Glencoe, Ill, 1957, стр. 247.

² По этому поводу в нашей стране имеется уже большая литература, см., напр., *И. М. Дьяконов*, Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., ВДИ, 1968, 3, стр. 3—27, 4, стр. 3—40; см. также *A. L. Oppenheim*, Trade and Market..., стр. 30—31.

самом начале III тыс. до н. э. была постоянным, поддерживаемым государством институтом и отраслью хозяйства, а не предполагаемой «спонтанной пассивной торговлей»³. Но между институтом, поддерживаемым государством, и институтом, планируемым государством, есть большая разница.

Уже протошумерские тексты содержат сведения о распределении части общинных фондов,—видимо, храмом; на самом первом месте в тексте назван официальный глава купцов (*šab-gal*); он получает значительный участок земли⁴. Система вознаграждения купца передачей ему крупного надела—будь то из общинного фонда (как в большинстве стран Западной Азии во II тыс. до н. э.) или из храмового фонда—могла обеспечить фактическую независимость торговли; наиболее значительные купцы в большинстве западно-азиатских стран периода, о котором идет речь, могли стать, по особой милости храмовых или дворцовых властей, должностными лицами,—но это ничего не меняло в развитии и организации торговли в целом.

Во II тыс. до н. э. по всей Западной Азии раскинулась сеть торговых общин—*kāgu*, посредничавших в международном обмене. Общины—*kāgu* были тесно связаны между собой ради погашения встречных платежей. Это было необходимо из-за преобладания торговли в кредит, о причинах которого мы скажем ниже; торговля в кредит приводила к концентрации средств платежа в руках крупных торговых обществ. Постоянное присутствие различных иностранных представителей в каждом данном *kāgu*'е позволяло контролировать партнеров и экономить средства платежа—именно это в действительности «дает ключ к пониманию особой фигуры—странствующего иноземца»⁵. В Канише (совр. Кюльтепе возле Кайсери в Турции) не только отдельные представители иноземного купечества координировали свои операции, но, что значительно важнее для истории становления торговых общин, клановые группы соотечественников объединялись в соседские организации. Такие объединенные группы имели свои собственные кассы и запасы товаров, а члены таких групп имели право на льготные ссуды.

Формирование и развитие *kāgu*'а как института общественного обмена зависело от происхождения его фондов. Это значит, что там, где фонды принадлежали преимущест-

³ „Trade and Market...“, стр. 260 сл.

⁴ А. А. Вайман, К расшифровке протошумерской письменности (предварительное сообщение), ПАС II, М., 1966, стр. 165.

⁵ К. Polanyi, Trade and Market..., стр. 14 и 260.

венно храму или дворцу, там торговля в большей степени зависела от контроля государства (и быстрее хирела, чем там, где фонды ее были общинными, и торговля менее зависела от дворца).

Наиболее важные посреднические базы, распределяющие сырье (в ранний период—особенно олово, позже—железо и т. д.), как правило, перемещались из кагит'а, оказавшегося внутри имперских границ, в кагит в той из нейтральных стран, в которой был достаточно стабильный режим, но контроль администрации был слаб. Это обстоятельство предполагает, что частные источники средств обращения всегда преобладают над государственной торговлей, независимо от попыток государства контролировать международный товароборот, извлекая из этого доход.

Общее количество сведений относительно торговли в казенных архивах,—например из городов старовавилонского периода,—исключительно скудно, несмотря на высокий уровень развития торговли в этот период⁶. Скудость сведений о торговле в этих архивах объясняется, как нам кажется, тем, что деятельность торговых общин шла в основном вне контроля государственных органов, которые обычно имели в торговом обороте весьма небольшую долю. Сравнение объема сведений громадных канишских частных торговых архивов со скудными сведениями из официального архива города Каниша подтверждает это предположение.

Данные частных и официального архивов Каниша свидетельствуют о том, что официальная администрация храмов и дворца стран Западной Азии не могла строго контролировать торговые общины, так как в случае установления контроля над ними торговля резко сокращалась или вовсе прекращалась. Торговые архивы найдены более чем в семидесяти частных домов кагит'а Каниша. Содержание текстов, которых насчитывается около четырнадцати тысяч, раскрывает разработанную систему взаимного частного кредита⁷, с

⁶ Ср. *W. F. Leemans, Foreign Trade in the Old Babylonian Period*, Leiden, 1960, *passim*; *он же*, *Old Babylonian Letters and Economic History, a Review Article with a Digression on Foreign Trade*, JESHO, XI (1968), стр. 171—226. Для сравнения с объемом и содержанием материалов для I тыс. до н. э. см. *A. L. Oppenheim, Essay on Overland Trade in the First Millennium B. C.*, JCS XXI, 1, стр. 236—254.

⁷ См. об этом подробно в кн.: *P. Garelli, Les assyriens en Cappadoce*, P., 1963. Ср. *Н. Б. Яковская*, Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.), М., 1968, стр. 34 сл.

чрезвычайно развитой специальной терминологией, которая долгое время препятствовала пониманию этих текстов.

Основным занятием *kāgim*'а Каниша было обеспечение обращения наиболее важного для того времени сырья—олова и меди. Международный центр торговли, город Каниш (как правило он, а не Ашшур, как предполагают обычно, подразумевается под *alum* — «Городом» в переписке торговцев!) можно рассматривать как прототип будущего торгового города.

Отсутствие рыночных площадей в городах древней Западной Азии, так же как отсутствие в клинописных текстах каких бы то ни было упоминаний ярмарок, предполагает, что возникновению постоянного товарного рынка предшествовала не простейшая форма ярмарки или подобные ей институты, а скорее система кредита, которая не нуждается в рыночных площадях. Очевидно, обозначением рынка был термин *kāgim* с первоначальным значением «пристань» как место для встреч торговцев—где могли происходить и отдельные сделки розничной продажи товаров покупателям,— например рыбы и других продуктов, в том числе и товаров караванной торговли,— но не это было определяющим для характера *kāgim*'а, как организации торговцев,— и поэтому этот термин и развился в дальнейшем в общее обозначение торговой организации, уже без какой-либо связи с действительным рыночным местом или речной гаванью (ни того, ни другой не было в *kāgim*'е Каниша).

Что касается удельного веса двух секторов в хозяйстве рассматриваемого периода, представлявших два различных источника средств для торговли (частный и государственный)⁸, то он выясняется при анализе одного из важнейших вопросов экономики — землевладения.

Можно считать установленным, что в большинстве стран Ближнего Востока III и II тыс. до н. э. земля не была свободно отчуждаемой, или, по меньшей мере, отчуждение ее было определенным образом ограничено. Причиной этого было то обстоятельство, что земля, не принадлежавшая храму и дворцу, как правило, была в распоряжении общинного самоуправления; институты же общинного самоуправления, сформировавшиеся в течение тысячелетней истории родоплеменного строя, могли противостоять любому нажиму какой-либо сильной личности и даже царя, благодаря традиционной регламентации всех сторон хозяйственной и духовной жизни общин. Тем не менее, по всему Ближнему Востоку обычное право отдает предпочтение требованиям кредитора перел

⁸ См. выше прим. 2.

всеми прочими требованиями, какими бы наследственными правами они ни диктовались. Это обстоятельство широко использовалось частными лицами, стремившимися надежно обеспечить процветание своего индивидуального хозяйства. Привилегии кредитора установились, вероятно, благодаря особому значению кредита не только в международной, но и во внутренней торговле. Иноземные купцы, выступая постоянно в роли кредиторов местной общины, могли получать права в местной торговой организации (кагит), даже если, при неблагоприятной политической обстановке, собственно гражданские права были для них недоступны.

Во внутреннем хозяйстве каждой данной страны древнего Ближнего Востока кредит играл доминирующую роль из-за недостатка средств платежа и относительно низкого уровня товарного производства. В самом деле, возможность оплаты любого необходимого товара, — включая, например, орудия труда или продукты, — была связана с периодом сбора урожая, а свободные деньги в любой форме были редкостью в большинстве хозяйств; это делало необходимым обращение к ссудам. Любое расширение производства в сколько-нибудь значительной степени было возможно только путем кредитных операций. Нет ничего удивительного в том, что в торговле внутри страны также преобладал частный кредит.

Таким образом, мы можем сказать, что кредит, и специально частный кредит, был средством, объединяющим разрозненные хозяйства в одну общую систему экономики. С другой стороны, верно также, что в кризисных ситуациях, прибегая к помощи ростовщических ссуд, коммерческий кредит разрушал хозяйство древних стран. Но это должно быть предметом отдельного исследования.

Р. А. ГРИБОВ

СЕВЕРОМЕСОПОТАМСКИЙ ГОРОД В КОНЦЕ
XIX—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. ДО Н. Э.
ПО ТЕКСТАМ ИЗ МАРИ

(Краткое сообщение)

Основная масса источников, позволяющая судить о состоянии северомесопотамских городов в конце XIX—первой половине XVIII в. до н. э., происходит из города Мари на Евфрате (совр. Талль-Харири).

За время раскопок в Мари, ведущихся с 1933 года, была собрана коллекция клинописных табличек, число которых, по определению руководителя раскопок А. Парро, превышает двадцать тысяч. Из них опубликовано уже более двух тысяч. Этот обильный документальный материал принято делить на две большие группы: к первой относятся письма, ко второй—хозяйственные документы.

Хронологически примерно четверть изданных текстов относится ко времени правления ассирийского царя Шамши-Адада I (1815—1782), когда почти вся северная Месопотамия входила в состав Ассирии. Большая часть текстов датируется годами правления последнего царя Мари Зимри-Лима (1780—1752). Иными словами, архив Мари охватывает отрезок времени примерно в семьдесят лет.

Согласно архиву Мари основной территориальной и административно-хозяйственной единицей был *alim*—территориальная община. Таким образом, *alim* служил общим термином для обозначения как города, так и любого поселения. Всего в текстах упоминаются названия более трехсот поселений, из которых около двухсот находилось в северной Месопотамии. Вследствие этого прежде всего необходимо попытаться выделить из общей массы поселений такие, которые можно отождествить с городами. Эта задача выполняема благодаря следующим обстоятельствам. Еще до начала публикации текстов из Мари Ж. Доссен издал список имен ца-

рей с указанием их резиденций, составленный исключительно по данным хозяйственных документов¹. Всего в списке перечислено двадцать пять царских резиденций, из них тринадцать локализуется в северной Месопотамии. Этот список затем подтвердился данными писем. Далее, из писем же стало известно, что самой крупной административной и военной единицей сначала в Ассирии, а затем в государстве Мари был *hašum*. *Hašum* (старовавилонское «крепость, укрепление») в наших текстах имеет значение «округ, провинция»². В состав каждого округа входили десятки поселений. Центрами округов оставались царские резиденции. При ШамшиАдаде I, например, государство Мари составляло один округ с центром в городе Мари, Терка на Евфрате—другой с центром в городе Терке, Экаллатум на Тигре—третий с центром в городе Экаллатуме и т. д. Всего в архиве Мари зарегистрированы названия более пятнадцати округов.

В итоге мы получаем не менее двадцати восьми царских резиденций и окружных центров. Рассмотрим некоторые стороны хозяйственного, общественного и политического устройства выделенных нами городов.

Часть городского населения занималась земледелием, садоводством и скотоводством. Среди горожан часто упоминаются земледельцы, садовники, ирригаторы, подносчики воды, пастухи.

Об уровне развития ремесла можно судить на примере деятельности жителей городов Мари и Терки. В мастерские этих городов часто поступают царские заказы на изготовление различных украшений из драгоценных металлов, оружия, гвоздей, статуй богов. По всей северной Месопотамии славилась лодки и повозки, построенные в Мари и Терке. В текстах перечисляются ремесленники различных профессий: прачечники (*ašlakum*), плотники (*paṅgārum*), пивовары (*LÚ.ŠEM*), корзишники (*atkurpum*), мукомолы (*tē'num*), кузнецы (*qurquṅum*), ювелиры (*kutimmum*), стронтели (*iṭinnum*). Кроме того, тексты упоминают ткацкие (*bīt išparātum*) и литейные мастерские (*bīt šuripim*), а также мастерские по изготовлению тканей (*bīt birmī*).

Согласно нашим данным, в одиннадцати городах из двадцати восьми упоминаются дворцы—*ekallum*, а в шести городах определенно зафиксировано наличие дворцовой или царской земли—*eḳel ekallim*. Последний факт говорит о том,

¹ Ж. Доссен, ВДИ, 1940, 1, стр. 43.

² J. R. Kupper, RA, 41, 1947, стр. 160.

что царская земля не была сосредоточена в каком-либо одном месте.

На основании архива Мари можно сделать вывод о наличии земель, не принадлежащих царю. Приведем в качестве примера лишь один юридический документ. В ARMT VIII 85 сообщается, что более сорока жителей города Сагаратума на Хабуре предъявили иск по поводу поля дворца, заявив: «Поле наше». Далее сообщается: „Ālum Сагаратума собрался, и дело ЗимриЛим в храме богини Ханат рассмотрел в судебном порядке».

В приведенном примере в роли истца выступает ālum— «город» (городское народное собрание), защищающий интересы своих сограждан, а в роли судьи—сам царь. Неизвестно, какое решение было принято в результате судебного разбирательства. Однако можно не сомневаться, что в случае правоты «города» его иск был бы удовлетворен. Как кажется, подобные процессы, в которых сталкивались интересы «города» и царя в вопросе о землевладении, были бы невозможны, если бы царь являлся верховным собственником всей земли. В последнем случае подобные дела должны были решаться в административном порядке, а не в судебном.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу о существовании в северомесопотамских городах земель царских и нецарских. Поскольку в наших текстах имеется материал о деятельности местных органов самоуправления (советы старейшин, народные собрания), о коллективных повинностях и ответственности, налагавшихся государством на жителей поселений и городов, то есть о всем том, что характеризует территориальную общину, можно отнести эту вторую категорию земель к общинной.

Несколько слов о храмовых хозяйствах. Данных о них почти нет. В одном случае (ARMT I 136.5) упоминается сад бога Адада в Аррапхе, в другом (ARMT VI 4,5) речь идет о восстановлении ирригационных сооружений на территории храмов бога ИгиКура в городе Терке. Таким образом, устанавливается только сам факт наличия храмовой земли.

Население каждого города делилось на царских людей и людей нецарских.

Исходным пунктом при определении социального состава персонала царского хозяйства может служить одно письмо времени ЗимриЛима³. В нем сообщается, что в связи с угрозой голода царь приказывает переселить часть царских людей в другое место. Переселению подлежат awīlū, muškenū

³ А. Finet, RA, 53, 1959, стр. 57—69.

же остаются. Muškēnū выражают недовольство, заявляя: «Awīlū двorca переселяют, как же мы остаемся?» В данном случае царские люди делятся на awīlū и muškēnū.

Термин awīlum в текстах Мари, как и в старовавилонский период, служит для обозначения как любого человека вообще, так и свободного, полноправного гражданина. В состав царских awīlū входили люди из числа свободных, связанных с дворцом службой (tērtum, ARMT XV, стр. 273), службой за царский надел (ilkum, ARMT V 48.19), обязанностью являться по царскому зову (dekūtum, ARMT V 73.15) и получавшие за это наделы на царской земле или иное содержание.

О второй категории царских людей—muškēnū—известно немного. Muškēnū в Мари, по-видимому, не отличались от muškēnū старовавилонского периода. Они не имели земли в собственности и получали ее в условный надел от дворца (ARMT II. 55. 29—32). Должность muškēnū могла быть наследственной (ARMT XIII. 141). Muškēnū обрабатывали часть царской земли и были связаны с работами в пользу дворца: участвовали в ирригационных мероприятиях (ARMT III 79.8'—10'), возможно, несли охранную службу (ARMT 36.15—16).

Среди персонала царского хозяйства мы находим также людей, обозначенных как gerseqqū («евнухи»). Gerseqqū имели наделы на царской земле (ARMT II 6.20—21). Они находились под началом старост (waklum, ARMT I 28.20) и начальников (šārīgum, ARMT I 28.20), принимали участие в военных экспедициях (ARMT I 42.34, IV 2.16, 26.9—10, XIII 14. 4—5).

В нескольких документах в роли держателей царской земли выступают awīlū nasiḫū («переселенные»). По поводу значения awīlū nasiḫū существуют различные мнения. Б. Ландсбергер видит в них дезертиров⁴, что сразу отпадает, так как вряд ли дезертиров наделяли землей. Издатели архива Мари предлагают несколько переводов для интересующего нас термина: «оброчные» (ARMT I 79.5), «депортированные» (ARMT XV, стр. 235), «оторванные» (ARMT XIII стр. 165). Наиболее вероятным является вывод Х. Леви, согласно которому awīlū nasiḫū были людьми, оторванными от домашнего очага и вовлеченными в царское хозяйство, так как в большинстве случаев они имели определенные профессии⁵. К выводам Х. Леви следует добавить, что функция

⁴ B. Landsberger, JCS, IX [1955], стр. 125 сл., X [1956], стр. 39.

⁵ H. Lewy, WO, Bd. II, n. 5/6, 1959, стр. 442, 443.

nasīqtūum (абстр. суш. от *nasīḫum*) была временной. Она начиналась, как только человек по царскому распоряжению покидал свой город, и прекращалась с его возвращением обратно на родину.

В текстах упоминаются еще «слуги дворца» (*wardad ekallim*, ARMT V 54.12, XIII, 26.8) и «служанки дворца» (*amat ekallim*, ARMT. XIII, 141.8). Термины *wardū* и *amātu* употреблялись для обозначения не только зависимых, подчиненных лиц, но и для обозначения рабов и рабынь. Архив Мари четко различает *wardū*—рабов от *wardū*—слуг. В тех случаях, когда *wardum* является определением к слову *gēšum*—«голова» (*gēš wardim*), мы имеем дело с рабами, во всех остальных—со слугами. В этом отношении наиболее характерен документ ARMT II 13, где упоминаются и *wardū* «слуги» (применительно к воинам), и *gēš wardī*—«рабы»

Рабы входили в состав как царских, так и нецарских хозяйств. Рабов можно было купить (ARMT I 52.9—10, VIII 9; 10), известны случаи обращения в рабство непокорных усыновленных (ARMT X, VIII. I). Одним из источников рабства являлась война (ARMT II, 13).

Мы почти ничего не знаем о положении дел за пределами царского хозяйства. Свободные граждане—это те же *awilū* иль. *māgū* («сыновья») города. Они объединялись в домашние общины (*bitum*). Есть факты имущественного неравенства среди свободных: тексты упоминают людей богатых (*awilū šarūtu*) и людей бедных (*awilū labnūtu*). Наш материал сообщает главным образом о различных видах налогов, которыми облагалось население городов. Остановимся вкратце на характеристике этих налогов.

В письмах из архива Мари иной раз говорится о получении государством с городского населения налога *biltum*.

Аккадское слово *biltum* выступает в своих обычных значениях—«груз, кладь, поклажа», а также «подать, дань» (ARMT XV, стр. 193). Перевод термина *biltum* в каждом отдельном случае определяется контекстом.

В текстах пока нет указаний, устанавливался ли заранее размер дани, и как она взималась, отмечены лишь случаи ее получения. Так, в одном примере отмечено, что жители города Туттуля на Балихе должны были платить дань (ARMT II, 137. 4—5). В ARMT 132 жители городов Харбе и Андарик сдают царским чиновникам ослов, ослиц, мулов и собак. Согласно еще одному тексту (ARMT I 73) жители городов платили ежегодную дань (*biltum MU I.KAM*). Ежегодная дань взималась серебром или зерном, маслом, вином, скотом и одеждой.

Жители приевфратских городов платили еще и пошлины—*mīksum*. Известно, что пошлина со скота колебалась между одним и тремя процентами (ARMT IX 244), пошлина с товаров, провозившихся через город Мари, равнялась или шести сиклям серебра, или размер пошлины зависел от общей стоимости товаров.

Следующий вид налога—«налог кровью», или воинская повинность. Трудно судить, какова была система набора в армию в мирное время. В случае же войны в армию призывалось все способное носить оружие свободное население. Наиболее характерным примером в данном случае является документ ARMT I 42. В связи с предстоящим походом в северную Сирию правитель города Мари получает царский приказ собрать максимальное количество воинов из числа жителей города Мари и прилегающих к нему поселений. Всего правитель Мари должен выставить 10.000 воинов. Вряд ли можно было собрать такое большое число воинов в пределах одного округа без существования всеобщей повинности ополчения.

Существовал еще один вид повинности, близкий к воинской—*bazahātum*, или полицейская повинность. В Терке на Евфрате, например, существовала «полиция правого и левого берега» (*bazahātum ša aḥarātīm ū aqdamātīm*, ARMT XIII 108.11; 118.19). Полиция набиралась из числа наиболее надежных свободных граждан (ARMT III 30.18), следила за порядком (ARMT III 30.18), задерживала лиц, самовольно покидающих свои общины (ARMT II 92.21; 102.18; 103.10), а также беглых рабов (ARMT XIII 118.19).

У нас есть сведения и о трудовых повинностях. При их определении необходимо учитывать следующее. В текстах Мари нередко сообщается о передвижении из одного населенного пункта в другой отдельных лиц и целых отрядов людей, о выполнении ими различных работ. В большинстве случаев трудно выяснить, принадлежат ли эти люди к персоналу царского хозяйства или не принадлежат, является ли их трудовая деятельность повинностной, или это обычные работы царских людей в рамках царского хозяйства. Однако есть примеры, когда жители отдельных городов и целых округов выполняют одни и те же работы сообща. В таких случаях можно считать, что речь идет об обязательных для всех трудовых повинностях.

В двух примерах сообщается о существовании транспортной повинности. Согласно ARMT I 7. 25—31, жители одного города должны перевозить на возах поклажу, а согласно ARMT V 70, жители другого города выставляют выючных ослов с погонщиками.

Другой вид трудовой повинности — участие в сезонных работах. К сезонным работам относились стрижка овец, сбор урожая, тростника и камыша.

В текстах нередко сообщается о различных строительных работах — постройке дворцов, храмов, оборонительных сооружений. У нас нет данных о строительной повинности, но, возможно, она существовала, если учесть, что сооружение указанных выше объектов всегда считалось делом государственной важности.

Для части населения, жившей в городах по среднему Евфрату и в низовьях Хабура и Балиха, зарегистрирована ирригационная повинность. Работа на каналах требовала привлечения значительной рабочей силы. Заслуживает внимания сообщение правителя одного города, что для восстановления ирригационных сооружений ему «2000 человек недостаточно» (ARMT VI 7). Отсюда частые просьбы о присылке дополнительной рабочей силы из других районов. На каналах трудятся объединенные в рабочие отряды жители отдельных городов, воины, а также рабы, рабыни и дети.

Архив Мари содержит значительные сведения о политическом устройстве городов.

Во главе городов ставились, как правило, царские служащие. Назначение на должность оформлялось специальным документом, в котором указывалось, с какого числа и кто именно «назначен на службу» (ARMT IX 8). При этом особое предпочтение оказывалось лицам, близким к окружению царя. ШамшиАдад I и ЗимриЛим в письмах к своим наследникам рекомендуют, чтобы те выбирали чиновников из числа надежных, проверенных и лично им известных людей. Правители городов, насколько нам пока известно, не имели особых титулов. Им предоставлялись следующие полномочия: руководство администрацией и царским хозяйством, организация публичных работ, надзор за своевременными жертвоприношениями, командование войсками, поддержание порядка, решение различных споров.

В распоряжении правителей находился большой штат чиновников, носивших различные титулы. Непосредственно дворцовым хозяйством руководил «отец дома» (*abu bītim*, ARMT VII, § 51). Земельными вопросами ведал «глава колышка» (*gabi* или *ša sikkatim*, ARMT. I, 18.35; 95.6, 14; III 80.19). Имелся большой штат «учетчиков» — *ebbū*. Учетчики принимали участие в переписях населения, распределении земель среди служилых людей и учете скота и зерна. Они определяли объем работ в рамках царского хозяйства и контролировали их исполнение, ведали оплатой рабочей силы.

Кроме того, в текстах упоминаются «сборщики пошлин»

(mākisum), „писцы“ (ṭupšarum), „архивариусы“ (gadubbum), „разносчики табличек“, т. е. гонцы (bābilum).

Весь городской чиновничий аппарат содержался за счет государства, получая от него земли, натуральное довольствие и ценные подарки.

Города, наряду с царскими чиновниками, управлялись старейшинами или советами старейшин (šībūtum, šībūt alim), шейхами (sugāgum) и народными собраниями (alum, ruḡrum).

Наличие старейшин зафиксировано в шести городах. Данных о них немного. Известно, что наиболее важные дела решались старейшинами сообща на совещаниях (milkum).

Несколько большим материалом мы располагаем о sugāgū. Так же, как старейшины, шейхи играли важную роль в управлении городом. При этом в одном и том же городе могли быть и старейшины, и шейхи. Не совсем ясна разница между ними. Известно, что в должности sugāgū могли выступать старейшины. Следовательно, sugāgū занимали более высокое положение.

Из ARMT I 119 и ARMT V 24 мы узнаем о процедуре назначения шейхов. Оба текста сохранились во фрагментах, но дополняют друг друга. В них сообщается о смерти двух sugāgū двух различных городов, входящих в округ Мари. Представители этих городов являются к правителю Мари и предлагают назначить на места умерших два конкретных лица. Далее сообщается об утверждении предложенных кандидатур в должности sugāgū. Утверждение проводит правитель Мари.

Старейшины и шейхи сносились непосредственно с правителями городов и царем, заботились об охране своих территорий от нападения врага, выставляли людей для выполнения государственных повинностей и сами участвовали в них, вместе с царскими служащими вершили суд, выступали свидетелями при заключении сделок.

Наконец, имеются сведения о существовании народных собраний (alum, ruḡrum). На народных собраниях разрешались конфликты между городом и царем (ARMT VIII 85), обсуждались военные вопросы (ARMT II 75).

Таким образом, если подвести итог, архив Мари сообщает нам о занятиях городского населения, о существовании в городах царских, храмовых и общинных хозяйств, о делении городского населения на людей царских и нецарских, о налогах. В социальном отношении население городов делится на свободных (awīlū), рабов (wardū) и зависимых лиц (muškēnū). Города управляются представителями царской администрации и местными органами.

И. М. ДЬЯКОНОВ

ПРОБЛЕМЫ ВАВИЛОНСКОГО ГОРОДА II ТЫС.
ДО Н. Э.

(По материалам Ура)

I

В эпоху древности, будь то на Западе или на Востоке, именно город, бесспорно, занимает ведущее положение как центр экономической, социальной и политической жизни. Можно сказать, что древность кончается вместе со смертью древнего города. На материале древней Армении это хорошо показано Г. Х. Саркисяном¹.

Сейчас я не буду пытаться дать дефиницию понятия «город», хотя бы применительно к одному лишь II тыс. до н. э. Да и вообще проблема древневосточного города как такового у нас почти не разрабатывалась. Отмечу лишь, что город в рассматриваемое время является центром тяготеющей к нему населенной округи: город—центр округи в хозяйственном отношении, потому что через него осуществляется, с одной стороны, взаимодействие между двумя секторами древневосточной экономики—государственным и общинно-частным², а с другой стороны, натуральный или товарно-

¹ Г. Х. Саркисян, Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин, М., 1960, стр. 132 сл., 144—152.

² Взаимодействие секторов осуществлялось через город потому, что центром государственного сектора являлись склады и центральные административные учреждения главного городского храма и дворца, сосредоточившиеся на священном участке в центре города. О двух секторах древневосточной экономики см. И. М. Дьяконов, Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине, ВДИ, 1955, 4, стр. 39; он же, Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., ВДИ, 1968, 4, стр. 17 сл.; А. Л. Oppenheim A Bird's Eye View of Mesopotamian Economic History, в кн.: „Trade and

денежный обмен между ремеслом и земледелием и между различными районами естественного разделения труда; город—центр округа в политическом отношении как средоточие иерархии общинных органов самоуправления³ и как резиденция государственной администрации; наконец, город—ее центр в идеологическом отношении. Все местные божества, имеющие свои культы в пределах округа, соподчинены и находятся в воображаемых генеалогических связях с главным местным божеством, храм и священный участок которого являются обязательной и значительной частью всякого города этого времени, заслуживающего название города⁴; соответственно, все культы и храмы, подобно самим общинам в округе города, составляют одну систему, с храмом главного городского божества в центре.

Заметим при этом, что нормально в Передней Азии периода ранней древности пределом общинно-государственной интеграции являлось то, что я, по египетскому образцу, в 1950 г. предложил называть «номом»; это территория, которая, включая один, реже—два-три города описанного типа с их округой, ограничена определенными естественными условиями сравнительно небольшого масштаба—горной долиной или бассейном магистрального оросительного канала⁵.

Market in the Early Empires», ed. K. Polanyi, C. M. Arensberg and H. W. Pearson, Glencoe, Ill., 1957, стр. 27—37. См. также о пугах развития экономики эпохи ранней древности: И. М. Дьяконов, Основные черты экономики монархий древней Западной Азии, НАА, 1966, 1, стр. 44—58.

³ Об иерархии общинных органов самоуправления см. И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй древнего Двуречья, Шумер, М., 1959 (ниже—ОГСДШ), стр. 80 сл.; N. B. Jankowska, Communal Self-Government and the King of the State of Arrapha, JESHO, XII, 3 (1969), стр. 15 сл.

⁴ См. планы древневосточных городов, например, в кн.: V. Christian, Altertumskunde des Zweistromlandes, I (Tafelband), Leipzig, 1940 (в начале).

⁵ См. ОГСДШ, стр. 11 сл., 81; И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 79 сл.; A. Falkenstein, Die Inschriften Gudeas von Lagaš, I, Einleitung, Roma, 1966, стр. 17—41. Соотношения «номов» с магистральными каналами в Южном Двуречье становится ясным по материалу экспедиций «Survey of Sumer», проводившихся за последние годы Т. Якобсоном, Р. М. Адамсом, Ф. Сафаром и др., см., например, Th. Jacobsen, The Waters of Ur, «Iraq», XXII (1960), стр. 174—185. При этом Адамс указывает, что водоснабжение базировалось на мелких канавах, отводившихся от рек или магистральных каналов и не требовавших обязательной монопольной государственной организации орошения (R. M. Adams, The Land behind Baghdad, Chicago—London.

Более крупные объединения возможны только в порядке принуждения отдельных вполне автономных «номов» к уплате дани более сильному «ному»; лишь в Южном Двуречье было возможно более органичное объединение в пределах целой речной оросительной системы, да и то непрочное. Итак, основной политической единицей, подлежащей нашему рассмотрению, является «ном»—город и его населенная округа. Оговорим вкратце состав такой округа, тяготеющей к городу и тем самым противостоящей ему.

Но сначала заметим также, что до середины I тыс. до н. э. в Передней Азии не было терминологического различия «города» и «деревни». Такие термины, как шум. *u g u b a g*-(r)a, аккад. *karum*, др.-евр. *kārāg*, видимо, обозначали тогда еще не «деревню», а «временное становище пастухов и охотников»⁶; а аккад. *maškanum*, шум. *ma š - g á n*, *ma š - ga-na*, засвидетельственное как термин для населенного пункта не позже третьей четверти III тыс. до н. э., означало, по всей видимости, «временный стан полевых работников»: действительно, мы теперь знаем, что когда при III династии Ура началось усиленное создание постоянных поселений за городскими стенами, термин *maškanum* сохранился только в значении «тока, гумна»⁷. Термин шум. *é - d u g u 5*, что по-аккадски тоже переводится как *karum*, означает собственно обиталище большой семьи; в раннединастический период, то есть после синойкизма древнейших общин и образования городов, таких семейно-общинных поселений вне городских стен почти не стало; они появляются вновь в Месопотамии лишь с ростом безопасности в пределах более крупных держав, особенно, как уже упоминалось, при III династии Ура⁸.

1965, стр. 40—41). Селение из мелких первобытных поселков в первичный «город» и его постепенный рост—и создание магистрального канала с дальнейшим ростом местной оросительной сети были, по-видимому, параллельными процессами. Однако прорытие и возобновление заливавшегося каждые несколько лет магистрального канала требовало очень больших трудовых затрат и обязательного централизованного в пределах «нома» государственного управления.

⁶ Таков *karum* в старовавилонской версии эпоса о Гильгамеше (ОВ II, 33—34, см. Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»), пер. И. М. Дьяконова, М.—Л., 1961, стр. 16). Ср. «*kārāg* аммонитян» на территории племени вениаминитян, Исх. Нав. 18 : 24; *kr̄g harrēgāzī* «деревня жителей открытой местности» как противопоставление к *'ir mibšār* «укрепленному городу», I Царств 6 : 18.

⁷ См. W. v. Soden, AHW, s. v.

⁸ *Falkenstein*, Die Inschriften..., стр. 39 сл.; *Adams*, Land behind Baghdad, стр. 48 и ср. рис. 2 с рис. 3.

Зато в холмистых и гористых местностях Плодородного полумесяца отдельные семейно-общинные поселения были не менее распространены, чем объединявшие по несколько семейных жилищ территориально-общинные поселки; это объясняется тем, что здесь семейное жилище было легче укрепить в виде «башни» (шум. AN.ZA.GAR, аккад. dimtu). Термин «башня», нам хорошо известный по работам Н. Б. Янковской⁹, означал, видимо, в первую очередь именно жилую башню большесемейной общины, затем также огороженную (?) территорию этой общины, что не исключало наличия особого поселения вокруг этой башни или группы башен; такое поселение обозначалось общим термином *ālu(m)*¹⁰. Этот именно термин — *ālu* — эквивалент шум. *u₂gi*, угар. *q₂rt*, др. евр. *‘ir*, хетт. *ḫarriras* — был в Передней Азии эпохи ранней древности единственным обозначением любого постоянного населенного пункта, состоящего из более чем одного жилища, — от крупнейшего города до нескольких пастушьих хижин.

Ранее многие наши ученые, и я в их числе, делали отсюда вывод, что переднеазиатская древность вообще не знала противоположности города и деревни. На самом деле все обстоит сложнее.

Различные *ālu* удобно классифицировать, разделяя на две группы: во-первых, являющиеся административными центрами высшего порядка, которым подчинены другие *ālu*, и,

⁹ Н. Б. Янковская, Общинное самоуправление в Угарите, ВДИ, 1963, 3, стр. 51 сл.; N. B. Jankowska, Zur Geschichte der hurritischen Gesellschaft auf Grund von Rechtsurkunden aus Arrapha und Alalah, „Труды XXV Международного конгресса востоковедов“, I, М., 1962, стр. 62; она же, Extended Family Commune and Civil Self-Government in Arrapha, в кн.: Ancient Mesopotamia. Socio-economic History, Moscow, 1969, стр. 245¹⁴; она же, Communal Self-Government..., JESHO, XII, 3 (1969), стр. 238¹.

¹⁰ Jankowska, JESHO, XII, 3, стр. 238 сл.; ср. также ниже здесь. По-видимому, западносемитский термин *gt* имел развитие, аналогичное восточносемитским *maškanum* и *dimtu*: вначале это укрепленный комплекс хозяйственных построек, будь то принадлежащий «дому», то есть большесемейной общине, будь то «большому дому», т. е. дворцу; но в конце концов этот термин стал означать «гумно». См. о *gt* и *dimtu* Н. Б. Янковская, ВДИ, 1963, стр. 41, сл.; она же, JESHO, XII, 3, стр. 245 и прим. 2; М. Л. Гельцер, Еще раз об общинном самоуправлении в Угарите, ВДИ, 1965, 2, стр. 8; она же, «Царские люди» (*biš mlk*) и царские хозяйственные центры (*gt*) в Угарите, ВДИ, 1967, 2, стр. 40 сл.

во-вторых, не имеющие вокруг себя никаких нижестоящих населенных пунктов, а только сельскохозяйственные угодья. Деление это на первый взгляд может показаться несколько формальным, но это не так; действительно, *ālu*, которое являлось административным центром, неизбежно являлось и центром дворцового и храмового хозяйства, а стало быть—складов и ремесленных мастерских крупного масштаба—в особенности обслуживающих храм, двор и армию; поэтому такой город представляет собой весьма комплексную структуру, и все процессы, возникающие по ходу производства, обмена, потребления, взаимодействия экономических секторов и т. п., здесь выступают гораздо резче и нагляднее; много обнаруживается экономических явлений, специфических именно и только для таких городов, например, раннее дробление больших семей, образование рынков, а также торговых станов и факторий и т. п. Поэтому ниже, говоря о «городе», я буду иметь в виду именно поселения этого типа, то есть центры населенных округ.

Наличие городских стен в любом случае не является особенно показательным для классификации населенных пунктов этого времени, по крайней мере для аллювиальных долин, защищенных болотами или пустынями: здесь стены могут возникать и позже возникновения классового общества (как в Шумере)¹¹ или даже вовсе не сооружаться (как в Египте). Но в конкретных условиях Вавилонии II тыс. до н. э., когда после падения III династии Ура опять значительно уменьшилась безопасность в стране, ни о каких неукрепленных городах, вероятно, не могло быть и речи, и сомнительно, могли ли быть неукрепленными даже и малые *ālu*, функционально, по существу, являвшиеся деревнями и продолжавшие собой *é-dug*₅ III тыс. до н. э. Не случайно именно в это время в Месопотамии появляется и термин *dimtu* «башня» применительно к негородским поселениям.

II

Наша ленинградская группа только приступает к изучению старовавилонского города¹², поэтому естественно, что

¹¹ Как известно, древнейшая пока найденная в Южном Двуречье городская стена обнаружена в Уруке I Раннединастического периода (XXVII в. до н. э.). Легенда приписывала ее постройку Гильгамешу. Между тем, классы, несомненно, сложились еще в Протописьменный период, см. А. А. Вайман, К расшифровке протошумерской письменности. ПАС. II. М., 1966, стр. 9 сл. и 13 сл.

¹² См. Keilschriftchronik, Or., 37, 4 (1968), 468.

мы не можем сейчас дать сколько-нибудь законченную характеристику его экономики; скорее речь может идти о наметке некоторых проблем.

Прежде всего, следует обратить внимание на то обстоятельство, что старовавилонский город ни в коем случае нельзя считать эталоном города на древнем Ближнем Востоке II тыс. до н. э. вообще. Вспомним, что однотипная, в общем, экономика древней Передней Азии имела по крайней мере два особых типа или пути развития: один (тип I B), характерный для всей ближневосточной периферии, не знавшей крупномасштабной речной ирригации, и другой (тип I A), характерный только для Месопотамии и, может быть, Элама. В районах экономики типа I B развитие общины шло более естественным путем, и частные—первоначально больше-семейные—хозяйства развивались как в области земледелия, так и в области ремесла и даже торговли, хотя и под известным—более эффективным или же менее эффективным—государственным контролем, однако без существенных помех со стороны государственного (царского) сектора экономики. Но в районах экономики типа I A, иначе говоря—в Двуречье, государственный (царский) сектор к концу III тыс. до н. э., ко времени господства так называемой III династии Ура (с 2111 г. до н. э.) непомерно вырос, поглотив едва ли не большую часть сельскохозяйственных территорий и все ремесло, сосредоточенное в сколько-нибудь значительных мастерских: в сущности—все ремесло, которое могло бы стать товарным или обслуживало не одни лишь самые непосредственные сельские нужды, вроде сельских кузнецов или горшечников. То же касается и международного обмена¹³. В принципе, конечно, всегда возможно, что наряду с казенными «тамкарами» (tamkāru) существовали и нецарские люди, занимавшиеся торговлей; на практике это было осуществимо и действительно имело место в периферийных районах Передней Азии, да и в самой Месопотамии—но в те периоды ее истории, когда засилье царского хозяйства было не столь подавляющим; однако вряд ли в условиях III династии Ура в Южном Двуречье могли иметься вне государственного сектора такие производители товарной продукции, которые могли бы

¹³ Все tamkāru при III династии Ура были на государственной службе, см. W. F. Leemans, *The Old-Babylonian Merchant*, Leiden, 1950, стр. 40 сл. Других шумеро-аккадских купцов этого времени нам, кажется, не известно. Международная торговля «Царства Шумера и Аккада» (III династия Ура), базировавшаяся на г. Уре, носила царско-храмовый характер. W. F. Leemans, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*, Leiden, 1960, стр. 18—22.

конкурировать с царскими мастерскими и «латифундиями»; продукция же этих последних реализовалась, естественно, через царских «тамкаров». И хотя мы до сих пор ничего не знаем о внутреннем обмене при III династии Ура, но при изложенном положении вещей, надо думать, что и здесь государственный сектор фактически доминировал.

Мы располагаем сейчас показательными данными о том, что общинно-частный сектор и при III династии Ура вовсе не был поглощен царским хозяйством, как это рисуется в учебниках, и у нас и на западе¹⁴. Но все же нельзя не признать, что государственный сектор при III династии Ура доминировал во всех отраслях экономики и поэтому, несомненно, должен был определять лицо и южномесопотамского города этого времени. По-видимому, этого не наблюдалось в таком масштабе в городах других стран Передней Азии ранней эпохи.

Мало того, изучая город непосредственно следующего, I Старовавилонского периода (время династий Исина и Ларсы), мы с трудом можем обнаружить среди городского населения Южного Двуречья таких лиц, которые не были бы связаны со дворцом и храмом хотя бы формально. Надо думать, что это — пережиток эпохи III династии Ура; можно предполагать, что при ней государственный сектор полностью или почти полностью поглотил всю городскую экономику, и лишь вне города сохранялся и общинно-частный сектор^{14а}. Может быть, наряду с ростом безопасности за городскими стенами, и сохранение общинно-частного сектора в деревне стимулировало расселение жителей за пределы городов.

Поэтому, изучая город следующего, Старовавилонского периода истории Южной Месопотамии, мы должны учитывать, что будем иметь дело не с процессом становления города, растущего естественным путем из более ранних общинных структур, а со становлением особого типа города, образовавшегося в результате крушения почти полной деспотической монополии царского хозяйства, которая была характерной здесь в предшествующий период вообще, а в городе — и в особенности.

Падение III династии Ура явилось результатом прорыва аморейских овцеводческих племен на поля юго-восточной Месопотамии около 2025 г. до н. э.; ИшбиЭрра, полководец последнего урского царя Иббисуэна, взявшийся отстоять страну от нашествия, действительно сделал это, но в ходе своей борьбы с амореями уже в 2017 г. создал новое, собст-

¹⁴ См. об этом *I. M. Diakonoff, On the Structure of Old Babylonian Society, "Beiträge zur sozialen Struktur des alten Vorderasien"*, Berlin, 1971, стр. 18—21; *он же*, ОГСДШ, стр. 250—251.

^{14а} Ср. обычную продажу полей и садов за городом коллективами хозяев.

венное государство в Иисне; государство Ура затем сошло на нет и погубило. Вторжением амореев и постепенным переходом округа за округом к ИшбиЭрре был сразу же нарушен точнейшим образом отрегулированный, но громоздкий и в высшей степени негибкий аппарат государственного хозяйства в масштабе страны; отряды «гурушей», работавших изпод палки на царских полях, просто разбежались¹⁵; в городах сначала поддерживался порядок, в частности, нам известно, что продолжали функционировать царские мастерские¹⁶; но нередко слагались, видимо, такие ситуации, в которых начальникам и надзирателям мастерских и полевых участков попросту оказывалось не перед кем отчитываться; номинально оставаясь царскими служащими, они фактически начали действовать и как хозяева, на свой риск и страх. При III династии Ура всякое самостоятельное хозяйствование царских служащих, не говоря уже о рабочих, не поощрялось¹⁷; но теперь выдача служащим и ремесленникам хлебных и других натуральных пайков из урожая гигантских царских полевых хозяйств была затруднена, а местами и вовсе должна была прекратиться; пришлось участки царско-храмовой земли раздавать самим царским служащим, и они начинали вести на них фактически частное хозяйство, хотя и не являлись их собственниками. Все эти тенденции еще усилились около ста лет спустя. В это время амореи Двуречья из полукочевников-овцеводов отчасти превратились в наемных воинов, услугами которых охотно пользовались все месопотамские цари. К этим наемным отрядам повсюду начинает переходить власть: в 1932 г. образовалось государство Ларса во главе с аморейской династией, а затем в продолжение трех четвертей столетия аморейские племена сажают своих династов в Уруке, в Кисуре, в Мараде, в Казаллу, в Малгиуме, в Вавилоне, в Сиппаре, в Мари, в Ямхаде, в Шубат-Эллиле, в Ашшуре и т. д.¹⁸; некоторые из них быстро сошли со сцены, некоторые же удержались и создали сильные государства, но и они в конце концов (за исключением Ямхада) к середине XVIII в. были объединены Хаммурапи вавилонским. Этот процесс вторично толкнул экономику Дву-

¹⁵ S. N. Kramer, Lamentation over the Downfall of Ur (AS 12), Chicago, 1940, 11, 264—267.

¹⁶ V. E. Crawford, Sumerian Economic Texts from the First Dynasty of Isin, New Haven—London, 1954.

¹⁷ А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, М.—Л., 1956 (ниже—ГХДШ), стр. 316 сл. Выдача служебных наделов из царской земли в это время хотя и встречается, но редко.

¹⁸ D. O. Edzard, Die „Zweite Zwischenzeit“ Babylonien, Wiesbaden, 1957, стр. 99 сл.

речь к хаосу и, конечно, отозвался одинаково болезненно и на государственном, и на частных хозяйствах, но новые частные хозяйства, по своей несложности, очевидно, легче возрождались. Даже распределение жреческих обязанностей сделалось не функцией государственной власти, а предметом частных соглашений, завещаний и т. п.¹⁹. Для частных собственников на общинной земле тоже открылись новые возможности развития их обособленных хозяйств, и не только в земледелии, но и в ремесле.

Таков тот исторический фон, на котором развивался исследуемый нами старовавилонский город. Материалом для исследования явился пока город Ур времен господства династии Ларсы. От интересующего нас периода в Уре археологически засвидетельствован, во-первых, священный участок²⁰, обнесенный стеной, с зиккуратом, с важнейшими храмами, дворцом и основными хозяйственными строениями государственного хозяйства; сюда же примыкает большая речная гавань, где, по-видимому, находился рынок с купеческой организацией (*kārum*)²¹ и ее постройками, а также сад²²; и, во-вторых, два отлично обследованных археологами, хотя, к сожалению, пока очень плохо изданных жилых кварталов средней состоятельности²³; они были уничтожены в 1739 г. вавилонским царем Самсуилуной после восстания РимСина II в Ларсе и Уре. Интерес этих кварталов в том, что здесь не только найдено около шести десятков хорошо сохранившихся жилых домов, но и школа, три квартальных храма, хлев

¹⁹ На важность этого обстоятельства указывает Д. О. Эдгард в кн.: Fischer Weltgeschichte 2, Die altorientalischen Reiche I, Frankfurt a/M, 1965, стр. 197. Ср. ниже, прим. 38.

²⁰ См. прим. 4.

²¹ См. план древнего Ура (опубликован многократно, см. например, „The Antiquaries Journal“, XI, 4 (1931), стр. 358; „The Museum Journal“, XXII (1931), pl. XXVIII; ср. также в прим. 4 здесь). — Относительно *kārum* на юге Двуречья см. F. R. Kraus, Ein Edikt des Ammi-šaduqa, König von Babylon, Leiden, 1958, § 8'; стр. 75 сл.; в Малой Азии: P. Garelli, Les assyriens en Cappadoce, P., 1963, passim; Н. Б. Янковская, Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР, М., 1968 (ниже—КТК1), стр. 65 сл.

²² UET V, 272: 2.

²³ C. L. Woolley, Excavations at Ur, 1930—I, „The Antiquaries Journal“, XI, 4 (1931), стр. 359 сл. К одному из кварталов—по-видимому, между гаванью и храмом—относятся, как кажется, экспедиционные №№ 7000—8000, к другому (план его опубликован Вулли, хотя и плохо)—№№ 16000—17000.

для мелкого скота при домах²⁴, большой, по-видимому казенный, зерновой склад, меднолитейная мастерская, общественная хлебная печь и, по-видимому, постоянный двор с питейным заведением. При этом и в школе, и вокруг нее найдены учебные пособия и литературно-религиозные произведения, в домах — архивы юридических и хозяйственных документов и писем и отчасти также и религиозные тексты²⁵.

III

Пока из опубликованного материала удалось выделить пять довольно четко очерченных архивов. Первый — это архив Эанацира, импортера меди с острова Дильмун (Бахрейн) и хозяина крупной медеплавильной и медеочистительной мастерской, обслуживавшей государственных и частных заказчиков; архив Эанацира подробно исследован В. Ф. Леемансом²⁶. Второй — архив КуНингалья, жреца и храмово-

²⁴ Вулли (стр. 360) считает их лавками, однако большинство из них не могло быть местами длительного пребывания человека, так как не имеют ни отхожих мест, ни дворов, а выход из них часто находится в туннеле рядом с несколькими входными дверями жилых домов; «лавочник» находился бы здесь в безвыходном положении. Лишь более обширные (и более редкие) сооружения, состоявшие из одного-двух передних помещений и дворика, могли бы быть лавками.

²⁵ Так, в архиве КуНингалья, носившего жреческий титул AB.NUN.ME.DU (экспедиционный номер U. 7836) был найден гимн храму бога Ниншубура (UET VI, 1, 117), в архиве Эанацира (экспедиционный номер U. 16829)—отрывок из сборника гимнов храмам (UET VI, 1, 111), в архиве ПузурДаму и его родичей (экспедиционные номера U. 16830—16831)—легенда об Иннин и Эбехе (UET VI, 1, 14) и гимн к малоизвестному—вероятно, родовому,—божеству DN i n-b à (d) (UET, VI, 1, 73). Ср. также гимн богу Нингизиде, UET VI, 1, 70=U. 16834.

²⁶ *Leemans, Foreign Trade...*, стр. 38—55. Эанацир жил в Уре в правление РимСина I (крайние даты датированных документов—1813 и 1790 до н. э. по средней хронологии). Относящиеся к нему документы: эксп. № U. 16089 : UET V 29; 520; U. 16522—16527 : UET V 23; 72; 158; 471; 661; 796; 848; U. 16814 : UET V 5; 6; 7; 20; 55; 81; U. 16823 : 54; U. 16829 : UET V 22 (но к другому лицу : UET V 41); сюда же литературный текст UET VI, 1, III. Вероятно к нему же относятся документы без экспедиционных номеров: UET V, 418; 554; 643; 673; может быть к нему же UET V 261 (архив Думузигамля, U. 17249) или 159 (U. 16194), но не 718 (U. 7802). Эанацир занимался скупкой меди на о. Дильмун (Бахрейн) на средства крупных ремесленников-скупщиков, и кроме того, по-видимому, и на казенные средства, а также на свои; перевозил руду в Ур и подвергал обогащению в своей мастерской, а затем продавал слитки ремесленникам; производил также обработку руды по заказам частных лиц. Ка-

го служащего средней руки, и его сыновей²⁷; часть сведений по этому архиву была сообщена мной в ряде докладов, начиная с IV Сессии по древнему Востоку в Ленинграде и позже²⁸. Третий — архив Имлику и его семьи²⁹; он включает до-

кая-то связь его с храмом и дворцом вероятна: см. о его долге—18 кг меди—дворцу UET V 81 : 34, и ср. 796, где он сдает или должен казне бронзовые предметы (как свою з а g-и «десятину», то есть просто как пошлину с товаров: ср. UET V, 794—795); Эанацир был также ответственным за сдачу корзи́н казне плетельщиком Икū(п)-каша и другими (UET V 520 : 26; 661 : 19); однако все его собственные операции, засвидетельствованные документами, носят совершенно частный характер. (По-видимому, не все документы архива Эанацира опубликованы; Вулли указывает, что среди них есть покупка жилой площади и финниковых плантаций и продажа старой одежды (?), см. *C. L. Woolley, Excavations at Ur, 4 ed., London—New York, 1963, стр. 185*). Ср. резко отличающиеся данные о царских литейных мастерских времени III династии Ура, Тюменев, ГХДШ, стр. 354 сл.

²⁷ Сюда относятся документы эксп. № U. 7286—7287 : UET V 140; 179; 213; 236; 424 (здесь же документы других лиц: 109; ср. 150; 125; 154; 277; 545; 569; 590; 705; 714—717: в том числе документы Экигалы—ср. архив U. 7795,—возможно, отца КуНингалья): U. 7836; 95; 123; 124; 180; 191; 212; 249 (?); 252; 254; 272 (здесь же документы других лиц: 64; 233; 536; 834 и текст UET VI, I, 117) и без экспедиционного номера: UET V 106. К другим КуНингальям относятся документы UET V 170; 171; 420; 494; 561; 583; 607; 633; 663; 672; 770; 854.

²⁸ И. М. Дьяконов, *Город Ур при РимСине I и Хаммурапи, «IV Сессия по Древнему Востоку. Тезисы докладов»*. М., 1968, стр. 44 сл.

²⁹ Сюда относятся документы эксп. № U. 16826—16828 и некоторые без полевого номера, например UET V 321? Лица, имеющие отношение к «группе Имлику», следующие: 1) первое поколение (1900—1880-ые гг.): Илушумубаллит старший, Сингамиль, Шешипад—UET V, 163; 185; 190; 2) второе поколение (1870—1850-ые гг.): только один документ UET V 136, все еще относящийся к Илушумубаллиту старшему. К этому же поколению относится раб Абуни, еще в 80-е годы откупленный Шешипадам у некоего Шумиабини; 3) третье поколение (1840—1820-ые гг.): Ибашши-илум и Илиэриш, вероятно—братья—UET V 90; 267; 224; 187; 92; 204 (последняя дата—1824 г.); сестра Илиэриша была высокопоставленной жрицей *ugbaptum (nin-digir)*—UET V 187; ср. 267. К этому же поколению должен был относиться и Qiqqi, а также Илушумубаллит младший, доживший до 1802 г.—UET V, 274, вероятно—внук старшего, так как сыновьям ния по отцу не давали. К сожалению, установить родство остальных лиц третьего поколения с первым невозможно; 4) четвертое поколение (1810—1790-е гг.). Деятельность лиц этого поколения захватывает частично и время деятельности предшествующего (самая ранняя дата Имлику—1830 или 1827). Сюда относятся прежде всего лица, перечисленные в письме

кументы свыше двух десятков лиц, в том числе не менее десятка принадлежащих к одному поколению; к сожалению, хотя какое-то родство их между собою несомненно, но генеалогических указаний документы этого архива почти не содержат, так что о взаимоотношении всех этих лиц можно только гадать; к тому же и о характере занятий этой группы людей документы говорят мало: письма глухо упоминают о каких-то денежных делах, юридические документы — о найме и приобретении лодок или барж, но большинство документов относится к семейным или квартирным делам и изредка — к займам, которые члены этой группы как давали, так и получали. Наконец, четвертый и пятый—это архивы ростовщиков, ПузурДаму (он же ПузурДумузи)³⁰ и Думузи-

УЕТ V 76 (от 1820-х годов); этих лиц, по-видимому, надо разбить на три подгруппы; в каждой подгруппе—родные братья, приходящиеся двоюродными другим подгруппам: а) Абуни, Такишабушу; б) АнаСинвушшур, Илидиннам; в) Имлику (дожил до 1787?), Атта — возможно, тот Атта, которого Вулли (Excavations at Ur, London—New York, 1955, стр. 186) упоминает как соседа ИркуАдада, хозяина дома Church Lane XV)?—а также не перечисленные в этом письме Шамашитэ и, вероятно, Ниднат-Син и их сестры или тетки—Алиаби и еще одна—и жена Имлику Нуттуптум; группа (в)—вероятно, дети Илиэриша, так как сохраняют его связи с храмом бога Нингизиды; УЕТ V 207; 271; 76; 8; 244; 247; 93; 274; 310; 240; 32?; 34; 228; 356; 368; 475; к этому же поколению относятся: Илушунацир, клиент Имлику и Атты—УЕТ V 244; 150; 168; 115; 603; 608; (часть документов—в архиве ПузурДаму) и его брат Умуссу; корреспондент группы Имлику,—Наннамансум; Бабатум, дочь Илушумубаллита младшего, и ее муж, жрец Наммупада, усыновленный тестем—УЕТ V 274; Синшеми, Дада и Ибни(я), видимо, все—сыновья Кукку, и Буртум, жена одного из них (?)—УЕТ V 122; 385; 127; 5) пятое поколение (начиная с 1790—80-х гг.): сыновья Имлику и Нуттуптум (??) Аппа, ИббиИлабрат и НурЭштар и дочь Айаремат—УЕТ V 149(?); 585, а также ВарадНанна, сын Алиаби—УЕТ V 98. Возможно—он же сын начальника хлебного склада КуЛугальбанды, засвидетельствованный с 1811—1807 гг.—в 777 (ср. 779 и 780; 783; 786).

Из этого видно, насколько сложен состав группы родичей, хранивших документы в одном архиве. Кроме перечисленных, в него входят еще документы УЕТ V 330; 24; 475; 575.

³⁰ Сюда относятся документы: эксп. № U. 16830 (п, может быть, U. 16831; УЕТ VI, 1, 73): УЕТ V 205; 206; 221; 273; 328 (относятся к ПузурДаму, или ПузурДумузи, датированы 1838—1831); 115; 168; 603 (относятся к Илушунациру, из них датирован только № 608—1813 г.); к другим лицам относятся УЕТ V 69; 148; 209; 157; 273; 309; 323; 341; 342; 386; 430; 469; 476 (датированы 1821—1797 гг. до н. э. по средней хронологии); здесь же найден гимн УЕТ VI, 1, 14.

гамия³¹. В архиве ПузурДаму встречаются документы также и других его родичей, которые тоже помаленьку занимались ростовщицеством. Второй ростовщик, Думузигамиль,—

³¹ Думузигамилю принадлежат архивы эксп. № U. 16592—16598 (A) и, по-видимому, U. 17249 (B); в этих архивах есть также документы начальника «тамкаров» Шумиабума: UET V 126 (A); 361; 403 (B) и ростовщиков Аладбани: UET V 211; 261; 335; 344; 379 (B), ВарадСина (посредник в ростовщических операциях храма Шамаша): UET V 316 (A); 130; 318; 383; 421 (B) и ПузурДаму: UET V 327 (B). О самом Думузигамиле, документы которого датированы между 1797 и 1788 гг. до н. э. по средней хронологии, мы знаем следующее: он был сыном ИгмильСина и имел братьев—Шумиабию и Имгуа. В начале своей деятельности Думузигамиль занимал деньги у начальника тамкаров вместе со своим братом Шумиабией из 30%: UET V 361 (B), но к 1792 г. расплатился за себя и за брата: UET V 126 (A), и, начиная с этого времени, развил бурную ростовщическую деятельность. Еще в 1793 г. он отдавал займы ладью: 225 (A); затем совершал какие-то пока неполные ясные сделки со скотом, серебром и хлебом: 226 (B); 404; 405; 435? (A); но в основном с 1792 по 1789 он дает ссуды деньгами (серебром). Займы у него берут разные лица (постоянных клиентов нет) и на небольшие суммы, от 1—2 до 25 сиклей серебра: 312—315; 317; 349; 350; 352—354; 365; 434 (A); 347, ср. 523?; 798 (B); в том числе занимают моряки и купцы «на путешествие». Иногда он выступает посредником при займах у различных храмов: 311, 363 (B). В отличие от других ростовщиков, Думузигамиль продуктов не ссуживал, хотя взимать долг мог и натурой, например, шерстью: 413 (A). В 1790 г. он уплатил за своего второго брата Имгуа его долг, а в 1789 г. перекупил чей-то долг у другого кредитора: 433, 436 (B). Думузигамиль, несомненно, имел постоянные отношения с казной; так, от 1793 г. сохранилась запись о нем, в числе других лиц, как имеющим долг в виде небольшого количества кунжутного масла и 2 сиклей серебра, возможно, по налогам: 535 (A), и от 1789 г.—расписка в получении коровьего масла: 451 (B). Возможно, он сам принимал участие в сборах налогов: в архиве (A) сохранились записи о различных предметах, являющихся «долгом» (š u - ti - a) «граждан Ура» (ma-ri Urim^{K1}) или же забранных «в Ларсе» и «в домах граждан Ура»: 459; 474. Особенно нужно отметить еще следующие документы: 450 (A)—изъятие (?) у плетельщика корзины, Атты, 7 кг шерсти «для работы» (шерсть плетельщику предстоит, очевидно, выкупить за деньги, так как это его «долг»?); 407 (B), датированный ранее 1793 г.—«заем» неким Синремени серебра из храма Нанна(ра) для покупки овец на царскую жертву; к празднику он должен доставить овец в натуре; видимо—хотя это не сказано—Думузигамиль был посредником; и 613 (A)—выдача баранов на жертвы в 1787 г. Кроме того, в архивах Думузигамиле сохранились еще документы других лиц—о покупке (?) дома в kaġum: 197 (B), о найме помещения: 200 (A), документы, связанные с займами у различных лиц, может быть, перекупленные

живший, между прочим, в маленьком и бедном доме³², — выступает, как правило, один: лишь однажды он оказал финансовую помощь своему брату³³, а в начале принял участие, — в том числе вместе с братом в качестве компаньона, — в каких-то, видимо, торговых предприятиях³⁴. Имел ли он жену или детей — мы не знаем; знаем лишь, что в конце своей деятельности он нанял себе раба — у своего же должника³⁵.

На основании этих архивов — и других опубликованных в прорисовках документов из того же квартала — пока еще нельзя обрисовать цельную картину городского экономического механизма, так как исследование только начато; поэтому я лишь по пунктам остановлюсь на некоторых важнейших характерных чертах городской экономики, которые могут послужить отправным моментом для дальнейшего более комплексного историко-экономического (и историко-культурного) исследования.

IV

(1) *Общие бытовые условия.* Дома в изучаемом квартале, если рассматривать их как рассчитанные на одну семью (а такими они, очевидно, первоначально и были), достаточно по тем временам комфортабельны. Отдельный дом не имел особо оформленного фасада и занимал неопределенную площадь, хотя и с некоторой тенденцией к прямоугольному плану — точнее, всю каждый раз доступную площадь, так как городская территория, вообще говоря, застраивалась

Думузигамилем: 246; 297; 300; 305; 346; 376; 404 (B); 406 (A); 437; 446; 453; 455 (B); 458 (A); документы о расходах масла и разных продуктов — выданных в долг и (в одном случае) проданных за серебро: 511, 598, 608, 681 (B) и другие: 697; 709; 710; 872; 874 (B), отношение которых к Думузигамилю неясно.

³² Вероятно, именно Думузигамиль — тот «ростовщик», дом которого упоминает Вулли („The Antiquaries Journal“, XI, 4, стр. 364: Niche Lane 1).

³³ UET V 433. Думузигамиль заплатил 4 сикля 10 ше серебра за своего брата Имгуа, задолжавшего эту сумму как наемную плату (?) некоему Атте.

³⁴ UET V 126 (ср. 361). Думузигамиль не только ссужал деньги на путешествия купцам и морякам (UET V 313—315; 523; 798), но, возможно, и сам участвовал во внешней торговле; этим могут объясняться пока необъясненные его операции с ячменем, скотом и деньгами (UET V 226; 404; 405; 437) и то, что у него оказалась баржа, которую он затем отдал в наем (UET V, 225). Его средства, по всей вероятности, были приобретены торговлей.

³⁵ UET V 241 (A, 1788 г.). Условия найма самые варварские.

сплошь; проходы от одного дома к другому нигде не превышали 2—3, чаще 1,5 м в ширину и вились совершенно беспорядочно, едва обеспечивая каждому жителю возможность добраться до своей двери. Фундамент дома и нижние части стен, для предохранения от ливней, были сложены из обожженного кирпича, остальные стены — из сырца. Дома в этих кварталах были все двухэтажные; в нижнем этаже они вмещали, помимо центрального дворика, обязательную праздничную горницу и второй дворик-святылище, оно же семейная усыпальница, — иногда также кухню, служебные помещения — и всегда лестницу вверх с уборной под нею; на втором этаже были жилые горницы, выходившие на внутреннюю галерею. Площадь по фундаменту составляла от 60 до 100 м².

Однако в результате роста населения, который в опасные времена после падения III династии Ура не мог сопровождаться расселением жителей в сельской местности, в городе быстро возникала скученность, и с течением времени дома оказываются заселенными несколькими, иногда и неродственными семьями; покупались и продавались обычно не жилые дома, а соседние комнаты и даже части комнат (с передвижкой соответствующей сырцовой стенки)³⁶; до нас

³⁶ Woolley, «The Antiquaries Journal», XI, 4, стр. 368. Сделки покупки комнат и частей комнат (по датам): UET V 131 (1903 г.): ок. 9 м²; 132 (1896 г.): 3 (!) м²; 134 (1896 г.) 3 с дробью м²; 135 (1890 г.) 15 м²; 136 (1865 г.) 15 м² (архив Имлику); 137 (1824 г.) 10 с дробью м²; 138 (1824 г.) ок. 18,5 м², заброшенное жилье; 139 (1823 г.) 4,5 м²; 141 (1821 г.) 21 м²; 142 (1821 г.) ок. 10 м²; 143 (1818 г.) ок. 11 м²; 144 (1815 г.)? м²; 145 (1814 г.) 18 м²; 146 (1813 г.) 24 м²; 147 (1812 г.) 9 м²; 148 (1812? г.) ок. 10 м²; 149 (1811 г.) ок. 14 м²; 150 (1807 г.) 10,5 м²; (архив Имлику); 150 (1807 г.) 10,5 м² (архив Имлику); 151 (1806 г.) 75 м²+180 м² полевого участка; 152 (1804 г.) 12 м²; без дат: 153—ок. 1 (!) м²; 154—ок. 2 (!) м²; 155—9 м²; обмен на 9 м²; 156—12 м².

Как видно из этого перечня, только UET V 151 может быть сделкой купли-продажи дома; в остальных случаях продаются комнаты и части комнат; как могла осуществляться подобная покупка—видно в статье Вулли по плану дома Church Lane VII (который, по Вулли, принадлежал Эанациру), врезающегося в соседние дома и отрезающего куски от их комнат — путем передвижки соответственных сырцовых стенок. В документах употребляется термин é - d ù - a «застроенный участок», что совершенно точно передает суть дела. Однако многие исследователи (M. Schorr, Urkunden des altbabylonischen Zivil-und Prozessrechts, VAB 5, Leipzig, 1913, стр. 132, пояснение к тексту 87; стр. 135, пояснение к тексту 90 и др.; H. H. Figulla во введении к UET V, и мн. др.) переводят é - d ù - a как «дом». Между тем, как мы видим, иногда продаются отрезки комнат размером до 1 м², а

дошли записи возникавших в связи с этим любопытных судебных дел³⁷. Протоколы разделов наследства между братьями дают нам хорошее представление об утвари такого дома и движимом имуществе его хозяев³⁸. В жилищной

чаще всего размеры \acute{e} - $d\acute{u}$ -а (от 9 до 30 м²) соответствуют обычным археологически засвидетельствованным размерам комнат. Это не значит, что житель Ура жил со своей семьей, как правило, в одной комнате: частично комнаты прикупались у соседей для расширения жилья, а документы раздела чаще всего, видимо, имеют в виду идеальные доли: братья с семьями и после раздела продолжали жить вместе. Это видно из раздела дверей: например, один брат получает при разделе собственность на входную дверь, другой—на дверь галерейки и т. п. Несколько слов о цене комнат: цена в UET V 131; 132; 134; 145; 146; 147 и 153 дорога: от 2,6 до 5 сиклей серебра за 1 м²; в остальных случаях цена колеблется между 1/3 и 1,7 сикля за 1 м²; в первом случае 4—8 м², во втором—10—60 м² равны средней цене 1 раба.

³⁷ Пожалуй, наиболее интересны UET V 124 (сыновья КуНингалья уступают своему соседу, строителю Синэришу, комнату в 15 с небольшим метров—принятую еще КуНингалем у отца Синэриша,—и обязуются уступить ему еще 18 с небольшим метров, которые «положены Синэришу (букв. «у Синэриша) от дома КуНингалья»; после этого Синэриш обязуется выехать из дома сыновей КуНингалья; и судебное решение «среди великих, собрания и судей» по спору о владении двором (\acute{e} - $k\acute{i}$ - $g\acute{a}l$) размером 9 м², оставшимся после женщины Ахативакрат, между Синмуштешером и женщиной ШатЭа, UET V 247 а и б (вместе с женщиной, как неполноправной, выступает ее сын (?) ВарадЭштар, видимо, несовершеннолетний). Суд решил дело в пользу ШатЭа и ВарадЭштара—но (видимо, за взятку!) на копии-конверте писец изменил решение и приписал: «(за то), что, [о]к[а] ШатЭа (не) умрет, будет ее содержать он, Синмуштешер, то ВарадЭштар, ее сын, свой участок пусть ему отдаст» (строки 14—19 на конверте); этот текст изложен не очень складно, но смысл, видимо, сводится к тому, что Синмуштешер все же получит спорный участок в обмен на обязательство участвовать в содержании ШатЭа. Свидетелями-судьями были, между прочим, и братья Имлику.

³⁸ UET V 100—120. К сожалению, только один из разделов имущества принадлежит к перечисленным выше архивам: UET V 115 (U. 16830), раздел между Умуссу и Илушунациром, очень бедными родичами (братьями?) ростовщика ПузурДаму. Первый получает около 18 (?) м² площади и дверь, второй—несколько более 9 м² и дверь; кроме того, оба обязуются выдавать своей матери ежегодно по 3 кг шерсти и ежемесячно около 45 кг немолотого ячменя и 0,375 л кунжутного масла; по поводу этого обязательства содержания матери был составлен еще и отдельный договор (UET V 603). Из других разделов имущества отметим, в порядке их датировок—UET V 100 (1923 г. до н. э.): выдел одного из трех братьев включает ок. 40 м² застроенной площади и двор, 2 двери, 1 кровать, 1 стул, разную каменную и медную утварь; UET V 105 (1861 г. до

семье этого квартала могло иметься некоторое количество наличного серебра, но большинство семей серебра не имело;

и. э.): доходы с двух жреческих должностей в течение 40 дней (!) и 6 дней (!) в год в храмах богинь Нингаль и Нанайи и свыше 30 м² застроенной площади получает старший брат, и почти равноценную долю—второй брат; дальнейшие условия плохо сохранились; UET V 108 (1817 г.): делятся только дом и рабы между двумя братьями; каждый получает по 5 рабов; младший брат получает 30 м² застроенной площади «на пустыре» и 23 м² застроенной площади «в kāgim рядом с домом Нурахи, суды»; раздел движимого имущества без поименного перечисления предметов; UET V 109 (1814? г.): делятся три брата, соседи знакомого нам КуНингала. Старший брат был выделен раньше, но владел жилой площадью совместно с третьим и четвертым братом (см. UET V 123; 150). Описание доли второго брата, ПузурЭллиля, сохранилось плохо: третий брат, Нигина, получает около 5 м² (!) застроенной площади (в идеальной доле), 1 дверь, 1 рыбацью лодку, 1 ткацкий стан, 1 лук, разную медную и деревянную утварь, 1 корзину с клинописными табличками (видимо, в память своего деда [?], писца Нигины, жившего на два поколения раньше); примерно то же получает и четвертый брат, Пулалум, но вместо корзины с табличками он получает кровать и два светильника; UET V 112 (1804 г.): раздел богатого дома между четырьмя братьями. Старший получает больше площади, чем другие, но с оговоркой, что он несет обязанность платить с нее «десятину», которой обложена почти половина ее. Всего он получает: ок. 14 м² застроенной площади, 1 дверь ценой в 2/3 сикля серебра («за старшинство»), 8 м² заброшенной площади, 1 дверь на галерею, 2 бронзовые прялки, 1 бронзовый сосуд вместимостью 15 л, 1 каменный пест, 1 каменную чашку, 1 лазуритовый сосудик, 1 кровать, 2 стула, 1 большой стол, 1 кадучку, 1 корзину и еще некоторые бронзовые и деревянные предметы, 1 раба ценой 18 сиклей серебра, 8 2/3 сикля серебряного и 60 сиклей (0,5 кг) медного лома; UET V 113 (1795): жреческая семья; старший сын, помимо доходов за 16 дней жреческой службы в году в четырех разных храмах, получает менее 8 м² застроенной площади, в том числе часть обложена десятиной (z ag - u; ср. pat - u в UET V, 112), 720 м² финиковой плантации и 3 га сада; 2 кровати, 2 стула, 1 большой стол и разную деревянную утварь: богатый дом! Без даты: UET V 117: второй брат получает доход с 20 дней жреческой службы в месяц в двух храмах, ок. 32 м² застроенной площади, 3 двери, разную утварь, 1,4 га финиковой плантации, свыше 1,5 га сада, 1 раба, 1 рабыню, 1 сундук, 1 кровать, 5 деревянных и 2 бронзовых чаши, медный ларец (?) весом 6 кг. Аналогичные доли получают старший и младший брат; UET V 119: старший брат получает ок. 14 м² застроенной площади «за старшинство» (другие братья получают несколько меньше), 2 двери, 1 раба ценой 22 сикля серебра, 3 1/3 сикля серебряного лома (?) и др. UET V 120: в раздел между четырьмя братьями идут только рабы (4+6+5+7; только мужчины). Семья работоторговцев? По-видимому, эта серия документов дает хорошее представление о состоятельности и быте горожан Ура в

«имущество состояло из таких ценных деревянных предметов, как дверь на галерейку, сундук для одежды или ларец для предметов женского туалета (бус и др.), иногда — лодка; затем идут ступки, каменные сосуды, пестики; прялки и другие медные и бронзовые инструменты ремесла; корзины, плетенные из тростника; но циновки и глиняная посуда в описи не входили, видимо, не составляя большой ценности. В семье обычно была одна кровать, — но иногда при разделе доставалось по одной кровати на каждого брата с семьей, — и от одной до трех табуреток. На полу, как позже арабы, здесь не сидели: если не было мебели, использовали для сидения вязанки тростника³⁹. Рабов в доме было от нуля до десятка, но последнее — редко⁴⁰.

Как ни скуден этот быт, он указывает на известную зависимость каждого хозяйства этого городского квартала от товарного рынка; не случайно, что в несколько более состоятельной семье, — как только кровать или стул перестали составлять проблему — обязательно есть в том или ином виде медь и серебро, и чаще всего в виде металлического лома, то есть, в сущности, денег⁴¹; и, разумеется, каждое отдельное хозяйство не могло само производить все эти двери, ларцы, инструменты и т. д. Конечно, покупка их не была повседневным делом — вероятно, их приобретали раз в поколение, не чаще — но, во всяком случае, без их покупки нельзя было обходиться. Но были и товары, которые приобретать приходилось постоянно. Иногда покупали, — однако и пищу, — например, покупали хлеб на площади у хлебной печи⁴², во всяком случае, среди многочисленных городских профессий этого времени нет профессии лавочника (есть только разносчик)⁴³.

царстве Ларсы. — UET V 121 — не юридический текст о разделе имущества, а математический.

³⁹ См. изображения на цилиндрах-печатах этого времени.

⁴⁰ Из десяти приведенных выше документов раздела рабы имеются только в четырех: UET V 108 (10 рабов-мужчин), 112 (3 раба), 117 (не менее 1 раба и 1 рабыни), 120 (22 раба-мужчины; делятся работорговцы?). См. еще выдел приданого, включающего пятерых рабов, UET V 793. Это — очень богатый дом: невеста получает 1,5 кг серебра, 3 стола, 4 стула, 10 деревянных чашек (?) и много других вещей. Из какого архива этот документ — неизвестно, полевой номер утерян.

⁴¹ Из приводившихся документов раздела см. UET V 112; 117; 119. Следует заметить, что не всегда раздел бывал полным, и часть вещей могла оставаться в общем пользовании.

⁴² Woolley, „The Antiquaries Journal“, XI, 4, стр. 365.

⁴³ Речь идет о *šamallûm* (термин заимствован из шумерского „женского языка“, где он должен был звучать *šaman-lá; литер. шум. šagan-

Больше можно сказать об одежде. Обычной одеждой каждого — равно мужчины или женщины — был поясok на голое тело и рубаха (туника); иногда мужчины ходили в одной набедренной повязке. Женщины носили бусы во много рядов, совершенно закрывавшие шею, и повязку на отброшенных назад волосах. Более богатые люди поверх туники носили нечто вроде сари—одежду-ткань (одно полотнище, оборачивавшаяся вокруг тела); в плохую погоду носили плащ-накидку. На голове мужчины носили войлочную шапку или колпак; на ногах—изредка—сандалии. Ткань одежды редко была полотняная, обычно же шерстяная, беленая; дорогая ткань окрашивалась в красно-бурую или голубую краску и имела бахрому. По данным, происходящим из городов Малой Азии этого же самого времени,—несомненно, менее развитых, чем Ур,—мы знаем, что приезжие купцы там бойко торговали тканями, причем дешевыми и грубыми—даже бойче, чем тонкими⁴⁴; торговали и обувью. Надо думать, что и в Уре одежду достаточно часто приобретали покупкой, хотя в числе утвари в доме встречаются нередко прялки и ткацкие станки. И еще многое указывает на сравнительно развитое денежное хозяйство: тут и денежные отчасти поборы и налоги⁴⁵, и принудительная продажа царскими людьми сдаваемой ими продукции скупщикам, которые за них расплачи-

1á „носящий выюк“, или, собственно, приспособление для ношения сосудов, в которые в древности складывались продукты, а также и вещи). О положении *šamallûm* см. ЗХ §§ 100—107. Старовавилонские тексты знают лавки (*bit mašîrim*), хотя они и упоминаются очень редко; возможно, что некоторые помещения, откопанные Вулли в Уре, действительно представляли собой лавки. Э. Кассен и Ж. Готтеро предполагают, что мелочная торговля велась также на перекрестках и в тавернах, содержательницы которых принадлежали к царским служащим (*J. Bottéro, Désordre économique et annulation des dettes en Mésopotamie à l'époque paléobabylonienne*, JESHO, IV, 2 (1961), стр. 136 сл.; ср. *Kraus, Ammîšaduqa...*, стр. 161 сл.; были также булочники, тоже ведшие мелкую торговлю продуктами питания. *A. Goetze, Tavern-keepers and the Like, „Studies in Honor of B. Landsberger“* (AS 16), Chicago, 1965, стр. 211). Принудительная скупка рыбы у царских рыбаков (см. ниже прим. 46), очевидно, предполагает дальнейшую перепродажу ее населению—еще одно свидетельство связи частных домашних хозяйств с рынком; но эта продажа осуществлялась, вероятно, не в лавках, а в гавани (*kârum*).

⁴⁴ Янковская, КТКТ, стр. 58.

⁴⁵ Так, если, например, документы UET V 459; 474; 536 в архиве Думизгамия относятся к налогам. (Ср. сдачу *zag*-у в бронзовых изделиях Энанциром и другими купцами. UET V, 794—796). См. также ниже, прим. 93—94.

ваются с царским хозяйством серебром⁴⁶; и преимущественные займы у ростовщиков именно серебра⁴⁷ и только реже ячменя или фиников⁴⁸; и закупка меди в Дильмуне главным образом на серебро (и лишь отчасти в обмен на ткани), где пятьсот лет назад, при Урунимпине, происходила еще чистоменовая торговля, и т. п.⁴⁹.

(2) *Занятия населения.* В Уре было много купцов, как показывают длиннейшие списки золотых и серебряных вотивных даров (а - г и - а) в храм — например, моделей корабликов, — приносившихся купцами после благополучного плаванья или путешествия⁵⁰; отсюда же видно, что они наживали порядочные состояния, и это несмотря на крайнюю непрочность всех международных торговых связей, которые иной раз на многие поколения могли, как показал В. Ф. Лееманс, нарушаться неблагоприятной политической ситуацией⁵¹. Исследования П. Кошакера⁵², Л. Матоуша⁵³ и В. Ф. Лееманса⁵⁴ показывают, что купцы — *tamkarū*, хотя и исполняли некоторые государственные поручения (например, брали на откуп сбор поставок с царских ремесленников, вероятно также налогов с нецарского населения, и осуществляли реализацию ремесленной продукции царских людей), однако в организационном отношении и в основной

⁴⁶ P. Koschaker, Zur staatlichen Wirtschaftsverwaltung in altbabylonischer Zeit, insbesondere nach Urkunden aus Larsa, ZA NF, 13 (47) (1942), стр. 153—179; ср. Leemans, The Old-Babylonian Merchant, стр. 79^а сл. Возможно, эти скупщики назывались „тамкарами рыбаков“, UET V 476 : 4.

⁴⁷ Например, в Уре—беспроцентные займы в серебре: UET V 297—322; процентные займы в серебре и займы с особыми условиями: UET V 323—356; 360—368; неясно 398—400; займы в серебре с уплатой процентов продуктами: UET V 357—359.

⁴⁸ Например, в Уре—натуральный заем: UET V 369—397 (итого ок. 28% всех займов).

⁴⁹ Leemans, Foreign Trade, стр. 21; 54; 130; Дьяконов, Проблемы экономики, ВДИ, 1968, 4, стр. 20^а.

⁵⁰ См. о них A. L. Oppenheim, The Seafaring Merchants of Ur, JAOS 74, 1 (1959), стр. 8^а; в архиве Эанацира UET V 554; 643 (?); 673. Следует заметить, что для изучения архивов Ура статья Оппенгейма имеет вообще очень большое значение.

⁵¹ Leemans, The Old-Babylonian Merchant, стр. 331—339; он же, Foreign Trade, стр. 139.

⁵² См. прим. 46 (стр. 135—180).

⁵³ L. Matouš, Les contrats de partage provenant des archives d'Iddim Amurru, ArOr, XVII, 2, стр. 142 сл.

⁵⁴ См. прим. 13 и 21.

своей практической деятельности представляли собой вполне самостоятельных хозяев, фактически не контролировавшихся государством. Лишь при Хаммурапи они были опять введены в рамки государственного аппарата. Но далеко не все купцы носили звание царского «тамкара», даже если и были в какой-то мере связаны с царским хозяйством; как указала мне Н. Б. Янковская, аналогии с малоазийской торговлей заставляют думать, что титул *tamkārum* (без определения носили не все купцы, а только особо привилегированные лица, несшие специальные государственные функции (по сбору царских доходов); для царства Ларсы это же видно и из работы Кошакера. «Тамкаров» следует отличать от купцов-караванщиков и от купцов-агентов торговых обществ; эти агенты действовали в районе закупок и были там организованы в торговые фактории — *kārum* (буквально — «пристань», но в это время такое значение вытесняется более общим: «пристанище», «торговый стан» или «торговая ассоциация»). Такие *kāru*, как видно, существовали почти во всех городах и были связаны между собой тесными узами, не имевшими ничего общего с государственным подчинением. В Уре — и, вероятно, во многих других вавилонских городах — *kārum* находился не за городской стеной, как в Малой Азии, а в пределах города, по-видимому — у речной гавани, которая тоже называлась *kārum*. Такое положение купеческой фактории характерно, так как вообще государственная власть в Южном Двуречье более чем где-либо пыталась — не всегда успешно — подчинить торговлю своему контролю⁵⁵. Ур был центром главным образом морской торговли; купцы здесь фраговали целые флоты ладей (UET V 222); объем торговли, ведшейся по инициативе не храма, а самих купцов (*pi-ta-ne-ne-ta DU-a*), можно себе приблизительно представить по размеру «десятины» (*zag-u*), уплачивавшейся (в том числе, видимо, и чужездранцами) храму Нингаль в Уре.

Как мы уже видели, из владельцев описанных выше архивов Энацир был купец и в то же время хозяин довольно крупной (кстати, хорошо сохранившейся) мастерской; двое, Думузигамиль и ПузурДаму, были ростовщиками; чем занимались Имлику и его группа — не вполне ясно, но, во всяком случае, они были втянуты в какие-то торгово-транспорт-

⁵⁵ См. *Kraus, Ammi-šaduqa...* § 8' и комментарий; *Oppenheim, JAOS*, 74, 1 (1954), стр. 12.

^{55a} UET V 286; 292; 524; 546; 549; 678; *Leemans, Foreign Trade*, стр. 23; *Oppenheim, JAOS*, 74, 1 (1954), стр. 7.

ные⁵⁶ дела; наконец, КуНингаль был средней руки жрецом и храмовым служащим, сделавшим значительную карьеру и удостоенным внимания царевны⁵⁷. Однако эти сведения дают неполную и неточную картину. Уже братья КуНингаля занимали куда более скромное положение⁵⁸, а один из них, по-видимому, был всего лишь старшим небольшой группы пастухов храмового хозяйства⁵⁹. Следует учесть и тех многочисленных лиц, которые не держали архивов и в документах появляются сравнительно редко. Среди них мы встретим, в числе многих других, кузнецов⁶⁰, кожевников⁶¹, рыбаков⁶², сторожей⁶³, ученика школы⁶⁴, мастеров-строителей⁶⁵, заве-

⁵⁶ UET V 224; 271; 32; 228; ср. также письма UET V 8; 34; 52. Кроме того, многие члены группы Имлику в разное время покупали рабов и усыновляли детей—может быть, тоже форма порабощения. См. UET V 90; 190 (ср. 185); 187; 92; 93 и ср. 8 и 240. Бедняк (бедный родственник?) Илушунацир был тоже на полурабском положении у Имлику и его брата Атты, см. UET V 274 и ср. 115 и 603, а также 150. Кроме того, Имлику и его группа арендовали поля, UET V 204; 207; давали деньги в долг и т. п.

⁵⁷ Первоначально КуНингаль, возможно, был строителем (см. UET V 160:г.10, дата: 1832 г.—если это то же лицо; его несомненные сделки имеют даты с 1821 по 1812; судя по документу UET V 191:1—5, он был, возможно, еще жив в 1799 г.). Его жреческим титулом был AB.NUN.ME.DU, UET V 833:3; этот же титул унаследовали его два старших сына, Эшусухуру и Энамтисуд, UET V 212 и ср. 191:7—9; В 1812 г. КуНингаль получил в дар от царевны-жрицы участок «среди (финниковой) плантации kaḡim'a», UET V 272:2.

⁵⁸ Из братьев КуНингаля нам известны Эгамиль UET V 71?; 191; 252 и Апилькиттим UET V 252. Оба носят аккадские имена, так как были предназначены в жрецы (так же как и младшие сыновья КуНингаля).

⁵⁹ Судя по тому, что в архиве КуНингаля (U. 7836) найден один (UET V 834) из серии документов об учете скота, в которой постоянно фигурирует старший пастух Апилькиттим (UET V 630 и 822 сл.), весьма вероятно, что Апилькиттим, брат КуНингаля, и Апилькиттим, старший пастух—одно лицо.

⁶⁰ UET V 120:14; 190:30; 468:9; 521:5.

⁶¹ UET V 588:6 и др.

⁶² UET V 104:5; 150:21; 281:3; 411 печать; 468:14; 685:14; 707:32.

⁶³ UET V 134:19; 164:18; 349:13; 352:10; 363:10, 11; 444:19; 541,

л. край.

⁶⁴ UET V 406.

⁶⁵ Их много особенно в окружении КуНингаля и его семьи.

дующих казенным зерновым складом⁶⁶, жрецов и жриц разных рангов⁶⁷, проституток⁶⁸. Судя по переписке Эанацира, он имел дело с крупными самостоятельными (юридически или только фактически?) ремесленниками-медниками. Наряду с этим сохранялись и чисто царские ремесленники; из них по хозяйственным документам нам известны в Уре, кажется, только надомники: это плетельщики корзин; до нас дошли ведомости рабочих уроков на плетение корзин и ведомости их сдачи в царское хозяйство⁶⁹. Почему царское хозяйство нуждалось в таком множестве корзин — об этом можно строить только более или менее вероятные предположения. Есть еще множество лиц, профессию которых установить трудно, вроде различных клиентов ростовщиков Ададбани, Варад-Сина, Думузигамиля, занимавших небольшие суммы серебра или незначительные количества зерна. Поскольку хлеб они обычно берут взаймы до урожая, постольку весьма вероятно, что они были связаны с сельским хозяйством. Многие жители держали в городе мелкий скот⁷⁰. О загоне скота в город говорят и ЗХ (§ 58).

Несмотря на сельскохозяйственные интересы, имевшиеся у немалой части городского населения⁷¹, жители Ура XIX в.

⁶⁶ Это — КуЛугальбанда и его сын ВарадНанна, UET V 142 : 24; 732; 741; 744—767; 779; 782—785. Даты документов первого — от 1924 по 1868; второго — с 1811 или 1807 г. до н. э.

⁶⁷ Почти все ранги представлены в UET V 191.

⁶⁸ UET V 475 : 7. Проституткой же, скорее, чем жрицей, вероятно, являлась Бабуришат, вступившая в сделку без участия родича мужского пола и отдавшая взаймы (!) в усыновление Имлику и его жене Нуттуптум грудного ребенка мужского пола, причем она не знала его имени и не утверждала, что она его мать: UET V 931 (1810 г.).

⁶⁹ UET V 642 сл.

⁷⁰ Так, в архиве Эанацира (U. 16524) сохранился документ UET V 848, содержащий опись 50 овец с их оценкой в серебре (свыше 100 сиклей) «находящихся в распоряжении Эанацира». Трудно в этом случае думать о казенном скоте. Ср. выше прим. 24. О смешении казенного и частного скота, возможно, говорилось на судебном процессе UET 259?

⁷¹ Почти в каждом архиве есть документы о приобретении финиковых плантаций (архив КуНингалья: UET V 140; 180; 179; 272; ср. его служебный надел 883), аренде частных полей (всегда у коллективов: архив Ададбани—Думузигамиля: UET V 211; архив ПузурДаму 205; 206—с уплатой храму; 209), сдаче и аренде служебных полевых наделов (архив КуНингалья: UET V 212; 213; 215; архив Имлику: 207); ссуды зерном, также, вероятно, большей частью предполагают земельную собственность или большой земельный надел у кредитора. Ср. выше о содержании скота.

до н. э.— это в основном именно горожане, не в меньшей степени, чем жители, скажем, классических Афин. Вполне понятно, что эти горожане стремились не переселяться за пределы города, несмотря на скученность населения на городской территории. Уже упоминалось, что позволить себе жить вне городов в те небезопасные времена могли только те, у кого совсем уже нечего было отнимать; но помимо того нужно учесть, что большинство жителей, как видно из сказанного выше, имели тесные связи со дворцом, с храмом, с крупными мастерскими, с торговой деятельностью, центром которой был город, с производством товаров, подлежащих сдаче на царские склады или реализации на рынке. Тем не менее *āli* сельского типа, находившиеся за пределами собственно города, тоже были. Интересно, что в деревне, точно так же как в периферийной Аррапхе или в Шуруппаке середины III тыс. до н. э.⁷², собственниками полевых участков и части плантаций выступают коллективы⁷³ — хотя трудно установить, состояли ли их члены в родстве между собой, но это кажется вероятным. Для города Южного Двуречья этого времени большесемейные коллективы не характерны: после смерти отца, если это позволяют жилищные условия, братья делятся, и даже члены группы Имлику вовсе не составляют дружного и постоянного коллектива: хотя они и не всегда выступают поодиночке, но, если выступают вместе, то по-разному комбинируются в своих деловых предприятиях⁷⁴;

⁷² См. ОГСДШ, стр. 55 сл.; ср. также для Аррапхи работы Янковской, см. прим. 9.

⁷³ Купля финиковой плантации у коллектива: UET V 174; 176; 178; 181; 183; у одного лица: 170; 171; 172 (в пользу храма?); 173; 175; 177; 179; 180; 182; аренда поля у коллектива: UET V 205; 206; 209; 210; 211; 217; 218?; 219 (*equm warkat ālim*); 220; 221; у отдельных лиц: 207 (наследственное «поле кормления», т. е. служебный надел); 208 (по-видимому, служебный надел моряка); 212, 213 (оба—служебные наделы); 214 (субаренда служебного надела); 215 (служебный надел). Отметим, что поля в Ларсе предаются очень редко, а в Уре вообще не продаются.

⁷⁴ Имлику выступает один, арендуя поле: UET V 207, и давая в долг: 356; вместе с Аттой занимает «в жены» сестру (?) своего родича (?), а точнее, вероятно,— неоплатного должника Илушуацира: 244; вместе с Абуни и АнаСивушшуром выступает в письме Атты: UET V 8, и вместе с ними же, а также с Аттой, Такишабушу и Илидиннамом—в письме Наннамансума: 76; Атта выступает один, составляя договор о свадебном подарке брату: 271; вместе с Имлику и Илушуациром покупает комнату у вдовы Ала: 150; один занимает у бога Нанны небольшую сумму серебра: 310; один отдает в заем своего раба: 240 (ср. 8);

сделки между собой — даже между братьями⁷⁵, в том числе по поводу содержания их матери⁷⁶, жители изучаемого квартала часто предпочитают оформлять юридически по всем правилам. Что же касается КуНингаля, Эанацира, ростовщиков и многих других, то они обычно действуют вполне индивидуально.

(3) *Проблема взаимоотношения частного и государственного экономического секторов.* В моих предшествующих работах я неоднократно подчеркивал наличие в переднеазиатской экономике времен древности двух независимых экономических секторов — государственного и общинно-частного, существование которых обуславливало и социальное деление общества на царских людей (*muškenum*) и свободных общинников-граждан (*awilum*). Существование общинников вне царского земельного фонда и в это время несомненно — оно явно обнаруживается не только из Законов Хаммурапи, § 39, но, между прочим, и из писем Хаммурапи, написанных сразу после завоевания им Ларсы и Ура и посвященных аграрным делам⁷⁷, а также из сделок об аренде полей и покупке плантаций в UET V и из аналогичных документов, найденных в Ларсе и Куталле; но на материале урских городских документов изучаемого периода это социальное де-

Кукку, АнаСинвушшур и Илииддинам с еще одним лицом нанимают ладью: 228; Абуни, Такишабушу и другие лица берут займы у Имлику: 356; и т. д.

⁷⁵ Илушунацир и Умуссу: UET V 115; 603; Имлику и его (двоюродные?) братья: 356; Имлику с компаньонами берет займы у своего брата (?) Атты: UET V 321. (Это последний документ Имлику; он датирован 1787 г. до н. э.).

⁷⁶ UET V 115; 603; 98 и др.

⁷⁷ Письма подобного рода в основном содержатся в переписке с Шамашазиром, который был управляющим царским земельным и хозяйственным фондом (вероятно, с титулом *šakkanakum*) после завоевания царства Ларсы царем Хаммурапи в 1762 г.; в настоящее время эти письма в большинстве собраны в новом издании: *F. R. Kraus, Briefe aus dem Archive des Šamaš-ḫāzir (Altbabylonische Briefe IV) Leiden, 1968.* К нецарской земле здесь относятся письма 16 (поле гражданина Куталлы, «садовника дильмунских фиников»; это не обозначение профессии царского человека, так как *mu-Gišgiri*₁₁ «садвник» в это время означает не постоянную профессию, а временное юридическое отношение, а именно «арендатора». Но в письме речь идет не о земле, возможно, арендовавшейся данным лицом у царского хозяйства, а о другой, его собственной земле); 40 (дополнительное собственное поле царского человека); и 57 (собственное поле, ошибочно принятое за казенное).

ление оказывается нечетким — что, впрочем, и не удивительно, имея в виду описанные раньше условия, предшествовавшие этому периоду и характеризовавшиеся распадом царского единого хозяйства и возникновением частных хозяйств даже в пределах государственного сектора. Например, кто такой КуНингаль — ясно: он храмовый и, следовательно, для этого времени — государственный служащий. За свою службу он получает от государства значительный земельный надел, но, кроме этого, прикупает землю и в собственность (пальмовые плантации). Сложнее с остальными. Думузигамиль, ростовщик, неоднократно выступает в своих денежных операциях как посредник храма — но чаще от себя лично; видимо, он связан с храмом — может быть, имеет там какую-нибудь более или менее номинальную должность, — но связь эта непрочная, и не она составляет экономическую основу существования Думузигамиля. Группа Имлику не проявляет в документах никаких признаков принадлежности к государственному сектору — и я бы отнес ее к общинникам, если бы не два маленьких обстоятельства. Во-первых, в этом архиве сохранились документы Илиэриша, видимо родственника Имлику и его группы (может быть, даже его отца?), и этот Илиэриш оказывается тесно связанным деловыми отношениями с храмом бога Нингизиды и с его верховной жрицей⁷⁸; а затем, к судебному решению по квартирному спору с одной вдовой сам Имлику, его брат Атта и бедный родич (?) Илушунацир приложили почему-то не свои личные печати, а печать бога Нингизиды⁷⁹. Стало быть, и они не порвали связи с государственной службой. Далее, Эанацир, предприниматель и купец, по видимости, мало связан с храмом и дворцом, хотя и исполняет, несомненно, и казенные торговые поручения. Его взнос дворцу (z a g - u), как видно, просто налог или пошлина. Однако и Эанацир несет какие-то номинальные обязанности государственной службы, связанные с поставкой изделий плетельщиками корзин. Откуда взялось значительное состояние Эанацира и его мастерская⁸⁰. Не происходил ли Эанацир все же из цар-

⁷⁸ Жреческая коллегия бога Нингизиды рассматривала вопрос о деньгах некоего Аалы и его сестры, жрицы—ugbaptum этого храма, данных в связи с каким-то поручением (?) Илиэришу: «Храм Нингизиды. Либбилликуну, жрицу—ugbaptum, и Аалу, ее брата, Илиэриш удовлетворил»: UET V 267.

⁷⁹ UET V 150.

⁸⁰ Владение медеплавильной мастерской, находившейся на Bakers Square I В Вулли приписывает некоему Гимиль-Нингизиде (Excavations at Ur, London—New York, 1955, стр. 187); под ее полом было погребе-

ских людей, фактически «отколовшихся» от царского хозяйства в период разрухи?

Обильный материал о самых разнообразных ремесленниках, получавших служебные наделы («наделы кормления», шум. а-ša(g) šu ki или а-ša(g) ki r₆), содержится в переписке, которую Хаммурапи и его чиновники вели после покорения царства Ларсы с Шамашхазиром, ведавшим царским хозяйством на ее территории⁸¹. Однако в документах из Ура данные о них очень разрознены и неполны. Создается впечатление, что дворец поступающую от царских ремесленников продукцию либо поручал «тамкарам» продавать⁸², либо вообще получал поставки через тех же «тамкаров» не натурой, а серебром⁸³. Во всяком случае, как уже упоминалось выше, крупных казенных мастерских типа существовавших не только при III династии Ура, но еще и в начале династии Исина, в Уре XIX в. до н. э. как будто не имелось — ремесленники работают каждый сам по себе, а если имеют мастерские, как Эанацир, то это мастерские не казенные. Об аграрном устройстве царского хозяйства времени династии Ларсы здесь поворить нет возможности.

Несколько слов о положении храма в городе изучаемого периода. Выше мы не отделяли храма от царского сектора хозяйства, и, действительно, он составлял нераздельную часть последнего. Служебные наделы на храмовой земле выдавал царь⁸⁴, и администрация храма отчитывалась перед царем⁸⁵; как местный филиал царского хозяйства храм выступает и в ЗХ, § 32. Храм получал доходы с выделенной ему земли, на которой, как и на царской, сидели издольщи-

ние владельца (?)—медника; однако, возможно, что Гимиль-Нингиззида (точнее—ШуНингиззида) был предшественником или преемником Эанацира; но дом Эанацира, по Вулли, находился в другом месте (Church Lane VII). Woolley, „The Antiquaries Journal“, XI, 4, стр. 365. Кстати говоря, мастерская на Bakers' Square I B была перестроена из жилого дома и, вероятно, к царско-храмовому хозяйству никогда не принадлежала.

⁸¹ См. подробно тексты в кн.: Kraus, Šamaš-ḫazir... (Altbabylonische Briefe IV), 1968; исследование в ст.: И. М. Дьяконов, Muškênum и повинностное землевладение на царской земле при Хаммурапи, „Eos“, XLVIII, 1, стр. 37—62.

⁸² Kraus, Ammi-šaduqa..., §§ 8'—9' и стр. 83—88. Ср., например, UET V 325.

⁸³ Koschaker, ZA NF 13 (47), стр. 153—179.

⁸⁴ По крайней мере, при Хаммурапи, Kraus, Šamaš-ḫazir..., 27.

⁸⁵ BB 15; ср. 16.

ки — *iššakkū*⁸⁶; кроме «дани», *biltum*, они платили храму и «десятину», *ešretum* (общегосударственный налог?)⁸⁷. Из своих доходов храм оплачивал различные жреческие должности. Как видно из прим. 38 выше, эти должности не только были наследственными, но и могли произвольно делиться⁸⁸; их можно было покупать у храма или получать временно под залог имущества, а храм мог выкупать их у владельцев. Храм номинально (в лице божества!) мог вступать в товарищества с купцами⁸⁹ и давать деньги в рост (обычно — через посредника)⁹⁰.

Значение царско-храмового сектора в городе, таким образом, сильно уменьшилось по сравнению со временами III династии Ура. Но в то же время нельзя не заметить явного преобладания лиц, хотя бы формально связанных с царской или храмовой службой, среди городского населения Ура эпохи Ларсы. Можно поставить вопрос: насколько показательны данные документов изучаемого квартала г. Ура и аналогичных архивов из других городов? Не могло ли быть так, что свою хозяйственную и правовую деятельность документировали вообще только царские люди, — люди дворца и храмов? Это, конечно, не так, ибо все эти люди, даже когда они принадлежат по своему социальному положению к числу царских, выступают в документах преимущественно не в своей служебной роли, а почти исключительно в частнохозяйственной, в которой они ровно ничем не отличались от людей нецарских, помимо того, что имели землю и другие доходные статьи не в полной собственности, а только в условном владении — но и это ограничение с течением времени ослабевало. Если бы даже все наши материалы действительно относились исключительно к царским людям, — а по-видимому это неверно, — то и тогда это только еще ярче подтверждало бы давно высказанное нами убеждение, что непомерный рост царского хозяйства при III династии Ура был явлением временным и для общего характера данного типа экономики по существу противоестественным. То, что мы наблюдаем в городе Уре при династии Ларсы — это полный распад государственного хозяйства как хозяйства, со сведением непосредственно царских угодий и владений до масштаба более обычного и для других древних стран Передней

⁸⁶ ВВ 67 (Сиппар).

⁸⁷ Ср., *Leemans*, *The Old-Babylonian Merchant*, стр. 80—92.

⁸⁸ См., например, *А. П. Рифтин*, СВД. 2; UET V 105, 113, 117 и др.

⁸⁹ UET V 127 и др.

⁹⁰ UET V 302; 304; 310; 311; 316; 317; 318; 322; 323; 325; 363—384; 390, 398, 400, 421; 430.

Азии; остается лишь деление земли — и людей — по принципу государственной или общинно-частной собственности; но в городе в целом, в обоих экономических секторах, господствует фактически уже индивидуализирующееся частное хозяйство (при более или менее номинальной связи хозяев с царским сектором экономики). По-видимому, в других странах этот этап развития города наступал без промежуточного этапа непомерного огосударствления народного хозяйства⁹¹.

(4) Это подводит нас к проблеме *отношения между хозяйствами горожан и государством* — не государственным сектором экономики, а именно государством как таковым. Взаимоотношения эти могут быть отнесены к трем категориям: (а) налоговые, (б) повинностные и (в) организационно-административные. О налогах для этого времени у нас довольно много сведений, однако они совершенно еще не разрабатывались; кроме того, сами вавилоняне не строго соблюдали налоговую терминологию — одни и те же сборы могли в быту, особенно в разных городах, называться по-разному, и, наоборот, разные сборы — одинаково. По всем этим причинам нам трудно даже отделить упоминания материального дохода государства, поступавшего от царских работников в виде продукции или денег за ее реализацию, от упоминания собственно налогов, распространявшихся на царских людей — или не только на царских людей. По-видимому, сбором продукции или денег с царских людей являлся, например, *gú* или *biltum* «дань»⁹² для сельскохозяйственного населения, и *zútum* (или *sútum*?) и тому подобные сборы для ремесленников, рыбаков⁹³ и т. п.; *sútum*, по край-

⁹¹ Наилучшим образом город периферийной зоны Передней Азии II тыс. до н. э. может изучаться на материале Угарита и Алаха; см. М. Л. Гельцер, Общество древнего Угарита, М., 1968 (автореферат диссертации). См. также Н. Б. Янковская, Общинное самоуправление в Угарите, ВДИ, 1963, 3, стр. 35 сл.

⁹² О шум. *gú* (-u n), аккад. *biltum* см. Дьяконов „Eos“, XLVIII; 1 (1956), стр. 45 сл. (ср. документы: Kraus, Šamaš-ḫazir..., passim; Kraus, Ammišaduqa..., §§ 9', 13' и комментарий. Но в ЗЛИ § 18 *gú* (-u n) видимо, то же что за *g-u* в Уре, т. е. налог с имущества.

⁹³ Koschaker, ZA NF 13 (47), стр. 153 сл.; Leemans, The Old-Babylonian Merchant, стр. 69—77, 81—95, 100—106. Кроме *zútum*, существовал еще *nemedtum* — сбор с более состоятельных членов царского персонала. *Nemedtum* назывался, между прочим, и сбор с корчменниц (поступавший в ячмене и серебре, Kraus, Ammišaduqa..., § 14'), ср. Goetze, „Studies in Honor of B. Landsberger“, стр. 211.

ней мере частично, реализовался через откупщиков-продавцов, деливших доход в серебре с царским хозяйством; собственно налогом, вероятно, являлась, например, *zag-u*, или *ešrētum* «десятина»⁹⁴, однако «десятина» явно была не единственным налогом, и, в частности, существовали еще многочисленные поборы на храмы и обязательные жертвоприношения⁹⁵. В связи с повинностями яснее условия соседнего Иссины. Царские люди (*muškēnū*), помимо своей обычной службы, были еще обязаны являться на трудовую повинность, которая составляла 48 дней в году и дольше⁹⁶; что же касается граждан, то они, по-видимому подлежали в царстве Иссины еще более значительной трудовой повинности, которая даже после ее сокращения при царе Липит-Эшаре составляла от 70 до 120 дней в году на каждую семью⁹⁷. Как ни серьезно это звучит, это, по этнографическим данным,— не более того, что было строго необходимо для поддержания в порядке ирригационной системы, нужной

⁹⁴ О шум. *zag-u* (п а т -u), аккад. *ešrētum* см. ANw, CAD s. v. B Уре *zag-u* или п а т -u—налог с имущества, см., напр., здесь прим. 38. Но термин *zag-u* смешивался с шум. *zag-ūa*, аккад. *mākisum* „таможенный сборщик“, но также, видимо, и *mīksum* „пошлина“; такая пошлина собиралась в Уре храмом Нингаль с товара купцов, в том числе и приезжих. Для *mīksum* употреблялась также другая шумерограмма *ni(g)-ku(d)*,—но в быту этим термином обозначалась и арендная плата (обычно—*gū(-u) ni*, *bitum*)! См. Kraus, *Ammi-šaduqa...*, стр. 130 сл. также Дьяконов, „Еос“, XLVIII, 1, стр. 46.

⁹⁵ С крестьян-общинников, может быть, взимался налог *šibšum*, см. Kraus, там же; хотя Финкельстайн думает об особой группе царских работников—*J. J. Finkelstein*, *The Edict of Ammišaduqa: a New Text*, RA, LXVIII, 1 (1969) ст. 54. Совсем неясно, что такое *bāmtum* или *bāmātum*—термин, известный из эдикта Аммицадуки (§ 12'); ср. CAD s. v. О храмовых поборах, которые при I-II династии Ура составляли основной вид налогов, для старовавилонского времени известно мало; сюда относятся *sattukku*, например HG, 1796—1814; *ikribum*, *H. Ranke*, BE, VI, 1, 66; может быть, *igisūm*, BB 70; 72. Не исключено, что и votивные дары (а-г u-a), в таком обилии приносившиеся в урские храмы моряками и купцами, были фактически родом налога. Вносились они не только металлическими изделиями (серебряными, золотыми и другими), но и, например, скотом: UET V 806; 811; 821.

⁹⁶ См. об этом подробно Дьяконов, *Проблемы экономики*, ВДИ, 1968, 4, стр. 146² (к тексту PBS V, 74; VI, 17 сл.; неясно, относится ли он к царству Иссины или Ларсы).

⁹⁷ Там же (к тексту ЗЛИ, Пролог, II, 21—35).

для всего общества^{97а}. Разумеется, на эти работы обычно посылались младшие братья, а при возможности — рабы.

Наиболее интересны организационно-административные отношения между горожанами и государством. В данном случае мы оставим в стороне то обстоятельство, что купцы, возможно, обладали своей автономной организацией (*kaḡim*) — этот вопрос для царства Ларсы недостаточно исследован и неясен. Известно только, что при династии Хаммурапи по царскому указу 50% купеческого капитала, обращаемого через *kaḡim*, должно было идти на закупку по государственной цене и перепродажу продукции царского хозяйства⁹⁸; насколько это предписание соблюдалось — трудно сказать. Больше можно сказать о том, как обстояло дело с обычно всюду на древнем Ближнем Востоке прослеживаемым противопоставлением царских чиновников и общинных органов самоуправления. На нашем материале пока (при учете того, что дальнейшее исследование, возможно, заставит пересмотреть эти выводы) можно довольно определенно сказать, что это противопоставление достаточно последовательно проводилось по земельным делам: дела об условных наделах на царской земле подлежали юрисдикции царских чиновников⁹⁹, дела о земле на общинной территории — юрисдикции общинных органов самоуправления (градоначальника, совета и народной сходки или выделенного ими суда — *gabānum*, *šibūtum* или *kabūtum*, *alum*, *daiānū*¹⁰⁰; дела, где были затеты интересы обоих секторов — совместной юрисдикции¹⁰¹. Иначе в делах семейных, квартирных, бытовых и т. п. (об уголовных делах мы мало осведомлены): такие дела рассматривались не обязательно городским судом, но нередко либо соседями¹⁰², либо сослуживцами заинтересованных лиц — я имею в виду сослуживцев по царской или

^{97а} Таковы же были нормы пригационной повинности и в средневековом Хорезме, см. Б. В. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья, М., 1969, стр. 173 сл.

⁹⁸ См. прим. 55.

⁹⁹ См. всю переписку Хаммурапи с Шамашхазиром, кроме письма 40!

¹⁰⁰ Ср. в Уре дело UET V 253 (покупка земли, по-видимому аннулированная в связи с царским мораторием на долги и отменой продаж земли); 255 (клятвенное показание о границах земельной собственности).

¹⁰¹ Kraus. *Šamaš-hāzīr.*, № 40.

¹⁰² UET V 247. Свидетели-судьи в этом деле — Атта, Лакип, Ниднат-Син, Лудлул-Син, Синишмени, Илитурам, Синтаппаз; первые три — члены группы Имлику, четвертый — его сосед; вероятно и остальные — соседи. По большей части в документах (вначале, реже в конце текста) приводится список судей-свидетелей без упоминания их функции; см., однако, UET V 246 (суд «почтенных», *kabūtum*, по делу о долге); 260

храмовой службе¹⁰³— причем в последнем случае жрицы заседали вместе с мужчинами. По своему характеру эти разбирательства совершенно аналогичны разбирательству общинного суда или общинного совета, однако, как мы видим, на этом уровне нет резкого организационного различия между общинным и казенным судопроизводством, так что среди храмовых служащих при разборе судебного дела может не быть строгой служебной субординации, ибо в качестве суда может выступать весь коллектив храмовых (то есть, собственно, государственных!) служащих, вплоть до очень мелких, а не единолично их вышестоящий начальник,— точно так же как в качестве такого же суда мог выступать и коллектив соседей по кварталу,— кстати, имевший и свой культовый центр в виде квартального храма¹⁰⁴; таким образом, калькируются общинные формы там, где общинных отношений, по существу, нет. По-видимому, соседский суд— это и есть *bābtum*, что обычно переводят как «квартал» или «квартальная сходка», и который содержал своего архивариуса, стражника и т. п.¹⁰⁵. Однако поквартальная организация города в остальном, как кажется, не может быть прослежена; возможно, что *bābtum* могло означать и «купеческое землячество»¹⁰⁶ и что свои *bābtum* могли быть и у государственных служащих, так что *bābtum* не обязательно было неким низшим звеном в собственно общинной организации, а лишь формой местной общественной самостоятельности самых различных групп населения. Может быть, именно в коллективном товарищеском суде сослуживцев по храму лежит зародыш условий I тыс. до н. э., когда городская община и ее самоуправление не противостояли храму, как в III тыс., а непосредственно сливались и совпадали с ним.

(«судьи», *dī-ku* (d); присуждение сироты под патриархальную власть); 251—254 (несомненный суд граждан: все судьи с отчествами, но без профессиональных, званий); и др.

¹⁰³ UET V 191; также ср. 267.

¹⁰⁴ Три таких храма открыты экспедицией Вулли на квартале примерно в 50 жилых домов, Woolley, «The Antiquaries Journal», XI, 4, стр. 368 сл. Их следует четко отличать, с одной стороны—от основных храмов города, находившихся в центре, за стеной священного участка, а с другой—от домашних святилищ, имевшихся в каждом доме.

¹⁰⁵ G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws I*, Oxford, 1952, стр. 242 сл.

¹⁰⁶ Так—против переводов, которые дают П. Гарелли и большие словари АНУ и САД—полагает Янковская, КТКТ, стр. 55, а также стр. 33 и др.

В деревне, напротив, насколько можно пока судить, никаких симптомов срастания государственного и общинно-частного секторов ни в экономическом, ни в административно-организационном отношении не замечается. Там существует либо царская земля, обрабатываемая царскими издольщиками¹⁰⁷, либо земля общинников — видимо, больших семей¹⁰⁸; в этом различии между условиями города и деревни явственно сказывается начинающееся противопоставление «городское: сельское», не совпадающее с социальным противопоставлением «царское: общинное» и подготавливающее характерное для эллинизма противопоставление «городское: царское». Я говорю, конечно, о Южном Двуречье, так как вне зоны речной ирригации, как уже упоминалось, положение складывалось несколько иным путем.

Упомянутое калькирование общинных форм самоуправления среди городских царских служащих и жречества представляется мне чрезвычайно характерным: оно лишней раз показывает нам, что мы имеем дело с античным городом (античным в широком смысле слова); здесь нет возможности останавливаться на его культуре, но следует подчеркнуть, что это именно городская культура. Характерна не только такая черта, как важнейшее значение, которое придается своим, городским, общинным культам, по отношению к которым официальный, созданный при III династии Ура единый для страны пантеон кажется навязанным сверху и плохо прививаемым¹⁰⁹; в своем роде, может быть, еще более характерно такое явление, типичное для античного города и противоположное условиям средневековья, как довольно широкая распространенность грамотности¹¹⁰ — несмотря на всю

¹⁰⁷ *Kraus*, *Šamaš-hazir...*, passim, см. особенно №№ 8; 17; 18; 22; 23; 35; 39; 42; 65; 82; 130; 139 (попытка перевести персонал храмов в издольщики-земледельцы).

¹⁰⁸ См. прим. 73 и 77.

¹⁰⁹ Так, официальный верховный бог Элиль занимает в теофорных именах Ура гораздо меньше места, чем местный Син, немногим меньше, чем покровитель столицы, Ларсы—Шамаш, и значительно меньше, чем бог соседнего Эреду—Энки-Эа. Таково же положение и с богинями.

¹¹⁰ Звание «писца» было почетным для любого образованного человека, а не обязательно обозначением профессии; см. UET V 476: три «там-кара рыбаков» храма, d a m-g ār šu-k u₆-e-n e (так в тексте стк. 4) в своих печатях называют себя «писцами». О распространенности грамотности не только в домах богатых—Эанацира, Имлику, ПузурДаму—но и бедняка Нигины свидетельствует нахождение в их домах не только деловых архивов, но и литературных текстов, а у Нигины—корзины с табличками, см. прим. 25 и UET V, 109: 19. Несомненно, что составители ведомостей, например, на скот—старшие пастухи—не пользовались какими-то безымян-

сложность клинописи — и светский характер школы¹¹¹; грамота отнюдь не была монополией жрецов, как часто представляют себе по школьным учебникам.

Работа над изучением старовавилонского города, как уже говорилось, только начинается, и предстоит еще много существенных исследований. Нам представляется, в частности, необходимым уделить особое внимание проблемам функционирования экономического механизма, для чего необходимо произвести исследование по крайней мере в следующих направлениях:

(а) Изучение конкретной экономики отдельных хозяйственных единиц (государственных и частных хозяйств) и, в частности, трудового бюджета и соотношения производительности труда с уровнем потребления; это позволит установить экономическую необходимость прибавочного продукта, возможности его создания и его норму. А это, тем самым, позволит подойти вплотную к роковой проблеме экономической необходимости рабства в данном обществе или отсутствия такой необходимости. Пока мне кажется, что имеющиеся данные безусловно говорят в пользу экономической необходимости рабства в тех условиях, — но не буду предвосхищать результатов исследования.

(б) Изучение сферы потребления предполагает также изучение сферы обмена и обращения — область истории экономики, очень у нас запущенная. Не менее важно изучение распределения прибавочного продукта: пока эта проблема не исследована, беспредметен и спор о том, были ли налоги и повинности, возлагавшиеся на свободное и полноправное общинное население, эксплуатацией общинников как класса или нет; мне пока представляется правильным негативное решение вопроса — но, опять-таки, не будем предвосхищать результатов исследования. Наконец, изучение сферы обмена, обращения и потребления необходимо и потому, что без этого невозможно понять целей производства, а тем самым и характера общественного производства данной эпохи.

ными писцами, а сами знали грамоте в объеме, необходимом для их работы. Впрочем, характерно, что орфографические ошибки начинаются там, где кончаются стандартные формулы, списки типичных имен и терминов и т. п., которые можно было зазубривать. Литературные шумерские тексты, конечно, способны были читать лишь немногие.

¹¹¹ См. *B. Landsberger, Scribal Concepts of Education*, в кн.: *City Invincible*, ed. *C. H. Kraeling and P. M. Adams*. Chicago, 1958, стр. 94 сл.; *C. J. Gadd, Teachers and Students in the Oldest Schools*, L., 1956. Мне кажется, однако, что и Ландсбергер преуменьшает распространенность светской грамотности.

Но именно в сфере потребления, вплотную подходя к проблеме цели производства, мы неизбежно выйдем за пределы экономической проблематики в узком смысле слова, так как встанем перед вопросом об общественных, социально-психологических ценностях этой экономической эпохи. И этому вопросу мы предлагаем уделить большое внимание, но он уже выводит за пределы тематики сборника.

М. А. ДАНДАМАЕВ

РОЛЬ ТАМКАРА В ВАВИЛОНИИ II И I ТЫС. ДО Н. Э.

Деятельности тамкара в III—II тыс. до н. э. в Шумере, Вавилонии, Ассирии, Угарите и Канише посвящено довольно большое количество обстоятельных работ¹. Исследователи, занимавшиеся этим вопросом, приходят к следующим выводам.

В Шумере при Лугальанде и Урукагине тамкар являлся государственным чиновником, в руках которого была сосредоточена внешняя торговля. При III династии Ура тамкар был торговым агентом храмов и правителей. Однако в этот период наряду с выполнением своих официальных обязанностей он стал заниматься также частной торговлей в своих интересах и, кроме того, давал ссуду деньгами, а также имел большие земельные владения². В начале II тыс. тамкары постепенно превратились в самостоятельных профессиональных купцов. В Ларсе до захвата этого города Хаммурапи тамкары часто упоминаются в документах в качестве свидетелей при заключении различных деловых сделок. Кроме того, некоторые тамкары выступают как контрагенты, покупая и продавая дома, сады, луга, рабов и т. д.³

Но во время царствования Хаммурапи торговля снова была сосредоточена в руках государства, и богатых купцов в

¹ Литература до 1950 г. учтена в книге *W. F. Leemans, The Old-Babylonian Merchant, His Business and his Social Position*, Leyden, 1950. Из более поздних работ см. *М. Л. Гельцер*, Тамкар и его роль в Передней Азии XIV—XIII вв. до н. э., ВДИ, 1964, № 2, стр. 3—16. (Там же приводится предшествующая советская и западная литература); *R. Vogaert, Les Origines Antiques de la Banque de Dépôt*, Leyde, 1966, стр. 83—92, 127—129; *Н. Б. Янковская*, Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР, М., 1968, стр. 14 сл.

² *W. F. Leemans, The Old-Babylonian Merchant*, стр. 113.

³ *Ibid.*, p. 53.

этот период, по-видимому, уже не было⁴. Тамкары вели торговлю по поручению дворца (царя), хотя они и продолжали заниматься частной торговлей. Они либо являлись странствующими купцами, либо же торговали через своих агентов. Во главе тамкаров стояли *wakil tamkāri*. Кроме того, в старовавилонский период деятельность тамкаров имела большое значение для развития кредита, так как они играли роль ростовщиков, и в некоторых статьях Законов Хаммурапи слово *tamkārum* по-видимому, значит просто «кредитор», хотя для обозначения кредитора как такового употребляется термин *bēl ḫubullim*⁵. Таким образом, в период царствования Хаммурапи тамкар являлся: 1) странствующим купцом, 2) маклером, который продавал свои товары через агентов, 3) человеком, который финансировал торговые операции и, наконец, 4) ростовщиком, дававшим ссуду деньгами. Однако термин *tamkārum*, по-видимому, мог быть применен не только по отношению к профессиональному купцу или ростовщику, но также по отношению ко всякому человеку, который давал ссуду деньгами⁶.

С середины II тыс. институт тамкаров известен и из касситской Вавилонии. В этот период тамкары также находились на царской службе⁷.

В Угарите тамкары тоже являлись категорией служащих, которые были зависимы от дворца⁸.

Большой материал о деятельности тамкара дают документы из Кюль-тепе в Малой Азии. Канишское объединение купцов было международной коммерческой организацией⁹.

На древнем Ближнем Востоке купцы никогда не составляли автономной замкнутой организации наподобие средневековых корпораций, состоящих из определенного количества членов, ставивших перед собой цель монополизировать ту или иную отрасль торговли¹⁰.

Что же касается роли тамкара в Вавилонии I тыс. до н. э., то вопрос этот, насколько нам известно, до сих пор со-

⁴ Ibid., стр. 122.

⁵ Ibid., стр. 15, 21, 125. Ср. *R. Bogaert, Les Origines...*, p. 127.

⁶ *W. F. Leemans, The Old-Babylonian Merchant*, стр. 36.

⁷ Ibid., стр. 122.

⁸ *М. Л. Гельцер, Тамкар...*, стр. 6—14. Автор ссылается, в частности, на исследование *M. Liverani, Storia di Ugarit nell'eta degli archivi politici*, Roma, 1962, стр. 84.

⁹ *Н. Б. Янковская, Клинописные тексты из Кюль-тепе*, стр. 65 и 90.

¹⁰ *W. F. Leemans, The Old-Babylonian Merchant*, p. 68; *G. Cardascia, Les Villes de Mésopotamie, Recueils de la Société Jean Bodin*, 7, la Ville, Bruxelles, 1955, стр. 57.

вершению не исследован. В упомянутой выше книге Лееманса, посвященной, главным образом, деятельности тамкара в старовавилонский период, привлекается материал и других эпох, за исключением нововавилонской. Кроме того, по словам автора, ему неизвестны упоминания о тамкаре в текстах, происходящих из самого города Вавилона (стр. 109). В цитированной выше книге Богерта содержится утверждение, что даже само слово tamkārum исчезает из нововавилонских текстов (стр. 18). Однако слово это в вавилонских текстах I тыс. до н. э. встречается, по крайней мере, в 33 документах¹¹.

Целью настоящей работы является рассмотрение положения тамкара в нововавилонских текстах и попытка установить, какие изменения произошли в функциях тамкаров этого времени по сравнению с их предшественниками в Вавилонии II тыс.

Переходим к рассмотрению материала документов, часть которых дается в транслитерации и переводе.

Kr¹² 251

1 [...] 54 mana 2 [...] (aban)gab-bu-ú 3 (m)zēr-babili(ki) ina qātē(2) (m)mu-ra 4 (amēl)tamkari maḥir¹³ 5 (araḥ)nisannu ūmu 20(kám) 6 ina lib-bi 18 qa-ap-pa-ti 7 [...]na-di 8 3 mana $\frac{1}{3}$ 3 šiqil 4-tú kaspu [...] 9 4 qa-ap-pa-tú ina lib-bi i-ni-tad-din.

„[...] 54 мины [...] квасцов Зер-Бабилы получил из рук купца Мура. 20-й день (месяца) нисан. Из них 18 корзины (квасцов) [...] (за?) $3\frac{1}{3}$ мины $3\frac{1}{4}$ сиклей серебра [...], 4 корзины из них... (?)“.

Nbd¹⁴ 612

1 68 kùr suluppī 2 ultu bit makkūri ni-din-it šarri 3 a-na 2 mana kaspi a-na 4 (md)nabū-ú-šur-šū apli-šū šá 5 (md)nabū-bān-

¹¹ Часть этих документов упоминается в *E. Ebeling, Glossar zu den neubabylonischen Briefen*, München, 1953, стр. 247; *A. Ungnad, Glossar, Beiheft zu Band I*, M. San Nicolò und A. Ungnad, Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden, Leipzig, 1937, стр. 162.

¹² *O. Krückmann, Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte*, Leipzig, 1933.

¹³ Ši.

¹⁴ *J. N. Strassmaier, Inschriften von Nabonidus, König von Babylon*, Leipzig, 1889.

-zēri (amēl)tamkāri₆ nadin(in) ina līb-bi₁ 1 mana kaspu₇ a-na
 6 kūr šamaššammi₈ a-na (m)ni-qu-du₉ larsa(ki)-a-a
 nadin(in) ina līb-bi₁₀ 5 kūr šamaššammi ina qāte(2) (m)mu-
 ra-nu₁₁ apli (m)ri-mut u (md)bel-kāšir [...] ₁₂ it-tan-nu 1 kūr
 šamaššammi ina [...] ri-ḫi₁₃ 1 mana a-na (aban)ga-bu-ú₁₄
 (araḥ)du'uzu ūmu 24(kám)₁₅ (md)nabū-na'id šar bābili 1 (pan)
 4 sāt₁₆ suluppī a-na šikāri(ḫia) šá (araḥ)ābi₁₇ (md)nusku-le'ū
 (amēl)nangaru₁₈ ešēru (?) ₁₅ (m)mu-kin-nu šaḫitu₁₉ 1 šiqu
 (m)mušallim-(d)marduk (md)bēl-uballit(if).

«68 кур фиников со склада — дар царя — проданы за 2
 мины серебра купцу Набу-уцуршу, сыну Набу-бан-зери.
 Из них 1 мина за 6 кур сезама отданы жителю (города)
 Ларсы Никуду. Из них 5 кур сезама из рук Мурану, сына
 Римута, и Бел-кацира [...] отдали. 1 кур сезама [...] остаток.
 1 мина за квасцы.

Месяц ду'узу, 24-й день, 12-й год Набонида¹⁶, царя Ва-
 вилона.

1 пан 4 суту фиников на пиво за (месяц) аб плотник
 Нуску-ле'у, два раза больше (?) выжимальщик (масла)
 Мукинну, 1 сикль Мушаллим-Мардук (и) Бел-убаллит
 (получили)».

Nbd 887

₁ 1 mana kaspu a-na 70 kūr suluppī₂ (m)bu-ru-zer-
 iddin (amēl)tamkār₃ suluppī eṭir₄ (araḥ)tašritu ūmu 3(kám)
 šattu 15(kám)₅ (md)nabū-na'id šar bābili(ki).

«1 мину серебра за 70 кур фиников получил торговец фи-
 никами Бур-зер-иддин.

(Месяц) ташриту, 3-й день, 15-й год Набонида, царя
 Вавилонна»¹⁷.

Ряд документов свидетельствует о купле скота храмами
 у тамкаров.

Dar¹⁸ 141¹⁹. . . ₈ 1 mana 2 $\frac{1}{2}$ šiqu kaspu ina šīmi₉ alpi (meš)-
 -šú u immerē (meš)-šú a-na [...] ₁₀ (m)ḫa-ba-ši-ru (amēl)tamkār

¹⁵ TAB.

¹⁶ 544 г. до н. э.

¹⁷ 541 г. до н. э.

¹⁸ J. N. Strassmaier, *Inscriptionen vom Darius, König von Babylon*,
 Leipzig, 1892.

¹⁹ 518 г. до н. э.

immeri₁₁ na-din «1 мина 2 $\frac{1}{2}$ сиклей серебра отдано торговцу овцами Хабациру за его валов и овец».

Далее, 2 кур 2 пан (около 360 л) ячменя было уплачено за 4 овцы другому «торговцу овцами»²⁰.

Судя по содержанию письма, отправленного чиновником храма Эбаббарра своему начальнику, храмовые пастухи, по-видимому, тайно продали овец купцам²¹, и затем пастухи и купцы были задержаны в городе Описе и отправлены в Сиппар для следствия.

По свидетельству документа YBT VII²², 151 (Урук, 527 г.), тамкар занимался также торговлей рыбой²³, а судя по Dag 19 (521 г.), и продажей смоквы (titlu).

Далее, тамкары занимались работоторговлей, как это видно из документа TCL XII²⁴, 32 (Вавилон, 592 ?), где говорится о выдаче четырех мин серебра для купли рабов²⁵.

Наконец, согласно GCCI, II²⁶, 39 (606 г.), храм Эанна в Уруке купил различное количество золота у ряда лиц, в том числе 6 мин у одного тамкара²⁷, исходя из расчета

²⁰ M. San Nicoló—A. Ungnad, *Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden*, Bd. I (далее: NRV), Leipzig, 1829—1937, Nr 832. Ср. также сильно разрушенный документ о расходах храма Эбаббарра в Сиппаре Nbd 749, где также говорится о купле овец у тамкара: 9 (amēl) tamkāru.

²¹ R. C. Thompson, *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum*, Part XXII, London, 1906, № 3, 7: (amēl) tamkāri (meš). Письмо датируется временем около 598 г. См. транслитерацию и перевод E. Ebeling, *Neubabylonische Briefe*, München, 1949 стр. 3.

²² A. Tremayne, *Records from Erech, Time of Cyrus and Cambyses*, „Yale Oriental Series. Babylonian Texts“, VII, New Haven, 1925.

²³ 6 pānu(hi. a) ina [qāte] (2) (amēl) tamkāri ul-te-si-ir „Он потребовал уплаты рыбы из рук тамкара“.

²⁴ G. Contenau, *Contrats néo-babyloniens I de Téglath-phalasar III à Nabonide*, Musée de Louvre, Département des Antiquités Orientales, *Textes Cunéiformes*, XII, Paris, 1927, № 32. См. транслитерацию и перевод: E. W. Moore, *Neo-Babylonian Business and Administrative Documents*, Ann Arbor, 1935, стр. 36.

²⁵ 37—38 um-ma amēlu-tú ina qāte(2) (amēl) tamkāri ab-kām-ma šur-pa „рабов из рук купца купи и отправь ко мне“.

²⁶ R. P. Dougherty, *Archives from Erech, Neo-Babylonian and Persian Periods*, „Goucher College Cuneiform Inscriptions“, II, New Haven, 1933.

²⁷ 20 6 mana ħurašu ...ša ina qāte(2) (amēl) tamkāri maḥ-ra. Ср. также строку 17.

1 талант 1 мина 3 сикля серебра за $4\frac{1}{3}$ мин 5 сиклей золота, т. е. приблизительно по курсу 13,6 сиклей серебра за 1 сикль золота.

Nbk²⁸ 127

₁ 10 šiqli gír-ú kaspu šá (m)ina-eši-ētir apli-šú šá ₂ (m)na-din (amēl)tamkār šarri kaspu šá šarri ₃ šá a-na ḥurāši a-na (m)ina-eši-ētir nadna(na) ₄ ina muḥḥi (md)nabū-ētir apli-šú šá (m)šu-la-a apil (amēl)šá ṭabti (ḥi.a)-šú ₅ ina qí-ir šá (araḥ)tašrīti i-nam-din mim-mu-šú ma-la ba-šu-ú ₆ maš-ka-nu a-di (m)ina-eši-ētir kaspu šá šarri ₇ i-šal-lim (amēl) mu-kin-nu (m)na-din ₈ apil-šú šá (m)mar-duk apli (m)ir-aa-ni ₉ (md)neḡal-iddin apil-šu šá (md)nabu-ka-šir ₁₀ apil (m)ēpeš-(eš)-ili u (amēl) ṭupšarru ₁₁ (m)a-na-(d)bēl-ú-pa-qu apil-šu šá ₁₂ (md)bēl-šum-iškun(un) apil (amēl)šá ṭabti(ḥi.a)-šú ₁₃ bābili(ki) (araḥ)du'uzu ūmu 28 (kám) ₁₄ šattu 21(kám) (md)-nabū-kudurri-ušur ₁₅ šar bābili(ki).

„10 $\frac{1}{24}$ сиклей серебра, принадлежащего Ина-эши-этиру,

сыну Надина, царскому купцу — серебро царя, которое за золото дано Ина-эши-этиру — за Набу-этиром сыном Шулы, потомка солеваря. Он должен отдать в конце (месяца) ташриту. Его имущество, сколько имеется, — залог до тех пор, пока Ина-эши-этир не получит полностью серебро царя.

Свидетели (имена двух человек) и писец (имя).

Вавилон, (месяц) ду'узу, 28-й день, 21-й год Навуходоносора²⁹, царя Вавилона».

Согласно UET, IV³⁰, 104 (Ур, V в. до н. э.), одна женщина получила ссуду ячменем и растительным маслом на срок в 6 месяцев, отдав в залог своего сына. Она обязалась возвратить ссуду «в Уре, в амбаре мерой тамкара»³¹. Кредитором, по-видимому, был тамкар.

²⁸ J. N. Strassmaier, *Inschriften von Nabuchodonosor, König von Babylon*, Leipzig, 1889.

²⁹ 584 г. до н. э.

³⁰ H. H. Figulla, *Business Documents of the New-Babylonian Period*, „Ur. Excavations. Texts“, IV, London, 1949.

³¹ ₄₋₅ ina uri(ki) ina bāb ka-lak-ku ina (iṣ)ma-ši-ḥu šá (amēl) tam-kāri.

По свидетельству Nbd 17³² (Шахрину, 556 г.) некий Набу-куцарани купил 1800 пучков (pītu) чеснока по цене 660 пучков за одну мину серебра. Покупатель должен был уплатить цену чеснока двум кредиторам, один из которых был его собственным братом, а другой — царским купцом³³.

Царский купец по имени Набонид сдал свое поле в аренду за 48 кур фиников. Однако по условиям контракта арендатор должен был уплатить арендную плату не натурой, а деньгами по курсу рыночных цен на финики в месяце ташриту, т. е. арендатор купил предназначенную для владельца поля арендную плату³⁴. Далее, в окрестностях Урука в 528 г. было сдано в аренду поле, принадлежавшее двум «главным купцам» за 60 кур фиников³⁵. Согласно другому документу об аренде земли, арендатор обязался уплатить владельцу поля арендную плату ячменем «мерой тамкара»³⁶. По-видимому, владельцем поле был тамкар.

Nbd 464

₁ 4 šiqli kaspu ultu ir-bi [a-na] ₂ akali (ḫi.a) kurummatu-
(ḫi.a) (amel)tamkāri(meš) ³⁷ ₃ šá šarri a-na (md)šamši(ši)-
-[a-a?] ₄ apli-šū šá (m)šu-zu-bu nadna(na) ₅ 2 šiqli kaspu šá
(md)sīn-šar-ušur ₆ (amel)rab (amel)tamkāri(meš), [šá šarri]
₇ [...] ittū a-na dul-lu ₈ [...] (d)bu-ne-ne ₉ [...] -ku [...] -ri-a ₁₀
ú (md)bunene-ibni nadin(in) ₁₁ (araḥ) ṭebētu ūmu 13 (kám)
šattu 10(kám) ₁₂ (md)nabū-na'id šar bābili(ki).

³² См. перевод J. Kohler und F. E. Peiser, Aus dem babylonischen Rechtsleben, IV, Leipzig, 1898, стр. 65.

³³ 18) LÚ. DAM. LUGAL вместо обычного LÚ.DAM.QAR LUGAL. Ср. слоговое написание (amel)tám-kā-ar šarri в NRV 400.

³⁴ NRV 400 (568 г.), см. ibid., S. 376—377.

³⁵ CCCI, II, 407, 1—2: 60 kúr suluppi imit eqli šá 2 (amel)tamkāri rabūti(ti).

³⁶ UET IV, 46 (Np. 380 г.), 8—9: [...] 5 kúr uṭṭati man-da-at-tum [...] ina (iṣ)ma-ši-ḫu šá (amel)tamkāri. Ср. сильно разрушенный документ Кг. 266 (402 г.), где говорится о выплате тамкару цены за недвижимость (?), [...] (amel)tamkāri nadna. Ср. также документ из архива Мурашу, составленный близ Ниппура в 423 г., в котором упоминаются «зерновые поля артели тамкаров»: (še)zerāti(meš) šá (amel)ḫa-aṭ-[ri] šá (amel)tamkāri(meš). A. T. Clay, Business Documents of Murashū Sons, „The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania“, X, Philadelphia, 1904, № 54, 4.

³⁷ LÚ. TAM. MEŠ.

«4 сикля серебра из дохода [для] пици (и) продовольствия купцов царя выдано Шамшия, сыну Шузубу. 2 сикля серебра, принадлежащих Син-шар-уцуру, начальнику купцов [царя ...], битум для работы [...] (бога) Бунене [...] 1 и Бунене-ибни отдано.

(Месяц) тебету, 13-й день, 10-й год Набонида³⁸, царя Вавилона».

Как видно из этого документа, за службу на царя тамкары получали продовольствие³⁹. О служебном положении некоторых тамкаров свидетельствует и NRV 885, где в перечне государственных чиновников упоминаются, в частности, «купец царя» и «купец наместника»⁴⁰. Далее, судя по письму UET IV, 184 (около 626 г.), тамкары могли владеть и служебным наделом.

Среди табличек сокровищницы Персеполя сохранился один документ, написанный на аккадском языке и фиксирующий уплату государственных податей четырьмя лицами в 19—20-м финансовом году царствования Дария I (502 г.). Внесенное этими лицами серебро было оценено по чистоте и весу, и после такой оценки был произведен окончательный подсчет и установлено, какую сумму еще необходимо внести указанным налогоплательщикам исходя из того, что налоги должны были уплачиваться серебром определенного стандарта. Среди этих четырех налогоплательщиков упомянута женщина по имени Индукка, «мать Туту, старшины купцов»⁴¹, которая внесла в качестве подати $14 \frac{5}{6}$ белого серебра, 9 мин 53 сиклей второсортного серебра и 5 мин 3 сикля серебра низшего сорта. Издатель текстов сокровищницы

³⁸ 546 г.

³⁹ Ср. более ранний текст, датированный восьмым годом Навуходоносора I (1138 г.), *A. Clay, Babylonian Business Transactions of the First Millennium B. C.*, New York, 1912, № 1, 2, по свидетельству которого, тамкар наряду с другими лицами получает зерно из храма.

⁴⁰ 10: (amel)tamkar šarri, 15, [17, 18]: (amel)tamkaru šā (amel)ša-kin. Ср. также *H. F. Lutz, Neo-Babylonian Administrative Documents from Erech, Part II, Berkeley, 1927, No 57, 16*, где также наряду с другими чиновниками упомянуты (amel)tamkārī(meš) šā [šarri?], «купцы [царя?]».

⁴¹ *G. G. Cameron, Persepolis Treasury Tablets, Chicago, 1948, No 85. obv. 3: (m)tu-ú-tu (amel)rab tamkārī*. Ср. *A. T. Clay, Business Documents of Murashû Sons of Nippur, University of Pennsylvania. The Museum Publications of the Babylonian Section, II/1, Philadelphia, 1912. No 195, 6, 10, u. E.* (Ниппур, 421 г.), где упомянут «начальник тамкаров», уплативший царю подать с надела лука: (amel)šak-nu šā (amel)tamkārī(meš).

Кэмерон полагает, что этот документ был составлен не в самом Персеполе, а, скорее всего, в каком-нибудь вавилонском городе⁴².

Camb⁴³ 384⁴⁴

1 šattu 7(kám) (m)kám-bu-zi-ja šarri (arah) kislīmu ūmu
1(kam) 2 [...] -di (m)ra-za-am-ár-ma 3 apil-šú-šá (m)ra-za-
-am-ú-mar-ga-'a 4 (m)as-pu-me-ta-na-'a mār-šú šá 5 (m)as-pu-
ta-ti-ka 6 (f)ka-ar-da-ra-'a 7 (f)pa-ti-za-'a la-ta-ni-šú-nu 8 a-na
2 $\frac{2}{3}$ mana kaspu a-na 9 (m)iddina-aplu (amēl)a-ši-bu apli-
-šú šá 10 (md)nabū-aḥḥē(meš)-iddin it-ta-din 11 (m)ar-ta-ru-
šú (amēl)rab tamkār(meš) 12 iq-ta-bi um-ma a-na-ku i-di(!)⁴⁵
mišil⁴⁶ 13 kaspi-šú in-na-áš 14 ina ušuzzu(zu) šá (m)ri-mut u
(m)mu-ra-šū-ú 15 (amēl)ṭupsarri (meš)(m)ḥa-ba-ši-ru (amēl)
ṭupsarru 16 šá bīt ka-ši-ra-nu 17 (m)ni-ri-a-bi-ig-nu 18 (amēl)e-
-la-mu-ú 19 (aban)kunuk (m)ar-ta-[ru]-šú.

«(В) 7-м году царя Камбиза⁴⁷, (в) 1-й день (месяца) кислим [...] Разамарма, сын Разамумарга, (и) Аспуметан, сын Аспутатника, продали⁴⁸ своих рабынь Кардару (и) Патизу за 2 $\frac{2}{3}$ мины серебра Иддина-апле, сыну Набу-аххеиддина, жильцу (в арендованном доме).

Артаруш, старшина купцов, сказал следующее: «Я знаю, что половину своего серебра он⁴⁹ принес».

(Документ составлен) в присутствии писцов Римута и Мурашу, писца сокровищницы Хабациру (и) эламитянина Нириабигну. Печать Артаруша».

⁴² Ibid., стр. 201.

⁴³ J. N. Strassmaier, *Inschriften von Cambyses, König von Babylon*, Leipzig, 1890.

⁴⁴ Ср. перевод: J. Kohler und F. E. Peiser, *Aus dem babylonischen Rechtsleben*, II, Leipzig, 1891, стр. 67.

⁴⁵ В копии ki.

⁴⁶ IŠ В цитированной выше работе, где дан перевод этого документа, Колер и Пейзер, по-видимому, рассматривали знак IŠ вместе с двумя предыдущими знаками как одно слово.

⁴⁷ 523 г.

⁴⁸ В копии сказуемое стоит в единственном числе.

⁴⁹ Покупатель рабынь.

Как видно из этого документа, иранцы Разамарма и Аспуметан продали двух рабынь, которые, судя по их именам, также были иранского происхождения, одному вавилонянину. Позднее по поводу этой сделки возникли какие-то споры, и поэтому старшина купцов иранец Артаруш в присутствии трех писцов (или, может быть, двух жрецов и одного писца), а также одного эламитянина заявил, что продавцы уже получили половину покупной цены рабынь.

В ряде документов тамкары упоминаются в качестве свидетелей. По свидетельству Nbd 958 (Сиппар, 540 г.), два человека заявили перед поименно упомянутыми лицами, среди которых назван и один тамкар⁵⁰, что некий Нидинту является храмовым рабом. Далее перед несколькими полноправными свободными (mār-baṇī), в том числе одним «царским купцом»⁵¹, был установлен срок погашения долгового требования. Другой «царский купец»⁵² выступает в качестве свидетеля в долговом документе, составленном в Опесе в 558 г. Упомнятый в Nbk 127 (см. выше) царский купец Ина-эши-этир, сын Надина, через 17 лет выступает, наряду с другими лицами, свидетелем в документе Nbk 334 (Вавилон, 567 г.), фиксирующем дарение имущества, хотя на этот раз он и не назван тамкаром⁵³. Большой интерес представляет тот факт, что старшина купцов (rab tamkāri), который являлся высокопоставленным царским чиновником при Навуходоносоре II, судя по его имени Hanūnu (Наппо), был по происхождению финикийцем^{53а}.

Рассмотренные документы происходят из архивов Вавилона, Сиппара, Ниппура, Ура, Урука и Описа и датируются временем царствования Набопаласара, Навуходоносора II, Набонида, Камбиза, Дария I и Артаксеркса II (конец VII—IV вв.)

В документах упоминаются не только просто тамкары, но также тамкары царя и областеначальника, «артели тамкаров», «главные тамкары», старшины и начальники тамкаров, тамкары, торгующие финиками и скотом, что свидетельствует о специализации торговли в Вавилонии VII—IV вв. и

⁵⁰ 13 (md)marduk-riḫa (amēl)tamkāru.

⁵¹ NRV 709 (555 г.), 15.

⁵² The Cuneiform Inscriptions of Western Asia, V. London, 1909, plate 67, No 3.11: (ma)ša-lam-ma-nu (amēl)tamkār šarri.

⁵³ Ср. P. R. Dougherty, GCCI, II, стр. 23, note 2.

^{53а} E. Unger, Babylon, Berlin und Leipzig, 1931, стр. 290; A. E. Oppenheim, Ancient Mesopotamia, Chicago, 1964, стр. 94.

о том, что, по крайней мере, часть купцов была объединена в определенные организации.

Некоторые тамкары занимались международной торговлей, в частности вывозом квасцов из Египта и продажей их в Вавилонии⁵⁴. Внутри страны тамкары занимались работоторговлей, куплей-продажей скота, фиников, ячменя, рыбы, золота и т. д.

Кроме того, тамкары были ростовщиками и ссужали деньги, ячмень, финики, растительное масло и т. д. за проценты и под залог лиц и имущества.

Далее, тамкары являлись крупными землевладельцами, которые сдавали свои земли в аренду. В таких случаях оплата арендной платы, как и погашение ссуды натуральными продуктами, обычно производилась мерой тамкара.

Наконец, тамкары выступали свидетелями при заключении различных деловых сделок.

Царские тамкары занимались продажей товаров, принадлежавших царю (в частности, золота) или занимались ростовщичеством в интересах царя. Иногда тамкары царя, как и другие государственные чиновники, за свою службу получали продовольствие. По-видимому, аналогичным было положение и тамкаров областеначальников. Судя по текстам из Ниппура V в., в ряде случаев тамкары были объединены в отдельные артели (*ḥaṭru*), и во главе их стояли начальники, назначенные государством. Эти тамкары получали из государственного земельного фонда «наделы лука» и поэтому должны были нести службу царя или же откупаться деньгами.

На первый взгляд может показаться, что в нововавилонское и ахеменидское время в положении купца не произошло сколько-нибудь значительных изменений по сравнению с предшествующим тысячелетием. Однако на роль купца в вавилонском обществе рассматриваемого времени значительное влияние оказали большие изменения в экономической жизни страны, происшедшие к нововавилонскому периоду. Теперь торговлей могли заниматься не только профессиональные купцы или их агенты, но также и любые частные лица. Это особенно относится к внутренней торговле Вавилонии, о которой мы располагаем весьма обильной информацией. Оживленной стала торговля и между различными частями страны, которая главным образом осуществлялась по рекам на лодках.

⁵⁴ Квасцы применялись для отбеливания шерсти и одежды, а также для производства стекла и медицинских целей, см. *D. J. Wiseman, Some Egyptians in Babylonia, Iraq, XXVIII, 1966, стр. 155.*

Для Вавилонии VII—V вв. было характерно господство в экономике могущественных деловых домов, которые владели большими земельными массивами, десятками рабов и многочисленными строениями расположенными в различных городах. Наиболее древним из таких деловых домов был дом Эгиби. Он функционировал еще до персидского завоевания и продолжал свою деятельность и в период царствования Кира, Камбиза и Дария I, продавая, покупая и обменивая дома, поля, рабов и т. д. Наряду с этим дом Эгиби занимался и профессиональными банковскими операциями, именно был займодавцем, принимал на хранение вклады, давал и получал векселя, уплачивал долги своих клиентов, финансировал и основывал коммерческие товарищества⁵⁵.

Дом Эгиби играл большую роль не только во внутренней, но и во внешней торговле⁵⁶, особенно в ахеменидское время, когда относительное спокойствие на всем Востоке, наступившее после 20-х гг. VI в. до н. э., хозяйственный расцвет, хорошие морские пути, образцовое содержание старых караванных путей и строительство новых, более широкое распространение денег, а также оживленные контакты между представителями различных народов способствовали развитию международной торговли в неизвестных до того времени масштабах. Для развития торговли большое значение имело и различие в природе и климатических условиях стран, входивших в состав Ахеменидской державы. Особенно оживленной стала торговля Вавилонии с Египтом, с Сирией, Эламом и Малой Азией, где вавилонские купцы покупали железо, медь, олово, золото, серебро, строительный лес, полудрагоценные камни, вино, фрукты и т. д.⁵⁷. Вавилония наряду с Египтом являлась поставщиком хлеба в страны Ахеменид-

⁵⁵ R. Bogaert, *Les Origines...*, стр. 105—108.

⁵⁶ Ср. *ibid.*, стр. 128—129. См. *Dag* 154 и 575, которые свидетельствуют о торговле дома Эгиби с Эламом с помощью агентов. Ср. также *Cug* 60 и 227, из которых, по-видимому, можно сделать вывод о том, что сфера торговой деятельности Эгиби распространялась и на Мидию.

⁵⁷ О международной торговле в VI—IV вв. см. A. T. Olmstead, *History of the Persian Empire*, Chicago, 1948, стр. 193; W. F. I'bright, *Cilicia and Babylonia under the Chaldaean Kings*, BASOR 120 (1950), стр. 22—25; R. Delbrueck, *Südasiatische Seefahrt im Altertum*, „Bonner Jahrbücher“, Bd 155/156 (1955/1956), стр. 8 ff. und 229 ff.; P. Garelli, *l'Astie Occidentale ancienne*, „Histoire générale du travail“, I, Paris, 1959, стр. 52—54; M. F. Gyles, *Pharaonic Policies and Administration*, 663 to 323 B. C., Chapel Hill, 1959, стр. 73—74; A. E. Oppenheim, *Essay on Overland Trade in the First Millennium B. C.*, JCS XXI (1969), стр. 236—254.

ской державы, во всяком случае, в Элам⁵⁸. Кроме того, вавилонские города являлись крупными центрами по изготовлению шерстяной одежды, которая пользовалась большим спросом в Эламе⁵⁹.

Что же касается дома Мурашу, который функционировал в Ниппуре во второй половине V в. до н. э., то он не играл никакой роли в международной торговле, а занимался, в частности, ростовщическими и торговыми операциями в южной и центральной Вавилонии. Члены дома Мурашу продавали поступавшие к ним продукты земледелия (финики, ячмень и т. д.) внутри страны и уплачивали за своих контрагентов государственные подати деньгами⁶⁰. Ни Мурашу, ни их предшественники Эгиби ни разу в документах не названы тамкарами, очевидно именно потому, что деятельность их не ограничивалась торговлей, а была разносторонней.

⁵⁸ См. о вывозе ячменя из Вавилонии в Элам Dag 442.

⁵⁹ См. Dag 569, 2—3 о посылке кораблей, нагруженных одеждой, в Элам. См. также Ю. Б. Юсифов, Эламские хозяйственные документы из Суз. ВДИ, 1963; № 2 стр. 221; № 3, стр. 206, где приведены документы, в которых вавилоняне выступают поставщиками одежды для царского склада в Сузах.

⁶⁰ G. Cardascia, Les Archives des Murašû, Paris, 1951, стр. 195—198.

Н. В. АРУТЮНЯН

ГОРОД ЭРЕБУНИ СОГЛАСНО КЛИНОПИСНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Клинообразные надписи, происходящие из раскопок Эребуни, проливают свет на время основания и многогранную жизнь этого крупнейшего административного центра древневосточного государства Биайнили-Урарту.

Устанавливается, в частности, военно-стратегическое, хозяйственное и культовое значение, а также этнический состав города Эребуни.

Согласно Хорхорской летописи, уже давно известно, что Аргишти I на пятом году своего правления, переправившись через реку Аракс, вступил в пределы страны 'Аза. В это же время, т. е. в 782 г. до н. э., упомянутый урартский царь соорудил здесь военно-стратегический центр Эребуни «для могущества страны Биайнили (и) для усмирения вражеской страны»¹. Однако долгое время не было известно точное местонахождение Эребуни. Этот существенный вопрос выяснился лишь в 1950 г., когда на современном холме Арин-берд (бывший Ганли-тапа) была обнаружена клинообразная надпись того же Аргишти I, аналогичная по содержанию с данным отрывком Хорхорской летописи². Впоследствии, в 1968 г., здесь найдены еще две надписи царя Аргишти I^{2а}.

¹ Corpus Inscriptionum Chaldicarum, I, Berlin und Leipzig, 1928, табл. XXVII, 112 A₂, стк. 15—17. См. также Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960 (далее—УКН), 128 A₂, стк. 15—17—127, II, стк. 33—34.

² К. Оганесян, Арин-берд (Ганли-Тапа)—урартская крепость города Ирпуни (перевод надписи осуществлен Б. Б. Пиотровским), «Известия АН Арм. ССР» (обществ. науки), 1951, № 8, стр. 75—88; М. Исраелян, Две новые урартские надписи (на арм. яз.), там же, стр. 89—99.

^{2а} Н. В. Арутюнян, К. Л. Оганесян, Новые урартские надписи из Эребуни, ВДИ, 1970, № 3, стр. 108.

С другой стороны, следует обратить внимание на тот факт, что в Хорхорской летописи несколько выше повествуется также о завоевании страны города Ки(е)хуни (II, 30), локализация которой (в Разданском районе Армянской ССР) устанавливается согласно Лчашенской надписи того же Аргишти I³.

Таким образом, выясняется, что Эребуни был сооружен после завоевания страны города Ки(е)хуни присеванского бассейна и достижения урартийцами Иштикуни(у) и Лики(у) у северо-западного побережья оз. Севан. Следовательно, создание военно-стратегического центра Эребуни было обусловлено упрочением военных успехов Аргишти I не только в стране 'Аза, но и на обширной территории, лежащей между бассейном озера Севан и страной 'Аза Араратской равнины.

По сведениям Хорхорской летописи и аринбердских надписей известно, что Эребуни был сооружен в знак могущества Биайнили-Урарту и усмирения вражеских стран, под которыми, разумеется, Аргишти I имел в виду, в первую очередь, страны 'Аза и Ки(е)хуни. В самом деле, одна из армавирских надписей Аргишти I (УКН, 142) лишней раз подтверждает, что Аргиштихинили также сооружен на территории вражеской страны 'Аза (!Argištišina 'Azani KUR-ni KI-ni KURjulue manu...).

С другой стороны, многочисленный гарнизон Эребуни, где наряду с урартийцами, местными 'азайцами и т. д. насчитывалось также 6600 воинов, переселенных из приевфратских стран Хате и Цупа, красноречиво говорит о значении этого военно-стратегического центра для упрочения власти над обширной территорией страны 'Аза, а также над некоторыми другими областями, лежавшими между Араратской равниной и бассейном оз. Севан. Надпись Аргишти I, высеченная на скале около Элара (ныне Абовян, северо-восточнее Еревана, по дороге к оз. Севан), свидетельствует о том, что при военной экспансии на северо-восток урартийцами была завоевана также промежуточная область — страна Улуани или страна города Дарани (УКН, 131).

Военно-стратегический центр Эребуни, очевидно, послужил плацдармом также для успешного военного похода на Гехамские горы и завоевание там страны Гиарниани (?)⁴.

В дальнейшем, после правления Аргишти I, военно-стратегический центр Эребуни продолжает оставаться надеж-

³ Н. В. Арутюнян, Некоторые вопросы топонимики Урарту, «Историко-филологический журнал» АН Арм. ССР, 1965, № 1, стр. 190—191.

⁴ Н. В. Арутюнян, Урартская клинообразная надпись из Гарни, «Историко-филологический журнал» АН Арм. ССР, № 2, стр. 293—297.

ным опорным пунктом для совершения новых военных набегов против стран Севанского бассейна. Преемник Аргишти I — царь Сардури II в надписях, оставленных у юго-западного и южного берегов оз. Севан, а также в своей знаменитой летописи повествует о завоевании целого ряда стран и племен: Луеху (с царским городом Тулиху), Аркукини, Уртехини, Лики(у), Камани, Луеруни, Уеликуни или Уеликухи, Адахуни, Луипруни, Эшумуа, Камни(у), Ку'албани, Ухуни, Териани и т. д., одним словом, разных историко-географических единиц могущественного племенного объединения Удури-Этиуни⁵.

Таким образом, многочисленные области Удури-Этиуни, начиная с северо-западных и вплоть до юго-восточных берегов Севанского озера, при правлении Сардури II оказываются в могучем кольце урартских завоевателей.

Преемник Сардури II — царь Руса I в дальнейшем продолжает прочно удерживать не только ранее завоеванные четыре области Удури-Этиуни «с этой стороны озера», но и подчиняет 19 стран «с той стороны озера, в высоких горах»⁶.

Таким образом, во всех этих военных успехах царей Аргишти I, Сардури II и Русы I в бассейне оз. Севан, между этим бассейном и Араратской равниной, а также в Гехамских горах, город-крепость Эребуни страны 'Аза имел, очевидно, первостепенное значение. Здесь формировались, вероятно, гарнизоны урартских войск для захвата весьма богатых горных скотоводческих территорий, прилегавших к бассейну оз. Севан, отсюда охранялись, наряду с 'Аза, эти северные вновь обретенные территории от нападения неприятелей с юга и юго-запада. При этом Эребуни свои военно-стратегические функции выполнял, вероятно, довольно большой промежуток времени — около ста лет, по крайней мере вплоть до сооружения административно-хозяйственного центра Тейшебаини⁷. Хотя некоторые новейшие данные⁸ достаточно наглядно показывают, что Эребуни, очевидно, продолжал свое существование не только до гибели древневосточ-

⁵ УКН, 155А, стк. 13, D, стк. 47—52, F, стк. 17—24; 161, стк. 2—5.

⁶ Г. А. Меликшвили, УКН, 266, стк. 1—18.

⁷ О военно-стратегическом значении Эребуни см. также Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи, Ереван, 1966, стр. 84—89.

⁸ ВДИ, 1970, № 3, стр. 111. И. М. Лосева, Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Арин-берд, «Советская археология», 1958, № 2, стр. 184, 186. Н. В. Арутюнян, К вопросу о датировке основания Еревана, «Историко-филологический журнал» АН Арм. ССР, 1959, № 2—3, стр. 92—93.

ного государства Урарту, но и вплоть до наших дней под идентичным названием Ереван.

Согласно письменным источникам и археологическому материалу, Эребуни выступает перед нами и как крупнейший хозяйственный центр государства Урарту.

Клинообразные надписи урартских царей свидетельствуют о том, что богатые зерновые запасы области 'Аза регулярно накапливались в сооруженных вновь многочисленных крупных закромах города Эребуни. Если ранее нам были известны лишь два зернохранилища, сооруженные здесь Аргишти I (вместимостью в 10.100 «капи» зерна) и Сардури II (5.100 «капи»)⁹, то новые письменные источники гораздо более расширяют наши знания о зерновых богатствах этого города. Выясняется, что урартийцами здесь были сооружены еще четыре крупных зернохранилища, причем три из них царем Сардури II, вместимостью в 10.100, 11.500 и 12.600 «капи», а одно — Русой III в 6.848 «капи». Следовательно, известное нам общее количество зерна, ежегодно накапливаемого в Эребуни, составляло 56.248 «капи».

И если иметь в виду, что против известных по письменным источникам восьми зернохранилищ, сооруженных в других крепостях Ванского царства (в том числе в Аргиштихинили страны 'Аза) вместимостью в 84.197 «капи»¹⁰, в одном лишь Эребуни существовало шесть закромов вместимостью в 56.348 «капи», то станет вполне понятным огромное значение страны 'Аза и ее города Эребуни для развития экономики государства Урарту в целом. К сказанному следует добавить и тот весьма существенный факт, что сооружение зернохранилищ в Эребуни было настолько распространенным явлением, что здесь заранее подготавливались так называемые «надписи-бланки» (без указания количества «капи») для сооружаемых очередных закромов.

Сведения аринбердских надписей о сооружении зернохранилищ подтверждаются также археологическим материалом. Так, одно из раскопанных помещений, расположенных в северо-восточной части крепости, по мнению Б. Б. Пиотровского, вероятно служило зернохранилищем, на что указывает своеобразное устройство пола для сохранения зерна от сырости. На высоте 30 см от скалистой почвы пол сложен из камня, на котором лежит ровный слой гравия (5 см), а по-

⁹ УКН, 139. ВДИ, 1970, № 3, стр. 107, надпись 2; 164.

¹⁰ См. Г. А. Меликишвили, УКН, 130 (вместимость зернохранилища, упоминаемого в Сарыкамышской надписи, не известна), 162, 163, 288. *Kemal Balkan*, Ein urartäischer Tempel auf Anzavurtepe bei Patnos und hier entdeckte Inschriften, „Anatolia“, 5, 1960, стр. 123—124, надписи № 4, 5.

верх его толстый слой утрамбованной рубленой соломы (5—7 см). Такое устройство пола делало его гигроскопичным и, таким образом, предохраняло зерно от влажности. Кроме того, в одном большом помещении, расположенном между колонным залом (ападаной) и храмом susi были найдены остатки проса и обломки двух крупных карасов, предназначенных, по-видимому, для хранения проса¹¹.

То же самое можно сказать о виноградарских и винодельческих запасах, ежегодно накапливаемых в многочисленных кладовых Эребуни. До настоящего времени раскопками полностью или частично вскрыты шесть таких кладовых с огромным количеством крупных карасов, на которых клинописью и иероглифами обозначены их емкости в урартских мерах aqaqı и tırusı¹².

Накапливаемые в кладовых Эребуни виноградарски-винодельческие запасы были предназначены, вероятно, не только для нужд этого города, но и для перевозки в столицу Урартского государства Тушпа.

Наряду с военно-стратегическим и хозяйственным значением, согласно письменным источникам и археологическому материалу, довольно четко вырисовывается и культовый облик города Эребуни.

Ранее обнаруженные здесь две идентичные надписи, как известно, повествуют о сооружении дома susi (святилища)¹³ для местного ('азайского) бога Иуарша¹⁴. Эти надписи оказались in situ в кладке стен по обеим сторонам входа культового объекта susi¹⁵.

В связи с сооружением объектов культового характера, с другой стороны, привлекает наше внимание одна из новых надписей Эребуни, в которой сказано: «Богу Халди, владыке (своему?), этот дом Аргишти, сын Менуа, соорудил, крепость величественную воздвиг с именем Эребуни».

Под Е «домом» здесь, по всей вероятности, подразумевается susi; отсутствие которого обусловлено, по-видимому, тем, что детерминативы в клинописи обычно фигурируют ря-

¹¹ См. К. Л. Оганесян, Арин-берд (Архитектура Эребуни), Ереван, 1961, стр. 18.

¹² См. А. А. Демская, Кладовые Эребуни, «Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина», IV, М., 1968, стр. 176—182.

¹³ См. И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.—Л., 1963, стр. 90.

¹⁴ D1-ú-ár-šá-a. Чтение D1-ú-ub-šá-a менее вероятно, так как знак ár встречается также в отчестве Сардури II—Аргишти I. См. l'ár-giš-te-ñi-pi-še. УКН, 160, стк. 2.

¹⁵ См. Г. А. Меликишвили, УКН, посл., 8—9.

дом со словами, к которым они относятся, а в конце данной строки, как видно, не было места для слова «суси». Следует обратить внимание на то, что то же самое явление наблюдается и в надписи УКН, 165 Сардури II¹⁶. С другой стороны, в урартских надписях комбинации гетерограмм E. GAL предшествуют или susi (УКН, 71, 72), или же susi и KĀ (УКН, 73). При этом возможность наличия здесь слова KĀ «ворота» полностью исключается, так как в надписях ему закономерно предшествует ^DHaldinili (^DHaldinili (GiŠ)KĀ'-li), причем если susi закономерно снабжается детерминативом E (как и в данном случае), то для KĀ характерен детерминатив GiŠ¹⁷.

Таким образом, по всему видно, что новая аринбердская надпись опять-таки повествует о сооружении культового объекта «дом susi».

Среди новых аринбердских надписей имеется еще один текст, который, очевидно, опять-таки повествует о сооружении культового объекта. В нем сказано: «Богу Халди, владыке (своему?), этот дом Аргишти, сын Менуа, соорудил». Камень с надписью установлен в кладке стены данной постройки. Уже то обстоятельство, что сооруженный вновь «дом» царем Аргишти I посвящается верховному богу Халди, сам по себе говорит о культовом назначении этого сооружения. С другой стороны, не менее важной кажется и заключительная часть надписи, трафаретная формула которой (inani menani edini širulini šidulini mei ešimeši elmuše manupie) опять-таки вполне характерна для культовых надписей. Мало того, приведенный отрывок в полной мере способствует восстановлению недостающей части одного из текстов уже опубликованной кармирблурской пространной культовой надписи, где имеется ina[ni menani] edini šidulini mei ešimeši elmuše manupie¹⁸.

Таким образом, видно, что Эребуни стал одним из наиболее известных культовых центров Ванского царства с широкой сетью храмовых учреждений. Не исключена возможность, что здесь, как и в Тейшебаани, были основаны одни и те же культовые объекты: Большой храм с составными частями «дом суси», «ворота бога Халди» и Малый храм с «домами» бога Халди, «сир(и)хани», «адунусини»¹⁹. Исходя из этого, можно полагать, что в пределах Эребуни, в частности,

¹⁶ См. Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи. Ереван, 1966, стр. 73.

¹⁷ Там же, стр. 38—39, стк. 9, 14.

¹⁸ См. там же, стр. 38, текст I, стк. 9. ВДИ, 1970, № 3, стр. 109.

¹⁹ Там же, стр. 93.

и страны 'Аза вообще, наряду с царскими (государственными), общинными и т. п. хозяйствами, существовало также храмовое хозяйство, которое обладало, по-видимому, земельными, садоводческо-виноградарскими поместьями и скотоводческими богатствами, часть которых была приобретена путем дарения («жертвоприношения»). Можно также думать, что часть зерновых, винодельческих и других запасов Эребуни, о чем речь шла выше, принадлежала именно местному храму.

Наконец, последним вопросом, который можно рассматривать в связи с историей города Эребуни, является этнический состав его населения.

Основным ядром населения страны 'Аза являлись, несомненно, аборигены. Возможно, с этим местным населением страны 'Аза неразрывно связан бог Иуарша, который выступает то по поводу сооружения дома «суси» в Эребуни, то в связи с культовыми обрядами (жертвоприношением) в честь нововоздвигнутых объектов (в том числе дома «суси») в Тейшебаини²⁰. Сооружение храма в честь местного бога И(у)арша или же упоминание его наряду с верховными урартскими богами (Халди, Тейшеба, Шивини, а также богини Уарубани — супруги Халди) следует, по-видимому, считать результатом хитроумной политики урартских властей: показать «уважение» к правам местного населения, в том числе к его религиозно-культовым верованиям. Это и послужило, вероятно, одной из причин (наряду с насилием) не только для окончательного освоения земель страны 'Аза, но и (при наличии возможно надежного тыла) для дальнейших стремительных походов на северо-восток в целях покорения стран и племен Севанского бассейна.

Другим основным компонентом в населении города Эребуни являлись, вероятно, биайнилийцы или урартийцы. Не может быть сомнения в том, что поселение гарнизонов и населения урартского (и не только урартского) происхождения в той или иной вновь сооруженной крепости, в том числе в Эребуни, было одной из первоочередных задач урартского государства. Именно этим, вероятно, обеспечивалась власть урартийцев на тех или иных завоеванных территориях. В этой связи привлекает внимание формула проклятия Звартноцской надписи, которая от имени верховной триады урарт-

²⁰ Под И(у)арша аринбердских идентичных надписей Г. А. Меликишвили склонен видеть лувийское Им(м)арша (Имрашша), причем появление здесь культа этого бога он связывает с хеттскими и цуапскими переселенцами в качестве военнопленных. ВДИ, 1958, № 2, стр. 42—47; 1962, № 1, стр. 60, прим. 64.

ских богов и т. д. угрожает биайнилийцам в случае, если они осмелятся уничтожить или осквернить воздвигнутую стелу с надписью²¹. Это в полной мере подтверждает факт наличия биайнилийцев в стране 'Аза, в том числе в городе Эребуни.

При защите знаменитого в то время военно-стратегического центра Эребуни, равным образом также всей страны 'Аза, разумеется, урартийцы не могли надеяться лишь на гарнизоны из населения вражеских стран. Следовательно, преобладающая часть войска в гарнизоне Эребуни, как и в гарнизонах других урартских крепостей, была сформирована, очевидно, из собственно урартского населения.

Таким образом, можно полагать, что определенную часть населения города Эребуни, вслед за азайцами, составляли урартийцы, которые, вероятно, в завоеванных странах пользовались гораздо большими льготами, чем местное население.

В связи с этническим составом города Эребуни, как на это обратил внимание Г. А. Меликишвили, представляют первостепенный интерес сведения Хорхорской летописи о том, что Аргишти I на 5-м году своего правления (782 г. до н. э.) переселил сюда 6.600 военнопленных из приевфратских стран Хате и Цупа, которых он захватил, вероятно, во время похода предыдущего 783 г. до н. э.²² В этой связи представляет огромный интерес мнение И. М. Дьяконова о том, что определенная часть захваченных урартийцами людей при покорении разных вражеских областей включалась, по-видимому, в состав войска и размещалась в качестве гарнизонов в различных урартских крепостях²³. Так обстояло дело, как мы только что видели, и с переселенными в Эребуни хеттскими и цупайскими военнопленными.

Таким образом, в этнический состав населения города Эребуни, наряду с азайцами и урартийцами, входили также переселенные приевфратские хетты и цупайцы.

Однако этим, вероятно, не ограничивались разнородность населения города Эребуни. Здесь невольно привлекают наше внимание некоторые сведения формулы проклятия пространной кармирблурской надписи, которая содержит угрозу разрушителям и осквернителям этого письменного памятника не только со стороны верховной триады урартских

²¹ Г. А. Меликишвили, УКН, 281, стк. 31—47.

²² Г. А. Меликишвили, К вопросу о хетто-цупанийских переселенцах в Урарту, ВДИ, 1958, № 2, стр. 40—47.

²³ И. М. Дьяконов, К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, ВДИ, 1952, № 1, стр. 100.

богов—Халди, Тейшеба и Шивини, но и со стороны Мардука—верховного бога вавилонян²⁴. При этом Мардук здесь занимает то самое место формулы проклятия урартских надписей, где обычно выступает гетерограмма DINGIRmeš «боги», под которыми подразумеваются, по-видимому, не только другие боги урартского пантеона (кроме верховной триады), но и боги вражеских стран. Следовательно, упоминание Мардука в кармирблурской надписи можно объяснить, как нам кажется, наличием вавилонского населения не только в Тейшебани, но и на территории страны 'Аза вообще.

Однако известно, что упомянутая кармирблурская надпись составлена Русой II, царствовавшим в период упадка Урарту. Следовательно, нет никаких оснований думать о том, что при своей военной экспансии на юго-восток Руса II мог пойти вплоть до далекой Вавилонии и переселить часть ее населения в свои исконные территории. Тогда каким же образом вавилонское население могло попасть в пределы страны 'Аза? Нам известно, например, что во время похода 781 г. до н. э., совершенного Аргишти I против Бабилу (Вавилонии) и некоторых других стран (Баруата, Баршуа, Бушту и т. д.), т. е. годом позже сооружения города-крепости Эребуни, урартийцы захватили значительное число военнопленных²⁵. Далее, примерно через три десятилетия (в 751 или 750 г. до н. э.) вступает в пределы Бабилу преемник Аргишти I—царь Сардури II. С территории интересующей нас страны Бабилу и некоторых других областей (Мана, Баруата) урартийцы уведат 6 тысяч воинов, 25 тысяч женщин и 8 тысяч 135 отроков²⁶.

Таким образом, вавилонское население могло попасть в страну 'Аза начиная с 781 до 751—750 гг. до н. э., т. е. в то самое время, когда все еще не был основан Тейшебани, но уже существовал Эребуни. Следовательно, можно думать, что переселенные в VIII в. до н. э. из Вавилонии люди были одними из первых обитателей Эребуни.

Итак, разнородное население города Эребуни (как и страны 'Аза в целом) состояло, по-видимому, не только из аборигенов ('азайцев), но и из биайнили-урартийцев, хеттов, цупайцев, вавилонян и т. д.

Таково наше мнение по вопросам военно-стратегического, экономического, культового значения и этнического состава урартского города Эребуни.

²⁴ Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи, стр. 63, текст III, стк. 8.

²⁵ Г. А. Меликишвили, УКН, 127, III, стк. 8—17. Количество захваченных здесь людей в Хорхорской летописи сохранилось не полностью.

²⁶ Г. А. Меликишвили, УКН, 155А, стк. 1—10.

Г. А. ТИРАЦЯН

К ВОПРОСУ О ГОРОДАХ АРМЕНИИ ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ (VI—IV вв. до н. э.)

1. Изучение городов дофеодальной Армении связано, преимущественно, с проблемой армянского эллинистического города (III в. до н. э.—IV в. н. э.)¹. Предшествующий отрезок времени развития городов на Армянском нагорье изучался постольку, поскольку надо было определить происхождение того или иного города или выявить истоки городской жизни вообще.

Причина такого положения кроется в первую очередь в состоянии источников по данному вопросу, подавляющая часть которых относится именно к эллинистическому периоду, в то время как более ранние века освещаются ими явно неудовлетворительно.

И если все-таки следует обратиться к рассматриваемой теме, то отнюдь не потому, что количество интересующих нас сведений увеличилось в какой-то мере, хотя следует признать некоторое расширение круга источников за счет археологических данных. Повышенный интерес к изучению социально-экономических отношений Армении VI—IV вв. до н. э., связанный, по-видимому, с разработкой проблемы возникновения классового общества и государства в Армении, начавшиеся работы по археологическому изучению Армении того же периода, при возможном их расширении в будущем, а также необходимость обобщенного рассмотрения всех дан-

¹ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен: II изд., Ереван, 1954, гл. II, III; С. Т. Еремян, Развитие городов и городской жизни в древней Армении, ВДИ, 1953, № 3; Г. Х. Саркисян, Тигракаерт. Из истории древнеармянских городских общин, М., 1969; С. М. Кркяшарян, Очерки истории городов древней Армении и Малой Азии, Ереван, 1970.

ных, касающихся доэллинистического города, побуждают обратиться к теме, имеющей, как увидим ниже, немаловажное значение для социальной жизни древней Армении.

Рассматриваемый период истории городов Армянского нагорья лежит между упадком урартских городов как таковых, связанным с крушением урартского государства и оживлением городской жизни, наметившимся с III в. до н. э.

2. Вопрос о преемственных связях между урартскими и древнеармянскими городами заслуживает пристального внимания.

Сведения письменных источников, дополненные в последние годы данными археологических раскопок, выявляют, однако, картину упадка городской жизни, сопутствующую гибели урартского государства.

Известно, что урартские города были, главным образом, хозяйственными центрами с посевами, садами, виноградниками на орошаемых землях, простиравшихся вокруг них, и с кладовыми, хранилищами и ремесленными мастерскими внутри них². Раскопками выявлены целые кварталы с улицами, комплексами жилых зданий, особняками, указывающими на наличие различных социальных слоев в урартском городе³.

Урартские города, носившие часто династические названия, были основаны урартскими царями и существующие при них хозяйства принадлежали в ряде случаев им⁴. Города были военно-экономической опорой государства, его общественного и государственного строя. Поэтому естественно, что при гибели урартского государства города, лишившись своей опоры, с разрушенной системой водоснабжения и пришедшими в упадок ирригационными сооружениями заглохли. Раскопки городских кварталов двух известных городов на северо-востоке страны — Тейшебаини и Аргиштихинили — наглядно выявляют картину упадка урартской городской жизни⁵. Устроенные в самих урартских зданиях и жилищах погребения, датируемые послеурартским временем (главным образом V — IV вв. до н. э.), свидетельствуют о пус-

² Г. А. Меликишвили, Наир-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 334 сл.; 340 сл.; И. М. Дьяконов, К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту. ВДИ. 1952, № 1.

³ А. А. Мартиросян, Город Тейшебаини, Ереван, 1961; он же, Раскопки Аргиштихинили, Советская археология, 1967, № 4.

⁴ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 340 сл.

⁵ А. А. Мартиросян, Город Тейшебаини, стр. 137 сл.; он же, Раскопки Аргиштихинили, стр. 222, 228; Г. А. Тицаян, Возникновение древнеармянского государства (на арм. языке), ИФЖ, 1966, № 4, стр. 98.

тующих некогда многолюдных кварталах, превращенных в мопильное поле жителями возникших по соседству поселений ахеменидского или эллинистического времени.

3. Данные о городах Армении VI—IV вв. до н. э. весьма скудны. Первоисточники называют главным образом деревни, селения, крепости, храмовые центры.

Отступавшие в 401 г. через Армению греки встретили на своем пути деревни в южных, центральных и северных областях страны (Хен. Апав. IV, 4, 5, 6). В двух деревнях находились дворцы, служившие резиденциями сатрапу (Хен. Апав. IV, 4; 2, 7). Одна из деревень имела оборонительный вал (Хен. Апав. IV, 5; 9). Царский дворец упоминается также в другой работе Ксенофонта, в Киропедии, и он, по-видимому, находился в одном из поселений и служил резиденцией царю Армении (II, 4; 24).

Одно селение—*avanana* (аван) — названо в Бехистунской надписи: его предположительно можно локализовать в южной или юго-восточной части Армянского нагорья. К рассматриваемому времени относит Моисей Хоренский возникновение селения Вардгесаван в Араратской долине, основанного, согласно преданию, армянским царем Еруандом I Кратковечным (II, 55).

Данные, которыми мы располагаем о крепостях Армении рассматриваемого времени, сравнительно более обильны. В Бехистунской надписи содержатся сведения о двух крепостях—*dida*, у которых произошли сражения между восставшими армянами и персами⁷. Они, вероятно, тоже находились в южной или юго-восточной Армении. По-видимому, здесь же, вблизи границы с Мидией, следует локализовать и другие крепости, которые, по сообщению Ксенофонта (Кугор. III, 1: 1, 10), начал воздвигать армянский царь в первой половине VI в. К этому же времени относится, согласно тому же Ксенофонту (Кугор. III, 2), строительство крепости в северо-западной части страны, в горах халдайцев. Еще одна крепость упоминается Геродотом в юго-западной Армении в связи с описанием царской дороги (V, 52).

Своими храмовыми центрами выделялись долины рек Евфрат и Арацани. Это были храмовые общины, деревни, селения или города⁸. Храмовые деревни (комополисы, ава-

⁶ R. G. Kent, *Old persian*, New Haven, 1953, см. В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, М.-Л., 1959, стр. 151.

⁷ R. G. Kent, ук. соч. В. М. Массон, ук. соч.

⁸ А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии и Армении, М., 1959, стр. 8—9, 79—81, 99—100.

ны) — чаще всего укрепленные места, данные о которых сохранились в греко-римской и раннесредневековой армянской историографии. Как показывают их названия, они возникли в ахеменидское время, но ряд святилищ восходит к древнейшему доахеменидскому периоду.

4. Образование и рост городов Армении доэллинистического времени связаны с новой фазой разделения труда, наметившегося в армянском обществе VI—IV вв. до н. э. Об этом свидетельствует новый подъем двух основных форм хозяйства рассматриваемого времени — земледелия и скотоводства, сведения о которых содержатся в «Анабазисе» Ксенофонта (IV, 4, 5). Картина развития земледелия, будучи по ряду черт схожа с известными данными об урартском земледелии, выявляет его сравнительно высокий уровень и многоотраслевой характер; наряду с зерновым хозяйством, существовало виноградарство, обеспечивавшее, между прочим, экспорт вина, а также выращивались технические культуры, связанные, по-видимому, с орошаемым земледелием. На достаточно высоком уровне развития находилось и скотоводство, но, очевидно, удельный вес земледелия в экономике страны был более значительным⁹.

Отмеченный подъем двух основных видов хозяйства обусловил в свою очередь процесс усиленного отделения ремесла и торговли в рассматриваемое время.

5. О ремеслах и ремесленниках Армении мы располагаем ограниченными данными. Ксенофонт (Кугор, III, 2; 11) упоминает каменщиков и плотников, а археологические материалы рисуют далеко не полную картину ремесленного производства. На данном этапе можно говорить о гончарном производстве, о металлообработке, изготовлении оружия и орудий труда, об обработке камня¹⁰. Но все эти данные, которые можно получить из сопоставления письменных и археологических источников, большей частью имеют отношение к домашним видам ремесла, во всяком случае к отраслям, игравшим второстепенную роль в экономике страны. Большой интерес представляют, однако, находки предметов художественного ремесла — торевтики и ювелирного дела VI—IV вв. до н. э.

Типологическое соответствие между этими предметами с некоторыми урартскими предметами, более того, наметившиеся стилистические точки соприкосновения недвусмысленно указывают на наличие прямых связей между некоторыми

⁹ Г. А. Тирацян, *ук. соч.*, стр. 96—97.

¹⁰ Г. А. Тирацян, *Материальная культура Армении VI—IV вв. до н. э.* (на арм. языке) ИФЖ, 1969, № 4, стр. 147—156.

отраслями урартской и армянской металлургии¹¹. Существование необходимой сырьевой базы на территории Армянского нагорья, находки самих предметов художественного ремесла, данные персепольских рельефов позволяют предположить, что в Армении ахеменидского времени имелись стоящие на сравнительно высоком уровне торевтические мастерские. Исследователи находят даже возможным локализовать эти мастерские в районе Эрзерума и Ерзнкяна, где особенно накапливаются находки¹². В свете засвидетельствованных связей с урартскими изделиями можно усмотреть в этих мастерских древние, урартские производственные центры, продолжавшие свою деятельность в послеурартский период в некоторых из уцелевших городов.

6. Сведения письменных источников, изучение торговых путей, находки монет и других предметов указывают на наличие торговых сношений в VI—IV вв. до н. э. с рядом стран и областей, соседних и дальних.

Подробно описанная Геродотом царская дорога, соединяющая столицу Ирана Сузы с бывшей столицей Лидии Сардами, проходила, по словам историка, 56,5 парасангов (около 300 км) через юго-западные области Армении (V, 52). Дорога, о качестве которой можно судить по раскрытому археологами во Фригии участку, играла, по-видимому, важную роль в развитии торговых сношений Армении с соседними странами¹³.

Тесные культурные и экономические связи с Ираном во многом осуществлялись по этой дороге. Археологические находки предметов торевтики¹⁴, резного камня¹⁵, по-видимому, изготовленного в Иране, а также ахеменидской монеты¹⁶ свидетельствуют о наличии связей между обоими странами, Арменией и Ираном. Помимо царской дороги, они могли осу-

11 Г. А. Тиранян, К вопросу о торевтике и ювелирном деле Армении в ахеменидское время. ИФЖ, 1969, № 1, стр. 87—106.

12 Н. Lushey, Die Phiale, Bleicherode am Harz, 1938, стр. 51, 56 сл., Р. Amandry, Orfèvrerie achéménide, Antike Kunst, 1958, № 1, стр. 18; его же, Toreutique achéménide, Antike Kunst, 2, 1959, № 2, стр. 54.

13 Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 16—18.

14 Г. А. Тиранян, ук. соч., стр. 87—106.

15 Хранится в Переднеазиатском музее в Берлине и готовится к изданию директором этого музея проф. Г. Р. Мейером.

16 А. Н. Зограф, Распространение находок античных монет на Кавказе. Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, том I, Л., 1945, стр. 57. См. Х. А. Мушегян, Нумизматические данные относительно Еревана, ИФЖ, 1968, № 3, стр. 27—28.

ществляться по дороге, известной нам на основании более поздних источников и ведшей из северо-западных областей Ирана (Мидия) вдоль Аракса в Араратскую долину¹⁷.

Вторая группа стран и областей, с которой Армения поддерживала торговые связи, засвидетельствована пока только письменными источниками. Это расположенные к югу Ассирия, Вавилония, Сирия.

Прежде чем вступить на территории собственного Ирана, ведшая из Армении царская дорога проходила через территорию Ассирии и Матены, создавая благоприятные условия для налаживания торговли с упомянутыми областями. Более достоверные сведения о торговых связях с южными странами содержатся у Геродота (I, 194), описывающего торговлю Армении вином с Вавилоном по Евфрату. Как известно, в роли посредников в этой торговле выступали ассирийские купцы — в этом контексте, очевидно, сирийские или арамейские.

Пересекающая всю Малую Азию от Евфрата почти до Эгейского моря царская дорога очень активизировала связи Армянского нагорья не только со странами, расположенными вдоль этой дороги, но и более дальними, например Грецией. Эти связи все больше и больше находят подтверждения в археологическом материале, обнаруженном особенно в последние годы на территории Армении. Следует напомнить, что они засвидетельствованы уже в непосредственно предшествующий, урартский период, о чем говорят раскопки Кармир-блур¹⁸. Этот материал происходит из районов восточного бассейна Средиземноморья, эгейских стран или выявляет тесные контакты с малоазийским культурным миром.

Целая серия находок: афинская монета VI в. в Зангезуре, южной части Советской Армении, милетские монеты V в. на Аринберде, предметы торевтики в Западной Армении и в окрестностях Аринберда, изготовленные, по-видимому, в Западной Малой Азии, восточногреческий скарабей, указывающий на связь с Западной Малой Азией, близкая по своему облику к ионийским расписным образцам керамика и ряд других предметов могут служить наглядным доказательством этому положению¹⁹. Наконец, четвертое, основное, на-

¹⁷ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 40, 57—62.

¹⁸ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, М., 1959, тб. XLVI, а; *его же*, Кармир-блур, III, Ереван, 1955, рис. 3; Р. М. Жанполадян, О трех образцах стекла из Кармир-блур, Советская археология, 1964, № 1, стр. 307—312.

¹⁹ Г. А. Тиращян, О расписной керамике древней Армении (VI в. до н. э. — III в. н. э.), ИФЖ, 1965, № 3, стр. 275; *он же*, Материальная культура Армении VI—IV вв. до н. э., (на арм. языке), ИФЖ, 1969, № 4, стр. 155.

правление торговых путей шло через Закавказье на Северный Кавказ и Приазовье. По поводу некоторых свидетельств Ксенофонта из Киропедии (III, 2) Я. А. Манандян предложил свое объяснение, позволяющее предположить наличие торговых сношений жителей Армянского нагорья в мидийско-ахеменидское время со страной синдов вблизи моря²⁰. Это предположение может найти свое подтверждение в относящихся, возможно к более позднему времени, данных Страбона (XI, 5, 8), указывающих на наличие караванной торговли индийскими и вавилонскими товарами, которые при посредничестве армян и мидян, с одной стороны, и аорсов—с другой—поступали в Боспорское царство и Приазовье.

7. Вопрос о возникновении городов Армении в период, предшествовавший градостроительству, сам по себе очень интересен, но на данном этапе не представляется возможным окончательно выявить все возможные пути, ведущие к образованию древнейших армянских городов. Тем не менее имеющийся под рукой фактический материал позволяет, при учете сходных явлений других, главным образом древневосточных стран, установить некоторые закономерности, способствующие лучшему пониманию конкретных явлений, связанных с начальными этапами урбанизации древнеармянского общества.

Появление древнейших городов Армении не явилось результатом сознательного градостроительства; это был процесс, в котором центральная власть не играла сколько-нибудь определяющей роли. В рассматриваемый период город складывался на основе сельских общин, которые при благоприятных экономических и политических условиях перерастали в городские общины²¹. Как правило, этому перерастанию предшествовало объединение нескольких сельских общин. Можно предположительно различить три формы объединения сельских общин.

Первая — объединение сельских общин между собой, вторая — объединение сельских общин вокруг наиболее прославленных святилищ, третья — объединение сельских общин вокруг важнейших военно-политических центров страны²².

Основой для возникновения городов, как это видно на примере соседней Грузии²³, могли служить также древней-

²⁰ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 13—15.

²¹ Г. Х. Саркисян, ук. соч., стр. 47.

²² А. И. Болмунова, Процесс исторического развития стран Закавказья в античную эпоху, *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*, Budapest, 1968, стр. 272—273

²³ Д. А. Хахутайшвили, Вопросы истории городов Иберии, Тбилиси, 1966, стр. 216 сл.

шие поселения поздней бронзы и раннего железа, однако исследованные на территории Армении подобные памятники не позволяют проследить в достаточной мере их развитие в ахеменидский и эллинистический период.

Расположение этих объединений на удобных торговых путях, экономический подъем, нашедший свое выражение в развитии ремесла и сельского хозяйства, а также ряд других благоприятных обстоятельств могли в конечном счете привести к образованию городов еще в доэллинистический период. Обратимся к некоторым таким объединениям, среди которых имелись, возможно, и настоящие города.

Армавир. Согласно «Истории Армении» Моисея Хоренского, Армавир стал столицей армянского царства Еруандидов, возникшего, как известно, во второй половине IV в. до н. э. вследствие крушения ахеменидской империи. Армавир занимал восточную часть бывшего урартского города Аргиштихинили²⁴. Восточная крепость города была избрана Еруандидами в качестве своей резиденции.

Сведения найденных в Армавире урартских надписей, с одной стороны, и данные армянских историков и греческих надписей, найденных у подножия Армавирского холма,—с другой, позволяют подчеркнуть культовый характер Армавира как в урартский период, так и последующие века²⁵.

Сперва при Аргишти I, а затем при его сыне Сардури II здесь были построены многочисленные храмовые сооружения, превратившие его в крупный религиозный центр. Этот свой характер Армавирская крепость сохранила и в армянское время. Армянская историческая традиция, сохранившаяся у Моисея Хоренского (I, 20, II, 8, 40, 49), указывает на существование в Армавире прорицалища с платоновой рощей, где гадали по шелесту листьев, и большого святилища, посвященного синкретичным армяно-эллинистическим божествам, в котором, заодно с культом Солнца и Луны, справлялся культ царской династии Армении²⁶.

Наличие преемственности между урартским культовым центром и армянским эллинистическим имеет, как нам кажется, большое значение для истории древнеармянских го-

²⁴ А. А. Мартirosян, Раскопки Аргиштихинили, Советская археология, 1967, № 4; Б. Н. Аракелян, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира, ИФЖ, 1969, № 4, стр. 157—174.

²⁵ А. А. Мартirosян, ук. соч., стр. 225, 227; С. М. Крjашарян, Заметки о возникновении древнеармянских храмовых городов (на арм. языке). «Известия (общественные науки) АН Арм. ССР», 1963, № 9, стр. 55 сл.

²⁶ К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 104 сл.; Г. Х. Саркисян, ук. соч., стр. 33 сл.

родов рассматриваемого времени, особенно в свете данных Армавирских греческих надписей, полностью подтверждающих сведения нарративных источников.

Надписи, относящиеся к концу III в. до н. э., упоминают «армавирицев», т. е. граждан города, членов городской общины и их главу Митру вероятно, верховного жреца армавирского святилища, что позволяет допустить возможность существования в Армавире в эллинистическое время гражданско-храмовой общины²⁷, берущей свое начало, однако, еще в доэллинистический период. Не исключено, следовательно, что уже в ахеменидский период Армавир представлял собой храмовый центр, объединявший вокруг себя ряд сельских общин.

Трудно судить об административной роли Армавира в ахеменидское время, хотя на холме засвидетельствованы находки этого же времени. Кажется, что в восточных областях Армянского нагорья военно-административным центром являлась другая крепость—Эребуни, где обнаружен парадный приемный зал, храмы и другие предметы рассматриваемого времени. Тем не менее, в силу выгодного стратегического положения Армавирского холма, господствующего над равниной, наличия превосходных оборонительных сооружений, а также добротных зданий внутри крепости²⁸ выбор Еруандидских царей пал на Армавир как на резиденцию и столицу новосозданного в 30-х годах IV столетия государства, что, надо думать, дало новый толчок развитию здесь городской жизни.

Военно-административный и культовый центр государства занимал выгодное отношение и с точки зрения торговли. Уже в это время, как мы видели выше, в Араратской долине скрещивались пути, идущие из Ирана на Северный Кавказ и еще дальше, и из Малой Азии в страны Закавказья.

Ван. Ряд соображений позволяет предположить, что урартский город Тушпа стал первой столицей первого армянского государства, ставшего в VI в. наследником Урарту на Армянском нагорье²⁹. Здесь, поблизости от Тушпы-Вана находилась «долина наев» — *науос-јог* — свидетель появления армянского этнического элемента в урартской среде³⁰. По соседству с ним простиралась область Аруантуник-Еруанду-

²⁷ Г. Х. Саркисян, ук. соч., стр. 41, 111.

²⁸ Б. Н. Аракелян, ук. соч., стр. 161, рис. 1.

²⁹ С. Т. Еремян, К вопросу об этногенезе армян, Вопросы истории, 1952, № 7, стр. 103.

³⁰ С. Т. Еремян, ук. соч., стр. 103; Г. А. Тирацян, Возникновение древнеармянского государства, ИФЖ, 1966, № 4, стр. 85.

ник³¹, по-видимому, царское или сатрапское имение, возможно, с его постоянным спутником—парком, парадисом³². И, наконец, засвидетельствованное, к сожалению лишь в поздних источниках, название Еруандаван для Вана³³, указывает на непосредственную связь города с царской династией VI в. или с первыми сатрапами, Оронтидами доармавирского периода.

В годы ахеменидского владычества, по всей вероятности, Ван был главным центром XII сатрапии, а затем объединенной Армянской сатрапии, засвидетельствованной Ксенофонтom.

Древнеперсидская надпись Ксеркса на Ванской скале, рассказывающая о строительных работах³⁴, а также археологические находки свидетельствуют о продолжении жизни урартской столицы в ахеменидское время. Как видно на примере истории ахеменидского государства, главными центрами сатрапии, как правило, становились бывшие столицы (например, Хамадан, Мемфис, Вавилон, Сарды) некогда независимых, но впоследствии покоренных ахеменидами стран.

Эребуни-Ереван. На холме Аринберд, представляющем собой цитадель основанного в первой половине VIII в. урартского города Эребуни, наряду с обильными археологическими материалами урартского времени были выявлены данные, относящиеся к послеурартскому периоду (VI—IV вв. до н. э.)³⁵. Это в равной мере археологические предметы (керамические изделия, наконечники стрел, предметы украшения, удила, а также милетские монеты первой половины V в. до н. э.), как и остатки архитектурных сооружений. Среди последних особое место занимает раскрытый на территории крепости колонный зал. Археологические наблюдения позволяют утверждать, что названное сооружение было построено в два приема: первоначальное здание, храм, возникло в урартский период; оформление тридцатиколонного зала относится, возможно, к ахеменидскому времени, о чем может свидетельствовать определенное сходство с колонными залами ахеменидского Ирана. Раскрываемое сооружение было, возможно, залом приемов сатрапа, а крепость Аринберд—одним из центров, быть может главный центр XVIII сатра-

31 С. Т. Еремян, Первые армянские государственные образования. (VII—VI вв. до н. э.) ИФЖ, 1968, № 3, стр. 106.

32 Г. А. Тирацян, ук. соч., стр. 85.

33 С. Т. Еремян, ук. соч., стр. 106.

34 Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, стр. 117.

35 К. Л. Оганесян, Аринберд, I. Архитектура Эребуни, Ереван, 1961.

лии, возникшей вследствие административных реформ Дария³⁶.

Недавнее открытие предметов горевтики ахеменидского времени на возвышенности напротив Аринбердского холма является дополнительным подтверждением для предположения о продолжении жизни здесь, на территории урартского города, в послеурартский период.

Ани-Камах находился в Акилисене, в северо-западной Армении. Упоминается в армянских источниках как укрепленное место, *awan* (селение), в греческой передаче *χωροπόλις* (город-деревня)³⁷. Здесь находился храм бога Зевса-Арамазда, и есть основание думать, что уже в ахеменидское время образовалась храмовая община, возможно городского типа. В конце IV в., в связи с образованием Малой Армении *Ани-Камах*, по-видимому, становится ее столицей.

Крупными храмовыми общинами городского типа были по-видимому *Ериза* в той же Акилисене и *Аштишат* в Тароне. По сведениям армянских источников, это были укрепленные места, а также города-деревни, *комополисы*³⁸. Как вытекает из данных античных авторов, земельные владения и политический вес храма Анаит в Еризе были настолько велики, что всю область называли по имени храма Анаитидой.

7. О внутренней организации города Армении доэллинистического времени, о его социальной структуре и вообще об его роли в жизни общества мы ничего или почти ничего не знаем. Правда, говоря о возможном этническом составе городов Армении, можно предположить здесь наличие также урартского элемента, если исходить из археологических данных, выявляющих поразительное сходство некоторых форм материальной культуры Урарту и Армении³⁹, что можно отчасти объяснить присутствием, на первых порах, мастеров-урартов в производственных центрах, часть которых должна была находиться в городах. Поэтому мы должны довольствоваться теми данными, которые нам известны о местных древневосточных городах, некоторые черты которых могли бы быть учтены при характеристике армянских городов.

³⁶ Г. А. Тирацян, Колонный зал на Аринберде и вопрос сатрапских центров на Армянском нагорье. «Известия АН Арм. ССР» (общественные науки), № 7—8, 1960 (на арм. языке), стр. 99—114.

³⁷ А. Г. Перихаян, ук. соч., стр. 8, 79—80, 100.

³⁸ Там же.

³⁹ Г. А. Тирацян, Урарту и Армения (к вопросу о преемственности материальной культуры). «Известия АН Арм. ССР» (общественные науки), 1968, № 2.

Сведения, позволяющие создать приблизительную модель древневосточного города, касаются Ассирии⁴⁰, Вавилонии⁴¹, Малой Азии⁴² и Палестины⁴³, и они сводятся к следующим положениям:

Город представлял собой гражданскую или храмово-гражданскую общину, состоявшую из полноправных членов, которым противостояла масса производителей материальных благ, состоявшая в свою очередь из неполноправных свободных, рабов и полузависимых земледельцев.

Город имел административные органы управления, совет, народное собрание. Город мог быть наделен привилегиями, заключающимися в праве самоуправления, освобождении от целого ряда общегосударственных повинностей — военной, податной, строительной и т. д., в обладании земельной собственностью, судебных полномочий и т. д.

Не совсем ясно, насколько упомянутые центры Армении, военно-административные или культовые, превратились в торгово-ремесленные центры, основой экономики которых, естественно, было земледелие. По-видимому, это произошло в ограниченной степени, что свидетельствует не только о слабом развитии городской жизни, но и о слаборазвитости общества вообще в рассматриваемое время.

О таком состоянии городской жизни говорит, кстати, и тот факт, что в последующий эллинистический период ощутилась сильная потребность в городском населении, возникшая в связи с градостроительством. Если это население имелось бы на месте, то армянские цари не стали бы заниматься усиленным переселением горожан из других стран⁴⁴.

Новый этап в развитии общества Армении, совпадающий с эллинистическим временем, характеризуется, в частности, бурным развитием, расцветом городской жизни, нашедшим свое выражение в целенаправленной градостроительной деятельности армянских царей, подробно изученной советскими историками.

⁴⁰ И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, стр. 136—138.

⁴¹ Г. Х. Саркисян, Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, № 1; он же, О городской земле в Селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1953, № 1

⁴² А. Г. Периханян, ук. соч., стр. 11 сл.; стр. 173, 176.

⁴³ И. Д. Арусин, Народ земли, ВДИ, 1955, № 2.

⁴⁴ Г. А. Саркисян, ук. соч., стр. 128

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

ДРЕВНИЙ СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ГОРОД

(Местные традиции и иноземные модели)

Страбон (XV, 3) и Юстин (X, I, 4) называют Бактрию страной тысячи городов, Чжан Кянь в конце II в. до н. э. говорит о Фергане—сравнительно небольшой долине на востоке Средней Азии, что там было свыше 70 обнесенных стенами городов и поселений¹. Густая сеть больших и малых городов и городских поселений покрывала просторы Средней Азии на всем протяжении ее истории от эпохи поздней бронзы до нового времени. Замечательная цивилизация древней и средневековой Средней Азии была урбанистической цивилизацией, и в этом отношении она входит в систему урбанистических цивилизаций, широкий пояс которых окаймлял южную и западную часть Евразии². К ним с севера и востока примыкал и им

¹ Н. Я. Блцирин (Иакниф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, П, М.—Л., 1950, стр. 187; В. Watson, Records of the grand historian of China translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien, vol. II, New York and London, 1961, p. 266. Анализ этого сообщения с учетом археологических материалов—А. И. Бернштам, Древняя Фергана, Ташкент, 1951, стр. 12—13; Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы, М.—Л., 1962 (МИА, № 118) стр. 181—186.

² Понятие «урбанизма», «урбанизации» в современной урбан-социологии определяется по-разному. В одном из документов экономической комиссии для Азии и Дальнего Востока ООН сказано: «В наиболее простом и демографическом смысле урбанизация может быть определена как процесс, при котором популяция имеет тенденцию объединяться в скопления, превосходящие запланированные размеры». Есть и более широкие определения, например, принадлежащее В. С. Томпсону (W. S. Thompson), который называет урбанизацию «движением населения из общин, связанных исключительно или преимущественно с сельским хозяйством, в другие общины, в

противостоял пояс цивилизаций степного, лесостепного и арктического типов³.

Это в наиболее общем, генеральном, приближении. При более детальном рассмотрении эти общности распадаются на мозаику археологических культур, связанных хронологиче-

целом значительно более крупные, деятельность которых концентрируется прежде всего в области управления, торговли, производства и тому подобного». Западными социологами предложено много других формулировок (см. *N. Anderson*, *The urban community: a world perspective*, New York, 1959, стр. 4—6; См. также старую работу: *M. Вебер*, *Город*, пер. с нем. Б. Н. Попова. Ггр., 1923, стр. 7—27), но все они не учитывают классово-антогонистического содержания понятия „город“. Гораздо ближе к истине, нам представляется, широкая характеристика древнего урбанистического общества, данная в свое время Г. Чайлдом (*G. Childe*, *The urban revolution*, *Town Planning*, vol. 21, 1950, стр. 3—27; *Г. Чайлд*, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. М., 1956, стр. 193—227). Вместе с тем, безусловно, следует принять замечания Р. Адамса о несколько эклектическом смещении в характеристике Г. Чайлда „первичных“, основополагающих, критериев и „вторичных“, второстепенных (*R. Mc. C. Adams*, *The evolution of urban society Early Mesopotamia and prehispanic Mexico*, Chicago, 1966, стр. 10—12; ценные замечания см. также *R. J. Braidwood and G. R. Willey*, *Conclusions and afterthoughts*. In: *Courses toward urban life. Archaeological considerations of some cultural alternates*. Ed. by R. J. Braidwood and G. R. Willey. Chicago, 1962 (Viking Fund Publications in anthropology, vol. 32, стр. 348—358). По-прежнему научно определение понятия «город», как и процесса урбанизации возможно лишь с позиций исторического материализма. Для древневосточного города это сделано И. М. Дьяконовым, см. его «Проблемы города в Вавилонии II тыс. до н. э.»—Тезисы докладов всесоюзного симпозиума «Города и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э.». Ереван, 1969, стр. 12—13. Появление городов повсеместно свидетельствует о развитии классового общества, выделении ремесла как особой отрасли общественного производства. Именно так обстояло дело и на Востоке. Поэтому являются несостоятельными распространенные в западной историографии попытки противопоставить восточный город европейскому на том основании, что восточные города были, дескать, лишь центрами религии, образования и администрации—см. напр., *N. Anderson and K. Ishwaran*, *Urban sociology*. London, 1965 (Department of social welfare, Karnatak University. *Essays in social sciences*, № 2), стр. 1.

³ По концепции некоторых современных буржуазных ученых, цивилизация развивалась исключительно в городах (см., например, *T. W. Walrond and A. M. Taylor*, *Civilization, Past and Present*, vol. 1. Chicago, 1950, стр. 11). Вся совокупность исторических и археологических фактов заставляет категорически отвергнуть эту концепцию.

скими и локальными переходами, этнических и государственных объединений с их сложной и также взаимосвязанной историей. «Стыки» этих двух типов цивилизаций составляют регионы, где потоки взаимного экономического, культурного, этнического и социального обмена были наиболее интенсивными. К числу таких регионов следует отнести, в частности, города Северного Причерноморья и Скифию, города Средней Азии (включая Восточный Туркестан) и скотоводческое население среднеазиатско-казахстанских степей и гор. Спецификой Средней Азии являлось вхождение этого населения в состав земледельческих оазисов, превращающее его из внешнего в органический внутренний компонент земледельческих оазисов. Второй особенностью истории древнего среднеазиатского города, обусловленной политической и экономической историей Средней и Центральной Азии, является очень значительная роль, которую в его эволюции играли модели и влияния, идущие с запада (из Ирана, греко-эллинистического мира) и с юга (из Индии).

Исследование истории древнего среднеазиатского города в настоящее время сталкивается со значительными трудностями. Данные письменных источников весьма скудны и односторонни, эпиграфический материал для основной части рассматриваемого времени почти отсутствует. Археологическая изученность сравнительно невелика: ни один сколько-либо крупный среднеазиатский город не раскопан в такой степени, как Мохенджо-Даро, Таксила или эллинистические города. Наряду с Хорезмом, где некоторые основные черты планировки выявляются без раскопок, в других областях древние города представляют аморфные оплывы холмов, причем многие важнейшие из них, в частности Бактры и Мараканда-Самарканд, перекрыты свитой последующих слоев.

Детальные градостроительно-планировочные схемы в силу этого остаются по преимуществу неизвестными, как и социальная структура древнего среднеазиатского города. Однако отдельные градостроительные элементы (фортификация, типы общественных сооружений и др.), архитектура и строительное дело, продукция ремесла выяснены достаточно детально. Это позволяет наметить хотя и неполную и одностороннюю, но все же основанную на реальных фактах картину, точнее, отдельные контуры картины истории древнего города Средней Азии. Что касается статуса среднеазиатских городов, их внутренней организации и социальной структуры, то здесь мы по-прежнему вынуждены в основном обращаться к априорным рассуждениям и экстраполяциям, а не к засвидетельствованным фактам. В такой ситуации к нашим представлениям о древнем среднеазиатском городе

вполне приложимы слова Р. Адамса: «Если при изучении ранних городов мы ограничены лишь археологическими материалами, то мы должны признать, что они являются источником увеличивающихся искажений, кумулятивный эффект которых на нашу способность реконструировать накапливающуюся последовательность изменений сложно оценить, но он явно большой»⁴.

В настоящей работе автор не ставит цель изложить материалы археологических раскопок городов в Средней Азии и на прилегающих территориях или хотя бы в самой общей форме характеризовать их результаты. Цель работы совсем иная: используя результаты археологических работ в качестве основного источника, привлекая также другие источники и сравнительные данные, попытаться выявить основные линии развития древнего среднеазиатского города и его особенности на различных этапах:

I. «Протогорода».

II. Древнейшие городские поселения (конец II—первая треть I тыс. до н. э.).

III. Формирование античного города Средней Азии (VI—IV вв. до н. э.).

IV. Градостроительный дуализм и начало среднеазиатско-эллинистического синтеза (IV—II вв. до н. э.).

V. Среднеазиатско-эллинистическо-индийский синтез и наивысший подъем древнего среднеазиатского города (I в. до н. э.—III—IV вв. н. э.).

В данном направлении особое значение имеют работы С. П. Толстова, В. М. Массона и Г. А. Пугаченковой, однако ни в одной из публикаций наших предшественников эта проблема не ставилась в целом, рассматривались лишь отдельные ее аспекты⁵.

1. «Протогорода»

В области анауской цивилизации имеются три громадных поселения эпохи бронзы: Намазга-Тепе (площадь 70 га), Алтын-Тепе (46 га) и Яссы-Тепе. После проведения раскопок на Намазга-Тепе я в 1952 г. писал: «...уже к середине II тысячелетия до н. э. на юге Средней Азии уровень развития производительных сил общества был очень высок, что, в частности, нашло отражение в исключительно развитом

⁴ R. Mc C. Adams, *op. cit.*, стр. 30.

⁵ Книга: В. А. Лазров, Градостроительная культура Средней Азии (с древних времен до второй половины XIX века), М., 1950, в отношении древнего города (стр. 8—35) в значительной мере устарела.

строительном искусстве и ремеслах (гончарном, металлическом, в обработке камня и др.). Начался и проходил процесс отделения ремесла от земледелия. Однако характер общественной жизни той эпохи остается, в силу еще малой изученности, памятником типа Намазга-Тепе, недостаточно ясным» и вместе с тем отмечал, что памятники конца II—начала I тыс. до н. э. уже ясно отражают классовую структуру общества⁶. Некоторые исследователи (А. В. Арциховский, А. А. Марущенко, А. А. Росляков) пошли дальше и считали, что уже в эпоху Анау III, во всяком случае во II тыс. до н. э., в южной Туркмении существуют цивилизация и классовое общество. Резко критикуя эти точки зрения, В. М. Массон полагал, что крупные поселения той поры «нельзя назвать городами»⁷. Собственные раскопки, проведенные этим исследователем на Алтын-Тепе, заставили его отказаться от прежней точки зрения. Он пришел к заключению, что крупнейшие поселения эпохи Намазга V (XX—XVIII вв. до н. э.) «...выполняли одну из функций, свойственных городским поселениям» и предлагает говорить о развитии в это время «протогородской цивилизации». Действительно, высокое развитие производительных сил, наличие монументальных построек делает этот вывод весьма интересным. Отмечается хронологическая и в материальной культуре переключка с городами хараппской культуры⁸. Но в последующее время, в период Намазга VI (XVII—XI вв. до н. э.) поселения «протогородского типа» прекращают свое существование—и здесь явный параллелизм с долиной Инда. Нельзя не вспомнить в этой связи слова Бриджит и Раймонда Олчинов о том, что не только конец существования хараппских городов, но и «начальный стимул для их возникновения (они относят его к XXII в. до н. э.—Б. Л.) должен быть обязан народам, говорящим на индоевропейских языках»⁹.

При современной степени изученности южнотуркменских поселений эпохи Намазга V возможна лишь постановка вопроса о наличии «протогородских поселений», а

⁶ Б. А. Литвинский, Намазга-Тепе по данным раскопок 1949—1950 гг. СЭ, 1952, № 4, стр. 52.

⁷ В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, М.—Л., 1959 (МИА, № 73), стр. 122—124.

⁸ В. М. Массон, Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, № 3; В. М. Массон, Открытие монументальной архитектуры эпохи бронзы в Южном Туркменистане, СА, 1968, № 2.

⁹ B. and R. Allchin, The birth of Indian civilization. India and Pakistan before 500 B. C. Penguin books, 1968, стр. 144 (эта идея высказывалась уже неоднократно, она не может быть принята).

также рассмотрение их в более широком аспекте «городской революции» (термин Г. Чайльда), но последнее выходит за рамки нашей работы.

2. Древнейшие городские поселения (конец II—первая треть I тыс. до н. э.)

В обстановке разложения первобытно-общинного строя на базе поселений эпохи бронзы на рубеже II—I тыс. до н. э. возникают первые городские поселения с выделенными цитаделями, иногда поднятыми на специальную искусственную платформу. Таковы Тангсиккыльджа, Изат-Кули, Мадау-Тепе, Яз-Тепе и др. в южной Туркмении, Кучук-Тепе—в Бактрии. Иногда они занимают большую площадь (Тангсиккыльджа $2 \times 0,6$ км). На Яз-Тепе пятиугольная цитадель была поднята на искусственную платформу, где имелась монументальная постройка. К концу периода Яз I (сер. VII в. до н. э.) на окраине поселения была возведена монументальная постройка или крепостная стена. На Кучук-Тепе (небольшом поселении диаметром ок. 50 м) во II половине II тыс. до н. э. на четырехметровом стилобате имелась внешняя круглая крепостная стена высотой 7,5 м¹⁰. Оборонительные сооружения открыты на других среднеазиатских памятниках, в частности ферганских¹¹.

Для этих древнейших городов характерны следующие черты: наличие цитадели, кварталы ремесленников (гончаров и металлостов), наличие ирригационной сети непосредственно у границ поселения и даже на его территории. Можно с большой степенью уверенности говорить о том, что это памятники классового общества. Процесс сложения древнейших городских поселений аналогично протекал в Грузии и

¹⁰ Б. А. Литвинский, Намазга-Тепе..., стр. 52; В. М. Массон, Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1959; он же, Древнеземледельческая культура..., Л. И. Альбаум, Поселение Кучук-тепе в Узбекистане. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. (Тезисы докладов), Баку, 1965; Л. И. Альбаум, К датировке верхнего слоя поселения Кучук-Тепе. В сб.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 8, Ташкент, 1969.

¹¹ Вообще оборонительные сооружения в Средней Азии известны уже с энеолитического времени но, как справедливо заметил В. М. Массон, лишь в конце первобытного и начале классового общества вырабатывается настоящая фортификационная система городских укреплений. См. В. М. Массон, К эволюции оборонительных стен оседлых поселений, КСИА, в. 108, М., 1966, стр. 43—44.

Армении, где, как пишет А. П. Болтунова, «с развитием рабовладельческих отношений, ремесел и торгового обмена мелкие общинные поселения объединялись путем синойклизма, превращаясь в самоуправляющиеся городские общины с аграрной системой экономики и являясь в то же время центрами профессионального ремесла и торговли»¹².

Древнейшие городские поселения с цитаделями южных областей Средней Азии не стоят изолированно. Такие же процессы синхронно (или почти синхронно) протекали и на территории Ирана. Достаточно упомянуть Тюренг-Тепе, Сналк и Хассанлу. По данным радиоуглеродного анализа около 1000 г. до н. э. на Хассанлу была устроена высокая цитадель, защищавшаяся массивным (толщиной 3,2 м.) фортификационным валом. Внутри, по Дайсону, находились жилища знати, у подножья цитадели—внешний город, состоявший из частных домов (среди них—дома ремесленников) и некрополя¹³.

К этим поселениям можно в известной степени отнести слова Энгельса: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию»¹⁴.

Ничего конкретного не известно ни о внутреннем социальном статусе этих городов, ни об их взаимоотношении с сельскохозяйственной округой. Целесообразно, быть может, сопоставить в одном отношении среднеазиатские города с древней Месопотамией, где хозяйственно-политической единицей «...был «ном», т. е. группа населенных пунктов, тяготеющих к небольшому числу взаимосвязанных центров (от одного до трех), а также к одному магистральному кана-

¹² А. И. Болтунова, Античные города Грузии и Армении. В сб.: Античный город, М., 1963, стр. 155; М. П. Инадзе, Причерноморские города древней Колхиды, Тбилиси, 1968, стр. 97 сл.

¹³ R. H. Dyson, Digging in Iran; Hasanlu, 1958. "Expedition", vol. I n. 3, Philadelphia, 1959; *его же*, Hasanlu and early Iran. "Archaeology", vol. 13, N 2, 1950; *его же*, Hasanlu discoveries, 1962; "Archaeology", vol. 15, N 2, 1963; *его же*, Ninth century men in Western Iran, "Archaeology", vol. 17, N 1, 1964; *его же*, Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu. JNES, vol. XXIV, 1965, N 3; T. C. Young, Thoughts on the architecture of Hasanlu IV, "Iranica antiqua", 7, 1967; R. N. Dyson, The archaeological evidence of the second millenium B. C. on the Persian plateau, Cambridge, 1968 (The Cambridge Ancient History, vol. II/XVI), стр. 29—32; R. H. Dyson, A decade in Iran. "Expedition", vol. II, N 2, 1969.

¹⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1951, стр. 170.

ду, отходящему от главного русла р. Евфрат или р. Диалы (но не р. Тигра!), или же к строго ограниченному участку основного течения одной из этих рек»¹⁵.

3. Формирование античного города Средней Азии (VI—IV вв. до н. э.)

Для этого времени имеются не только археологические материалы, но и данные письменных источников¹⁶. Сопоставление тех и других указывает на наличие нескольких типов городов. Типологически можно выделить две группы: цитадельные (основная часть) и бесцитадельные города. Применяя иной принцип классификации, можно указать на крупнейшие города, обычно—центры культурно-исторических областей или сатрапий, и крупные и мелкие города—центры небольших областей и районов.

Бактры, как выяснила французская археологическая экспедиция, не только занимали территорию Бала-Хисара (120 га) с его мощнейшими укреплениями, но и часть нижнего города, к юго-западу от Бала-Хисара¹⁷. Прочность укреплений Бактр отражена в персидской легенде о походе Нина и Семирамиды, известной в передаче Ктесия.

Ядро Мерва—столицы Маргианы, первоначально было втиснуто в кольцо стен Эрк-Калы (12 га)—мощного укрепления на 15-метровой искусственной платформе. Стена, окружавшая Эрк-Калу—кирпичная, на пахсовом основании,

¹⁵ И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 13.

¹⁶ Попытка их осмысления—см. В. М. Массон, Древнеземледельческая культура..., стр. 151—153. Критические замечания И. М. Дьяконова—ВДИ, 1960, № 3, стр. 202—203—сопоставление др.-перс. термина *dida* с греч. *δῶμα* «деревня»—неправомерно, ибо др.-перс. термин означает *Festung, Burg, Burgmauer* (W. Brandenstein und M. Mayrhofer, *Handbuch des Altpersischen*, Wiesbaden, 1964, стр. 116). Детальный анализ письменных источников о среднеазиатских городах ахеменидского времени содержится в специальной работе И. В. Пьянкова (в печати). См. И. В. Пьянков, Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов. Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума «Города и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э.», Ереван, 1969, стр. 27—29.

¹⁷ J. C. Gardin, *Céramiques de Bactres*. Paris, 1957 (MDAFA, XV); M. Le Berre ed D. Schumberger, *Observations sur les remparts de Bactres*, MDAFA, XIX, Paris, 1964, См. также R. S. Young, *The South Wall of Balkh-Bactra*, *AJA*, vol. 59, 1955, N 4.

была возведена в конце V—IV вв. до н. э. Но город в это время уже не ограничивается этой, сравнительно небольшой площадью, а захватывает значительную часть Гяур-Калы, площадь, которой в три десятка раз больше¹⁸.

Мараканда, собственно Смараканда античных авторов¹⁹, состояла, судя по их описаниям, из собственно города и цитадели. Археологические раскопки показали, что древнейшее поселение располагалось на Афраснабе, причем остатки его выявлены пока в северо-западном и южном участках этого городища, и если предположить, что была обжита вся западная часть городища, то площадь этого поселения будет порядка 50—70 га, если же считать, что был заселен весь Афраснаб — порядка 200 га. Не исключено, что цитадель помещалась на месте позднейшей. Помимо цитадели, судя по некоторым археологическим наблюдениям, укреплен был и сам город²⁰.

Были и другие крупные города с цитаделями, в частности Кирэсхата-Куру (ш) када²¹. Известны и небольшие города, вроде бактрийского города на Қалаи-Мире²² и другие.

¹⁸ З. И. Усманова, Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ, 1955—1959 гг.), Тр. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, она же, Эрк-Кала—городище старого Мерва поры античности и раннего средневековья (К истории развития древних городов Средней Азии), автореферат, Ташкент, 1969.

¹⁹ По-видимому, Мараканда—греч. передача местного, согдийского, топонима *Смараканда,—на это впервые указал И. Маркварт— *J. Markwart*, Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten. Ungarische Jahrbücher, Bd. IX, Hft. I, Berlin—Leipzig, 1929, S. 94, Anm. I, вслед за ним В. Хеннинг и др.— см. Б. А. Литвинский, История таджикского народа, т. I, под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, М., 1963, стр. 527.

²⁰ А. П. Тереножкин, Согд. и Чач.—КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 155—156; В. А. Шишкин, Қал'а и Афраснаб, Работы Института истории и археологии АН УзССР по изучению домонгольского Самарканда (1945—1966 гг.), «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 148—149; Г. В. Шишкина, О местонахождении Мараканды, СА, 1969, № 1; она же, Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афраснаба, автореферат, Ташкент, 1969; М. И. Филанович, К характеристике древнейшего поселения на Афраснабе, «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 206 сл. Есть данные, что на юге первоначальное поселение выходило за пределы Афраснаба. См. Я. Г. Гулямов, Стратиграфия Самарканда в свете новейших раскопок. Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда. Тезисы докладов. Изд-во ФАН УзССР, 1969 (АН УзССР. Самаркандский университет), стр. 7.

²¹ E. Benveniste, La ville de Cyreschata, JA, t. CCXXXIV, 1943—1945.

²² М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии, СА, XIX, М., 1954.

Примеры иной городской структуры дают хорезмийские памятники Кюзели-Гыр и Калалы-Гыр. Первый—треугольник с длинной стороной около 1 км, окруженный мощными фортификационными сооружениями, состоящими из снабженной башнями стены и внутрисканного коридора. По периферии города, вдоль стены—один-два ряда жилых и ремесленных помещений (в том числе железодельная мастерская). В центре города—остатки центрального, очень крупного здания, с главным залом площадью 285 кв. м.

Второй из названных памятников—Калалы-Гыр имеет вид правильного прямоугольника (100×700 м). Четкой и выработанной является фортификационная система—с воротами, предворотными лабиринтами, башнями. У западной стены—дворцовое здание, помещения которого комплектовались вокруг двух внутренних дворов. Колонно-стоечная конструкция с уступчатыми базами-постаментами поддерживала кровлю²³.

Города подобного типа, как впервые указал С. П. Толстов²⁴, могли послужить прообразом для описываемой в Авесте, в Видевдате (II, 33 и след.) в ары: «И сделал Йима так, как велел ему Ахура Мазда; месил он глину ногами; разделял на куски руками... И сделал Йима вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам. Снес он туда семя мелкого скота, крупного скота, людей, собак, птиц, огней красных пылающих. И сделал Йима ту вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам, загоном для скота. Туда он провел воду по пути длиною в хоатр; построил он там дом, свод, двор — место, закрытое со всех сторон»²⁵.

О населении этих городов—кроме самых общих данных, источники ничего не сообщают. Исключением является упоминаемый Квинтом Курцием (VII, 6, 16—23) в рассказе о захвате Александром Македонским уструшанских городов город, населенный сильным родом Мемакенов²⁶.

²³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 77 сл.; он же, По древним руслам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 96—117.

²⁴ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 80—82.

²⁵ В. А. Лившиц, История таджикского народа, т. I, М., 1963, стр. 145.

²⁶ Б. А. Литвинский, Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков, в кн.: История таджикского народа, т. I, М., 1963, стр. 254—255. Наименование «Мемакены» напоминает, по мнению И. Маркварта, название рустака Уструшаны, который у средневековых географов называется *مناك* или *ميناك*. Общепринятая огласовка—Минк, но как указал И. Маркварт и что осталось незамеченным даже в специальных трудах по истории Уструшаны (см., например, Н. Негматов, Уструшана в древности и раннем средневековье, Сталинабад, 1957, стр. 44) возможна

Анализ источников привел меня к заключению, что к «городу Мемакенов» отнесены события, фактически имевшие место при осаде Кирополя. Не исключено, хотя и менее вероятно, что вообще род Мемакенов жил в Кирополе и возглавлял восстание. Во всех случаях это указывает на наличие юльных родовых традиций в городской жизни (хотя, возможно, речь шла о соседской общине).

Некоторые из среднеазиатских городов располагались не внутри земледельческих оазисов, а в степи или в горах, среди кочевий сакских племен. По-видимому, часть из них была в значительной степени сакской по населению. Об этом есть прямые свидетельства античных авторов²⁷.

Следует добавить, что в хотано-сакский язык вошло слово *vāra*, которое имеет, в частности, значения «ограда», «двор» и «крепость», иногда «крупный двор». На базе этого слова возникло и другое хотано-сакское обозначение «ограды» — *bārmana* (обозначающее также «пруд», «резервуар»)²⁸.

Археологический аспект проблемы сакских городов Средней Азии вызывает значительные трудности²⁹.

Особо следует отметить, что в Средней Азии были греческие города: так, в Бактрии было поселение баркиан — оно возникло при Дарии и существовало во времена Геродота (Геродот, IV, 204), город бранхидов, возникший при Ксерксе (Страбон, XI, 4; XIV, 1, 5; Квинт Курций, VII, 6, 28—35; также Плутарх)³⁰; Ниса в северо-западной

и другая огласовка — Menak (*J. Markwart, Die Sogdiana des Ptolemaios, "Orientalia", vol. 15, 1916, стр. 287—288.*

²⁷ (A.) Herrmann, Sakai, RE, Zweite Reihe, Bd. 1/2. Stuttgart, 1920, Sp. 1795; И. В. Пьянков, История Персии Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. ВДИ, 1965, № 2, стр. 46—47.

²⁸ W. Bailey, Analecta Indoscythica, II. Journal of the Royal Asiatic Society, 1954, April, стр. 26—28.

²⁹ Б. А. Литвинский, Саки, которые за Согдом. Тр. АН Тадж. ССР, т. СХХ, 1960, стр. 94; Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, Древности Кайрак-Кумов, Душанбе, 1962, стр. 298—299.

³⁰ Подробнее об этом городе — S. Beal, The Branchidae, "The Indian antiquary", Bombay, vol. IX, 1880. Большинство историков, признавая достоверность сведений об этом городе, предлагало локализации его (F. Schwarz, Alexanders des Grossen Feldzüge in Turkestan, Zweite Auflage, Stuttgart, 1906, стр. 37), высказывало свои соображения относительно влияния населения этого города на язык, культуру и др. Средней Азии (S. Beal, op., стр. 70; V. B. Head, The earliest graeco-bactrian and graeco-indian coins, Numismatic Chronicle, fourth ser., vol. VI, 1906, стр. 4; К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 4). В. Тарн показал, что не все в рассказах источников об истреблении бранхидов достаточно хорошо согласовано и даже пришел к заклю-

Индии³¹. Едва ли эти зафиксированные в письменных источниках случаи исчерпывали общее число греческих поселений в ахеменидской Средней Азии³². Следует думать, что какое-то греческое население было и в местных городах, в частности бактрийских. Намек на это можно видеть в рассказе Геродота (Геродот, VI, 9) об угрозах ахеменидских военачальников выслать в Бактры дочерей ионийцев — жителей малоазийских городов в Бактры (если ионийцы не будут достаточно активно помогать персам).

Нумизматический материал, в частности распространение в восточных сатрапиях ахеменидского государства греческих монет, местная (бактрийская или гандхарская) эмиссия монет, подражающих греческим³³, ясно свидетельствует об эллинистическо-индийской и, по-видимому, эллинистическо-среднеазиатской торговле.

В числе переселенцев должны были быть и ремесленники и строители³⁴. Только небольшой объем археологически известно, что все это было придумано Каллисфеном, а на самом деле, как писал Тарн, „Александр не встречался ни с какими бранхидами“. Выводы В. Тарна (W. W. Tarn, *The massacre of the Branchidae*, *Classical Review*, XXXVI, 1922; *Alexander conquest of the Far East*, *Cambridge Ancient History*, vol. VI, 1933, стр. 392; *Alexander the Great*, vol. II, Cambridge, 1950, стр. 222—257) полного признания не получили (Б. А. Лумвиский, *История таджикского народа*, т. I, М., 1963, стр. 244), я вслед за А. К. Нарайном (А. К. Narain, *The Indo-Greeks Oxford*, 1962, стр. 2—3) полагаю, что гораздо больше оснований верить в существование этого поселения, чем отрицать его.

³¹ А. К. Narain, *op. cit.*, стр. 2.

³² А. К. Narain, *op. cit.*, стр. 6; J. Wolski, *Die Iranien und die Graekobakirische Königreich*. In: *Der Hellenismus in Mittelasien*. Hrsgb. von F. Altheim und J. Rehork, Darmstadt, 1969, стр. 256.

³³ D. Schlumberger, *L'argent Grec dans l'empire achéménide*.—MDAFA, t. XIV, Paris, 1953; B. M. Maccou, *Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи*, *Accademia Nazionale dei Lincei. Anno CCCLXIII, Quaderno N 76*, Roma, 1966, стр. 337.

³⁴ Как это было и в ахеменидском Иране—судя, в частности, по строительной надписи в Сузах (DSf, 42—43) и эламским табличкам из Персеполя, греческим надписям в персепольских каменоломнях, греческие скульпторы, художники и ремесленники были активными участниками создания ахеменидских архитектурных комплексов. Плиний (XXXIV, 68) сообщает о скульпторе-греке, работавшем для Дария и Ксеркса. На фрагменте скульптуры Дария из точары в Персеполе — два выгравированных изображения голов, выполненные в греческом стиле, почти идентичные изображениям на греческой вазе конца VI в. По мнению многих искусствоведов, ахеменидская скульптура и рельефы многим обязаны греческому искусству (G. M. A. Richter, *Greeks in Persia*, *American journal of archaeology*, vol. L. № 1, 1946, стр. 15—30. См. также H. Frankfort, *Achaemenian sculpture*, там же, стр. 6—14).

вскрытых слоев этого времени является, на наш взгляд, причиной того, что реальные последствия этих контактов до сих пор не выявлены.

Как сообщает строительная надпись в Сузах (DSf, 35=40)³⁵, из областей Средней Азии при возведении этого дворца доставлялись золото и отделочный камень. В строительстве участвовали среднеазиатские жители. Выходцы из Средней Азии приносили с собой навыки и опыт среднеазиатского строительства; назад они возвращались обогащенными знакомством с ахеменидской архитектурой и градостроительством. «Продвижению» последних в Среднюю Азию способствовали и представители ахеменидской администрации—выходцы из Фарса; возможно, дворец Калалы-гыра принадлежал ахеменидскому сатрапу.

Сообщения античных авторов о Кирополе—Куру(ш)кате, как о городе, отстроенном Киrom Великим обязаны, вероятно, совпадению (или близости) местного наименования поселения, существовавшего действительно в ахеменидское время на месте Муг-тепе в современном Ура-Тюбе, с именем этого древнеперсидского царя (Куру)³⁶. Тем не менее, в этих сообщениях можно видеть отражение тех градостроительных мероприятий, которые проводили в Средней Азии Ахемениды.

Таким образом, для рассматриваемого периода мы можем предположить взаимодействие в области градостроительства с Ираном³⁷ и с другой стороны,— с эллинским миром. Отдельные элементы, впрочем, указывают, что в Средней Азии не наблюдалось простого копирования, наоборот: так, например, в ахеменидском Хорезме каменные основания колонн были трехступенчатыми, тогда как в ахеменидском Иране—двуступенчатыми³⁸.

³⁵ R. G. Kent, *Old Persian, Grammar. Texts. Lexicon*, New Haven Conn., 1953, стр. 144.

³⁶ Б. А. Литвинский, *История таджикского народа*, т. 1, стр. 528—529.

³⁷ Общие линии взаимоотношений Средней Азии и ахеменидского Ирана, см. Б. Г. Гафуров, *О связях Средней Азии и Ирана в ахеменидский период (VI—IV вв. до н. э.)* Accademia Nazionale del Lincei, 1966, *Quaderno* N 76, Roma, 1966, стр. 191—197.

³⁸ Этот вопрос детально рассмотрен в публикации Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло, *Раскопки дворцового здания на городище Калалы-Гыр I в 1958*, МХЭ, 6, М., 1963, стр. 146—147. Действительно, уже в Дан Духтар, в доахеменидской каменной гробнице, имеются протоионические колонны с тором на двухчастном плите (E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, London—New York, 1941, стр. 206, fig. 317, pl. XXXVII). По Э. Херцфельду, «этот тип—иранский, засвидетельствованный в доахеменидское время и являющийся каноническим для Пасаргад и Персеполя». Он

4. Градостроительный дуализм и начало среднеазиатско-эллинистического синтеза

(IV — II вв. до н. э.)

В античных источниках немало сообщений о среднеазиатских городах, которые были очагами сопротивления Александру Македонскому. Некоторые из них были разрушены, другие совершенно опустошены. Вместе с тем, Александр основывал новые города. По Плутарху, Александр основал свыше 70 городов. Однако эта цифра сильно преувеличена. Можно считать установленным, что Александр основал немногим более десятка (по подсчету Тарна — 13 городов), к тому же некоторые из них были основаны на месте старых поселений. Однако следует учитывать, что подавляющая часть этого количества была основана на восток от Тигра³⁹.

Что касается Средней Азии, то, по сообщению Страбона, Александр основал в Бактрии и Согдиане восемь городов (Страбон, XI, 11, 4), по Юстину — двенадцать (XII, 5, 13). Анализируя это разногласие, А. Гутшмид высказал предположение, что вместо восьми городов Страбона у Юстина первоначально фигурировали семь городов плюс Александрия на Танаисе, затем механическая ошибка одного из переписчиков превратила семь (VII) в двенадцать (XII)⁴⁰. Некоторые ученые категорически отвергли это предположение (например,

зафиксирован и в послеахеменидской архитектуре (*E. Herzfeld*, *op. cit.*, стр. 284—285, fig. 383). Единственное исключение — в Фратадара (в 1 км к северу от Персеполя), относящемся к постахеменидскому времени: здесь масса архитектурных деталей, притащенных из Персеполя, но вместе с тем — трехступенчатые плиты, там не встречающиеся (*E. F. Schmidt*, *Persepolis I. Structures, Reliefs, Inscriptions*, Chicago—Illinois, 1953, стр. 56, fig. 17 d). Следовательно, в Хорезме, в Калалы-Гыре, трехступенчатые плиты появились намного раньше, чем в Фарсе. Напротив, калалыгырские капители с орлиноглазными капителями, как их реконструируют Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло (ук. соч., стр. 143—149, рис. 4—5), были стилистически близки персеполюским.

³⁹ *W. W. Tarn*, *Alexander the Great*, vol. II, Cambridge, 1951, стр. 248. Также *И. Г. Дройзен*, *История эллинизма*, III, пер. с франц. М. Шелгунова, ч. III, М., 1893, стр. 334. Ср. *V. Tschirikower*, *Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit*, Leipzig, 1927 (*Philologus*, Supplementband XIX, Hft. 1), стр. 145—148.

⁴⁰ *A. Gutschmid*, *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsakiden*, Tübingen, 1888 стр. 5, Anm. 3.

Э. Мейер, назвавший эту поправку текста произвольной)⁴¹, другие (например, В. Тарн)⁴² колебались. Однако серьезных возражений выдвинуто не было, потому можно признать заманчивое предположение А. Гутшмида имеющим право на существование.

Источники сообщают названия Александрии на Оксе, Александрии Эсхаты на Яксарте и Александрии в Маргиане (а для соседнего Афганистана—Александрии в Арее, Александрии на Кавказе, Александрии в Арахозии и т. д.)⁴³. Тот факт, что многие из этих городов были основаны на месте старых, уже существовавших ранее городов, В. Чериковер связывает с тем, что все это происходило в густо населенных областях и с тем, что цели политики Александра состояли не в том, чтобы «отделить» жителей Востока, а наоборот, как можно теснее соединить их⁴⁴.

Разумеется, реальные мотивы Александра Македонского были гораздо сложнее и противоречивее, чем это представляется вышеуказанному автору, но и то, что пишет в этом плане В. Чериковер, имело место.

Колонизационная политика усиливается при Селевкидах⁴⁵, особенно в эпоху Антиоха I. В Средней Азии основываются (или возобновляются) города, носящие название Антиохии Маргианской, Антиохии Тармата, Антиохии в Скифии⁴⁶.

Строительная деятельность Антиоха I в Средней Азии засвидетельствована для Антиохии Маргианской-Мерва. Он окружил Мервский оазис большой районной стеной (ок. 250 км.). Старое поселение Мерва—Эрк-Кала превращается в цитадель, к югу от нее обводится стеной огромный город

⁴¹ E. Meyer, Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. In: Der Hellenismus in Mittelasien Hrsgb. von F. Altheim und J. Rehork, Darmstadt, 1969, стр. 27, Anm. 13. См. также E. R. Bevan, The House of Seleucus. vol. I, London, 1902, стр. 276.

⁴² W. W. Tarn, Alexander, II, стр. 248.

⁴³ Перечень источников об этих городах см. V. Tschirikower, op. cit., стр. 102—106. См. также Б. А. Литвинский, Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков, в кн.: История таджикского народа, ч. I, М., 1963.

⁴⁴ V. Tschirikower, op. cit., стр. 153.

⁴⁵ Источники сообщают о 75 (или 59) городах, основанных селевкидами, но нельзя быть уверенными, что все эти города действительно были основаны ими, см. V. Tschirikower, op. cit., стр. 165—166.

⁴⁶ О вероятном тождестве «Александрии Эсхаты» и «Александрии в Скифии» см. Б. А. Литвинский, История таджикского народа, т. I, М., 1963, стр. 279, 282.

площадью около 4 км²—Гяур-Кала⁴⁷. Подъем городской жизни прослеживается и в других городах, в частности в Самарканде, где возводится новая оборонительная стена, постройку которой Г. В. Шишкина предположительно приписывает также Антиоху I⁴⁸ (что, по-видимому, действительно нельзя считать исключенным).

По мнению многих современных исследователей, греческое население в восточных сатрапиях очевидно увеличивалось во время селевкидского правления. Греческая иммиграция намеренно стимулировалась Антиохом I в связи с необходимостью противостоять угрозе вторжения кочевников⁴⁹.

В этих городах должно было быть значительное греческое население. Так, судя по имеющемуся в источнике эпитету⁵⁰, относящемуся к Антиохии Маргианской (такие определения указывают на этнический состав жителей), среди ее греческого населения должны были играть большую роль греки из Сирии⁵¹. По-видимому, в Средней Азии основывались также греческие военные поселения—катоикии⁵².

В этой связи следует указать, что для юго-восточного Афганистана (провинция Кандагар) факт наличия греческого населения засвидетельствован найденными там эпитафии-

⁴⁷ С. А. Вязигин, Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы, Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949; З. И. Усманова, Эрк-Кала—городище Старого Мерва поры античности и раннего средневековья. (К истории развития древних городов Средней Азии), автореферат. Ташкент, 1969, стр. 16.

⁴⁸ Г. В. Шишкина, Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афраснаба, «Афраснаб», в. I. Ташкент, 1969, стр. 246.

⁴⁹ V. Tschirikower, op. cit., стр. 166, 175; M. Rostovtzeff, The social and economic history of the hellenistic world, vol. I. Oxford, 1941, стр. 480; W. W. Tarn, Tarmita. „Journal of hellenic studies“, vol. LX, 1941, стр. 89—94; A. M. Simonetta, A new essay of the Indo-Greeks, The Sakas and the Pahlavas, EW, N. S., vol. 9, 1958, N 3, стр. 155; J. Wolski, Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft in Iran im 3. Jahrhundert v. Chr. In: Der Hellenismus in Mittelasiien, hrsgb. von F. Altheim und J. Rehork, Darmstadt. 1969, стр. 195—210, 236. Cp. A. H. M. Jones, The Greek city from Alexander to Justinian, Oxford, 1940, стр. 22—26.

⁵⁰ Плиний, VI, 47.

⁵¹ W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, II ed., Cambridge, 1951, стр. 15; Б. А. Литвинский, Средняя Азия в составе селевкидского государства, в кн.: История таджикского народа, ч. I, М., 1963, стр. 279, 282, 288.

⁵² M. Rostovtzeff, op. cit., p. 547; Б. А. Литвинский Средняя Азия в составе., стр. 288.

ческими материалами⁵³ греко-арамейской наскальной билингой⁵⁴ и преческой надписью на блоке камня, происходящем из какого-то сооружения⁵⁵. В этих надписях индийский царь Ашока обращается к своим подданным, живущим в этой области, причем обращается к грекам (yona). В связи с этим, кажется вероятным, что именно они подразумевались в V и XIII эдиктах Ашоки, причем составной термин *Yonakambojeṣu* из XIII эдикта относится к греческому (Яваны) и ираноизвечному (Камбоджи) населению области Кандагара.

С другой стороны, археологические раскопки на территории Средней Азии пока не дали комплексов, которые могли быть уверенно связаны с поселенцами-греками эпохи Александра или первых селевкидов. Это обстоятельство в значительной мере объясняет распространение в среднеазиатской историографии тенденции отрицать (полностью или в значительной мере) значение сообщений античных источников. В полемике с зарубежными авторами, в частности с Тарном, утверждавшим, что до македонского завоевания в Средней Азии не было городов (за исключением ахеменидских крепостей), С. П. Толстов в 1940 г. выступил с положением: «Не только укрепленные поселения оказываются входящими к глубокой доахеменидской древности, но и известные нам более поздние, относящиеся к эллинистическому времени, укрепления не несут никаких следов греческого влияния ни в смысле фортификации, ни со стороны внутренней планировки, что было бы неизбежно, если бы этот тип поселений слагался под непосредственным греческим влиянием»⁵⁶.

⁵³ Об этих находках и их историческом контексте: К. Fischer, *Zur Lage von Kandahar an Landverbindungen zwischen Iran und Indien*, *Bonner Jahrbücher*, Bd. 167, Bonn, 1967, стр. 132 ff (с детальнейшей библиографией).

⁵⁴ Un editto bilingue greco-aramaico di Aśoka. Roma, 1958 (Serie Orientale Roma, XXI); D. Schlumberger, L. Robert, A. Dupont-Sommer, E. Benveniste, Une bilingue gréco-araméenne d'Aśoka. JA 246, 1958; A bilingual Graeco-Aramaic edict by Aśoka. The first Greek Inscription discovered in Afghanistan, Text, transl. and notes by G. P. Carratelli and G. Garbini. Foreword by G. Tucci. Introd. by U. Scerrato, Roma, 1964 (Serie Orientale Roma, XXIX).

⁵⁵ D. Schlumberger, Une nouvelle inscription grecque d'Aśoka, CRAI, 1964, стр. 126—134 (несколько переработанный вариант—Eine neue griechische Aśoka-Inschrift. In: *Der Hellenismus in Mittelasten*. Hrsgb. von F. Altheim und J. Rehork, Darmstadt, 1969, стр. 406—417); E. Benveniste, E dits d'Aśoka et traduction grecque, JA, 1964, стр. 137—157.

⁵⁶ С. П. Толстов, Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока», ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 199. См *его же*, Древний Хорезм, стр. 91.

Этот тезис до сих пор является исходным во всех историко-археологических реконструкциях древней истории Средней Азии, и первая его часть (о доахеменидской древности), как показывает вышеназванное, полностью сохранила свое значение. Что же касается второй части, которую раньше я разделял, то сейчас, как мне представляется, пора отказаться от его излишней категоричности.

А. Я. Манандян в свое время писал: «...к концу III века до нашей эры эллинизм и эллинская культура успели глубоко проникнуть далеко на север в центральные районы исторической Армении»⁵⁷. Именно так было не только в Армении, но и во многих других странах Востока. Почему Средняя Азия должна являться исключением?

Представляется, что пребывание в Средней Азии греческого населения, среднеазиатско-эллинистические, политические, торговые и культурные связи и контакты привели к проникновению в среднеазиатскую среду элементов греческой и эллинистической культуры, в частности греческой письменности, эллинистического театра, изобразительного искусства, ряда божеств греческого пантеона и много другого. Об этом мне приходилось писать еще в 1963 г.⁵⁸

Несколько лет тому назад, в 1966 г. В. М. Массон, изучая эту проблему, писал, что «...в Бактрии для рассматриваемого периода большая роль греческого влияния постулируется во многом теоретически...»⁵⁹. В то время когда были опубликованы эти строки В. М. Массона, заступы афганских дехкан вздрагивали, ударяясь по коринфским колоннам на раскопах Ай-Ханум—города, основанного греками в самом сердце Бактрии, но первые публикации французских археологов, производивших эти раскопки, тогда только лишь появлялись.

Городище Ай-Ханум (тюркское — «Лунная госпожа») впервые было описано в 30-е гг. XIX в. Д. Вудом⁶⁰, но археологи не обращали на него внимания. В 1961 г. королю

⁵⁷ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. эры—XV в. н. эры). Изд. II. Ереван, 1954, стр. 39—40.

⁵⁸ Б. А. Литвинский, Средняя Азия в составе селевкидского государства, стр. 289. См. также В. М. Массон, Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи, стр. 339 сл.

⁵⁹ В. М. Массон, Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи, стр. 340.

⁶⁰ J. Wood, A personal narrative of a journey to the source of the river Oxus, by the route of the Indus, Kabul, and Badakhshan in the years 1836, 1837, and 1838, London 1841, стр. 394—395.

Афганистана Мухаммед Захир-шаху, во время его посещения современного поселения Ай-Ханум, местными жителями были показаны архитектурные каменные детали. Об их наличии, а также о находящемся рядом с поселением высоком холме он сообщил во французскую археологическую миссию. Научной проницательности возглавлявшего тогда миссию Д. Шлюмберже наука обязана разведыванием на территории Ай-Ханум первых разведывательных работ, которые сразу привели к открытию остатков эллинистических сооружений и определению города как греко-бактрийского (1964 год)⁶¹. В дальнейшем раскопки города проводятся под руководством П. Бернара, сменившего Д. Шлюмберже на посту руководителя французской археологической миссии. В двух сезонах раскопок принимали участие советские археологи: Г. А. Кошеленко и Р. Н. Мунчаев (1965 г.)⁶² и И. Т. Кругликова и Б. А. Литвинский (1968).

Городище Ай-Ханум расположено на правом берегу Пянджа—Аму-Дарьи, в том месте, где в нее впадает Кокча-Дарья. Треугольный мыс (1,8×1,6 км) занят двухчастным городищем. Высокая юго-восточная часть (Бала-Хисар)—вершина треугольника,—находится на естественной возвышенности (останец верхней террасы Пянджа) высотой до 60 м, на ней имеются две стены, «отсекающие» участки, а самый южный угол занят цитаделью. Небольшие разведывательные раскопки французских археологов на Бала-Хисаре показали наличие остатков эллинистических построек, на цитадели есть в подьеме и средневековая керамика. Раскоп, заложенный И. Т. Кругликовой и мной близ середины восточного фаса цитадели, показал, что здесь имеются следы обитания, относящиеся к рубежу бронзового и раннежелезного века (IX—VIII вв. до н. э.), причем здесь сочетаются традиции «степных» культур и культур типа вахшской. Не исключено, что какую-то часть Бала-Хисара занимал акрополь.

Основная часть города в виде неправильного прямоугольника вытянута вдоль Пянджа. Лишь одна сторона ее—северо-восточная—могла служить для вторжения врагов, ибо здесь не было ни реки, ни обрывов Бала-Хисара. С этой стороны город был защищен мощной стеной с квадратными башнями, здесь же располагались ворота. Начиная от них и прижимаясь к Бала-Хисару, тянулась прямая линия главной городской магистрали.

⁶¹ D. Schlumberger, *Aï Khanoum, une ville hellénistique en Afghanistan*, CRAI, Janvier-Juin, стр. 36—46.

⁶² Г. А. Кошеленко и Р. Н. Мунчаев, Археологическая экспедиция в Афганистане, «Вестник АН СССР», 1966, № 6, стр. 64—68.

Город не имел сплошной застройки, особенно в северо-восточной половине. Здесь располагался гимнасий. В центре города и далее к юго-западу находились героон, комплекс, включающий пропилеи, перистильную площадь и дворец. Огромная перистильная площадь (136×106 м), быть может, являлась агорой. В середине северной стороны ее имелся вход—пропилеи, с юга—гипостильный зал с 18 коринфскими колоннами, расположенными в 3 ряда по шесть колонн. Глубже развертывается сложная (и окончательно еще не вскрытая) архитектурная композиция, состоящая из трех больших залов, объединенных обходными коридорами. Интерьеры украшены живописью, лепниной, скульптурой.

Помимо этих общественных зданий, крупные общественные сооружения располагались непосредственно у дороги, к северо-востоку от дворца. Здесь, в частности, находился посаженный на высокий стилобат храм.

На юго-восточной границе городища, у р. Кокча, раскапывается жилой массив⁶³.

В планировке общественных сооружений четко проявляются, хотя и не всегда в «чистом» виде, эллинистические схемы (порой с явственным бактрийским и иранским влиянием); стеновые материалы—местные (жженный и сырцовый кирпич); базы колонн—редко ступенчатые⁶⁴, (т. е. восточные), обычно же аттического профиля, сами колонны коринфского ордера, с великолепными капителями. Вместе с тем, зарегистрированы элементы ионического ордера. Кровельные материалы эллинистические. Здания были украшены алебастровой и мраморной эллинистической скульптурой; много вещей чисто эллинистического облика, в частности мебель из слоновой кости, резные камни и т. д. Вместе с тем фортификация восточноиранская.

По нумизматическим и эпиграфическим находкам основание города датируется первой половиной III в. до н. э. Исключительно важны эпиграфические материалы. В одной

⁶³ Об этих раскопках помимо вышеуказанной статьи Д. Шлюмберже, см. также *D. Schlumberger et P. Bernard, Aï Khanoum. Bulletin de Correspondance Hellénique*, 89, 1965, стр. 590—657; *P. Bernard, Première campagne de fouilles d'Aï Khanoum, CRAI, 1966, Janvier-Mars*, стр. 127—133; *P. Bernard Deuxième campagne de fouilles d'Aï Khanoum en Bactriane, CRAI, 1967, Avril-Juin*, стр. 306—324; *P. Bernard, Aï Khanoum on the Oxus: a hellenistic city in Central Asia, London, 1967, Proceedings of the British Academy, vol. LIII*, стр. 71—95; *P. Bernard, Troisième campagne de fouilles a Aï Khanoum en Bactriane, CRAI, Avril-Juin, 1968*, стр. 263—279.

⁶⁴ Они двухступенчатые, похожие на персепольские. Но не исключено, что это было обычным для Бактрии, как для Хорезма — трехступенчатые.

из греческих надписей, найденной в героине, сообщается о некоем Клеархе, который воспроизвел в теменосе Киней дельфийские прорицания. Все это написано в виде короткой поэмы-элегии; часть одной дельфийской максимы сохранилась. П. Бернар предполагает, что Киней был погребен в этом героине и что он, возможно, был основателем города. В другой части города найдена греческая надпись, посвященная Гермесу и Гераклу—в эллинистический период традиционные покровители гимнасий и палестр—именно здесь располагался в Ай-Ханум соответствующий комплекс.

Официальным языком в городе был греческий. Покровителями города, его жителей и учреждений считались греческие божества, известно упоминание агоронома—инспектора рынков, штамп на ручке одной вероятно местной амфоры. Следует согласиться с П. Бернаром, что Ай-Ханум представлял собой преческий город—полис⁶⁵. Однако он пережил длительную историю, в процессе которой происходила «варваризация» его населения, в результате, например, вавилонского облика храм был превращен в жилое помещение.

Таковы данные об Ай-Ханум⁶⁶, раскопки которого во

⁶⁵ P. Bernard, *Ai Khanum on the Oxus*, стр. 88—92.

⁶⁶ Мы сознательно избегаем называть Ай-Ханум его древним именем. Дело в том, что П. Бернар полагает, что Ай-Ханум—та самая Александрия Оксиана, о которой упоминает Птолемей (VI, 12, 6). То, что Птолемей прямо указывает, что этот город находился в Согдиане, в высокой местности между Оксом и Яксартом, он считает неточностью (ибо эпитет города, как он считает, прямо указывает, что он располагался на берегу Окса); Птолемей, как думает П. Бернар, соединял в этом описании местоположение двух городов (*P. Bernard Ai Khanum on the Oxus*, стр. 92, п. 4). Некоторые сомнения относительно этой идентификации высказал М. Уилер (*M. Wheeler, Flames over Persepolis, Turning-point in history*, New York, 1968, стр. 84).

Можно определенно сказать, что из текста Птолемея такая локализация совершенно не вытекает. Никто из исследователей исторической географии не помещал Александрию Оксиану Птолемея на левобережье Оксуса (как делает Бернар). Достаточно сказать, что В. Томашек располагал ее в Кашка-Дарье—см. *W. Tomaschek (Alexandria)*, RE, Bd. I Stuttgart, 1894, Sp. 1389. А. Бертелло помещал этот пункт на правобережье, значительно севернее Оксуса. *A. Berthelot, L'Asie Ancienne Centrale et Sud-Orientale d'après Ptolémée*, Paris, 1930, стр. 196 en fig. 4; Й. Маркварт (*J. Markwart, Die Sogdiana...*, стр. 290) на правобережье, в районе Келифа. В. Тарн помещал Александрию Оксиану в Термез *W. Tarn, Two notes on Seleucid history*, 2, Tarmita, „Journal of hellenic studies“, vol. LX, 1940, стр. 89—94. В. Чериковер полагал, что Александрию Оксиану нужно искать на правобережье Оксуса. К левобережью может относиться Александрия κατά Βάχτρα Стефана Византий-

многим изменили представления об эллинизме в Бактрии, и которые показали, сколь велик и реален был вклад эллинизма в архитектуру и градостроительство Средней Азии (к вопросу об эллинистических традициях в среднеазиатском градостроительстве мы вернемся ниже)⁶⁷.

В начале 60-х гг. один английский исследователь писал: „With few exceptions, the new cities founded by Alexander and his successors in the Orient had in the first instance been quasi-military colonies guarding the routes and forming outpost against the threat of attack. The original Greek settlers were mainly soldiers and veterans; and these towns, in so far as they have been explored, seem to present a rigid, almost barracklike appearance...“⁶⁸.

Раскопки Ай-Ханум ясно показали, сколь далеко от истины это (распространенное и среди части советских ученых) обобщение; стало ясно, что греки строили на Востоке не только бараки и казармы.

Итак, мы рассказали о раскопках на левобережье Пянджа—Аму-Дарьи, древнего Осуса. Что касается правобережья, данных пока значительно меньше.

ского, по-видимому идентичная с той, о которой сообщает Плиний У1, 23, 95)—см. об этом *V. Tscherikower*, *op. cit.*, стр. 104—105. Эти заключения Чериковера мне представляются очень убедительными. Из пунктов же, упомянутых Птолемеем, в районе Кундуза—Ай-Ханум скорее всего могла находиться Сагана менее вероятно—Хоана (*Ср. A. Berthelot*, *op. cit.*, стр. 188 en fig. 4).

⁶⁷ Значение открытий на Ай-Ханум—и в изменении представлений о роли эллинистического искусства северной Индии и юго-восточного Афганистана. В 1962 г. Д. Кук отмечал влияние греческих мимов на развитие индийской драмы, греческой медицины и астрономии—на индийскую медицину и астрономию и добавлял: «в искусстве, однако, влияние эллинистического мира представляется относительно слабым» (*L. M. Cook*, *The Greeks in Ionia and the East*, London, 1962, стр. 166). В этих своих утверждениях процитированный английский автор не был оригинален—аналогичные предположения делались раньше многими другими исследователями. Так, Г. Бухтал в 1945 г. писал: „Недолгожившая мечта Александра о мировом господстве привела греческие армии даже за Инд. Но он явился лишь в качестве враждебного оккупанта и после того, как прекратилась его военная власть, эллинизм практически не оставил следов в индийских областях“ (*H. Buchtal*, *The western aspects of Gandhara sculpture*, *Proceedings of the British Academy*, vol. XXXI, London, 1945, стр. 23).

⁶⁸ *Y. M. Cook*, *op. cit.*, стр. 168.

Проницательности В. Минорского наука обязана выяснением того, что наименование пункта *Pardaḡwī (реконструкция В. Хеннинга), находившегося в районе Термеза, в месте переправы через Пяндж, происходит от греческого термина *πανδοχείον* «гостиница»⁶⁹.

На правом же берегу Пянджа, на территории Пархарского района Таджикской ССР возглавляемый нами южно-таджикистанский отряд производит раскопки городища Саксан-Охур (руководитель раскопочной группы Х. Мухитдинов). Здесь вскрыт дворцово-храмовый комплекс II—I вв. до н. э. Описание результатов раскопок опубликовано⁷⁰, поэтому ограничимся несколькими замечаниями.

Для архитектурного комплекса характерна замкнутая и упорядоченная планировочно-композиционная схема. Строгий ритм соединенных в ячейки по два и по три помещений западного фаса, обводной коридор, соединяющий все группы помещений—во всем этом господствует рационалистическая закономерность.

Для композиционно-планировочной схемы дворцово-храмового комплекса Саксан-Охура характерны следующие черты:

1. В Саксан-Охуре, как и на Кухна-Кала⁷¹, планировочным фокусом комплекса является двор. Таким образом устанавливается, что эта черта, столь обычная для восточноэллинистической архитектуры, была специфической и для Северной Бактрии. Ленточная вымостка вдоль края двора в Саксан-Охуре может указывать на связь с перистильной схемой, но здесь уже деградировавшей. Впрочем сам тип бактрийских — сооружений центрально-дворовой композиции мог иметь местные корни⁷².

⁶⁹ V. Minorsky, A. Greek crossing on the Oxus, BSOAS, vol. XXX, pt. 1, 1967, стр. 45 — 53. Минорский анализирует сообщение Хафизы Аbru, восходящее, по его мнению, к утраченной местной истории Термеза X в., причем Хафизы Аbru называет это место *برداغوی*, и говорит, что наименование это греческое, дано во время Искандара (Александра Македонского) и означает «гостиница». До исследования Минорского считалось, что наименование этого топонима следует огласовывать «Бардагуй».

⁷⁰ Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов, Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан), СА, 1969, № 2, стр. 160—178.

⁷¹ Б. А. Литвинский, Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г., Тр. АН Тадж. ССР, т. XXXVII. Сталинабад, 1956, стр. 77—79, рис. 1—2.

⁷² В среднеазиатской архитектуре постройки группировались вокруг двора уже в ахеменидское время, например, в Хорезме. См. Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло, ук. соч., стр. 144—145, рис. 2.

2. Айванный портик находится в южной части двора— решение, свойственное восточноэллинистической архитектуре и отличающее ее от греческой, где портик находился в северной части двора⁷³. Сейчас можно считать, что эта схема применялась и бактрийскими зодчими.

3. В Саксан-Охуре, как и в несколько более позднем Халчаяне, главный зал вытянут по поперечной оси, его продольная ось параллельна линии колонн айвана. Эта схема, как мне представляется, берет начало в планировках общественных сооружений Ай-Ханум. Все это подтверждает идею Г. А. Пугаченковой о своеобразии северобактрийской архитектурной школы, с ее «фронтальным развитием пространственных композиций»⁷⁴.

4. Стены интерьеров парадных помещений Саксан-Охура и айванов были рассечены стоящими на каменных базах пилястрами—архитектурный прием столь же широко использованный в дворцовом комплексе Ай-Ханум.

Таким образом, как для архитектуры Северной Парфии⁷⁵, так и для архитектуры Бактрии характерно сочетание всех трех порядков в понимании Пиранези: ордера с колоннами, ордера с пилястрами и ордера, состоящего из непрерывной стены.

5. В Саксан-Охуре интерьеры украшены настенной росписью. Дальнейшее развитие этой традиции демонстрирует Халчаян. Судя по двум последним памятникам, в греко-бактрийских и бактрийских постройках скульптура была органической частью комплексов.

6. Колонные системы Саксан-Охура, основой которых является коринфская колонна, абсолютно аналогичны, собственно идентичны ай-ханумским (как и оформление храмов).

7. Саксанохурский комплекс интересен и в другом отношении. Его планировка и особенно каменные детали отражают один из этапов развития бактрийской архитектуры и вводят новые данные в исследование ее взаимоотношений с западноэллинистической и римской архитектурой. Рассматривая коринфизированные капители Сурх-Котала, выдающийся французский ученый Д. Шлюмберже писал в 1960 г., что, отвечая на вопрос, какого они происхождения (греко-римского или селевкидско-бактрийского), он склоняется по второму ре-

⁷³ Г. А. Кошеленко, Архитектура жилищ греческих городов Парфии. Сб.: Античный город, М., 1963, стр. 172—175.

⁷⁴ Г. А. Пугаченкова, Халчаян, К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966, стр. 143.

⁷⁵ Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 109.

шению⁷⁶. Новейшие открытия полностью подтвердили это проницательное заключение.

Следует отметить, что коринфизированные капители и другие детали колонных систем, аналогичные ай-ханумским, в том числе специфические микробазы, найдены в ряде пунктов Северной Бактрии.

Что же касается синхронных поселений Согда, Ферганы и Хорезма, там влияние эллинистической традиции, судя по раскопаным на данный момент городским поселениям, отмечается в градостроительстве в значительно меньшей степени или совсем не отмечается. Материальная культура (в частности, керамика)⁷⁷ безусловно испытывает определенные эллинистические воздействия.

Иная картина в отношении взаимодействия эллинистических и местных традиций прослеживается в парфянских городах Южной Туркмении. У нас нет возможности хотя бы кратко характеризовать раскопанные города и городские поселения, отсылаем к соответствующим публикациям ЮТАКЭ.

В раннепарфянской архитектуре Нисы доминирующими являются местные, шире—иранские истоки, причем формы ахеменидской архитектуры здесь применяются в переработанном виде. Вместе с тем, совершенно определенным было эллинистическое влияние, которое нашло отражение в перистильной планировке «квадратного дома», во многих элементах оформления интерьера квадратного зала, в колонных системах. Но в целом монументальная архитектура Нисы, хотя и вобравшая в себя многие (причем весьма существенные) компоненты эллинистического происхождения, является чрезвычайно самобытной⁷⁸.

Городская фортификация в рассматриваемое время как

⁷⁶ *D. Schlumberger*, *Descendants non-méditerranéens de l'art grec „Syria“*, XXXVII, 1960, стр. 313 (= *D. Schlumberger*, *Nachkommen der griechischen Kunst ausserhalb des Mittelmeerraums*. In: *Der Hellenismus in Mittelasien*. Hrsgb. vol F. Altheim und J. Rehorck. Darmstadt, 1969, стр. 399).

⁷⁷ *С. К. Кабанов*. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб, СА. 1969, № 1, стр. 189—191.

⁷⁸ См. особенно, *Е. А. Давидович*, Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы, Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 108 сл.; *Г. А. Пугаченкова*, Пути развития..., стр. 22 сл.; *Г. А. Кошеленко*, Культура Парфии. М., 1966, стр. 12 сл.

в Бактрии⁷⁹, так и в Парфии⁸⁰ и в других областях Средней Азии усложняется, причем основные ее принципы остаются местными, среднеазиатскими.

Итак, среднеазиатский город эллинистической поры был чрезвычайно сложным явлением. К этому следует добавить, что имелись крупные—государственные крепости; городские поселения нескольких типов: от громадного Мерва до небольших поселков. Выделяются обширные по площади неукрепленные по периметру поселения свободной планировки (вроде Джин-Тепе), где концентрация ремесла сочетается с занятием значительной части населения сельским хозяйством.

Степень урбанизации Средней Азии возрастает. Резко увеличивается концентрация ремесла, развитие внутренней и внешней торговли. Впервые регистрируется собственная денежная эмиссия—уже при Селевкидах, а затем в Греко-Бактрии и Парфии, что само по себе недвусмысленно свидетельствует об углублении товарно-денежных отношений. Рост экономических функций городских поселений не снимает их значения как центров политической власти, военных поселений и т. д.

Как известно из эллинистических материалов, в тех случаях, когда поселению давалось наименование по имени одного из членов династии, оно, вероятно, получало права полиса⁸¹. Не исключено, что именно так обстояло и со среднеазиатскими «антиохиями». Что же касается статута других поселений—тут вообще сказать пока ничего нельзя.

Кюмон как-то сказал, что «эллинизм и иранство были инстинктивными и постоянными противниками»⁸², но если судить по Средней Азии, то эти «противники» в процессе совместной жизни смешивались и усваивали культурные, в частности градостроительные и архитектурные ценности. Дуализм явился лишь преддверием и началом синтеза.

⁷⁹ Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович, Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, в. II, Сталинабад, 1954, стр. 53—56, рис. 1—3; Б. А. Литвинский, Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе), КСИИМК, в. 64, М., 1956, стр. 68—72; Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер, Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад шах. КСИИМК, в. 64, 1956, стр. 77—84.

⁸⁰ Г. А. Пугаченкова, К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. Изв. АН Туркменской ССР, 1952, № 1; Г. А. Кошеленко, Парфянская фортификация. СА, 1963, № 2.

⁸¹ В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 143.

⁸² Цит. по W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, ed. II, Cambridge, 1951, стр. 32.

И последнее. В. Д. Блаватский отмечает, что в формировании государств Селевкидов и Птоломеев решающим фактором был количественный и качественный скачок в развитии урбанизма⁸³. И в Средней Азии города начинают аккумулировать такую экономическую мощь, что становятся важным компонентом государственного потенциала.

5. Среднеазиатско-эллинистическо-индийский синтез и наивысший подъем древнего среднеазиатского города (I в. до н. э.— III—IV вв. н. э.)

Собственно археологические данные о среднеазиатском городе в кушанскую и позднепарфянскую эпоху столь обильны, что их полное освещение, сопоставление и анализ могут явиться предметом специальной, большой по объему, публикации. В данной работе мы не имеем возможности даже конспективно изложить свои соображения по этой проблеме. Город как интегральная структура социально-экономической и культурной системы среднеазиатского общества этого периода; эллинистические и эллинистическо-римские традиции и элементы в городской жизни Средней Азии и Индии; Гипподамова система и среднеазиатское и индийское градостроительство; индийские архитектурно-строительные схемы и приемы в Средней Азии и среднеазиатские — в Индии; коммерческие, экономические и демографические связи Индии и Средней Азии; вероятность наличия в Средней Азии корпораций ремесленников, подобных индийским (что, на мой взгляд, вполне возможно); взаимосвязи среднеазиатского эллинистического, римского и индийского искусства — даже этот (далеко не полный) перечень показывает, сколь сложна и многогранна эта проблема. Но, несомненно одно: в I в. до н. э.— III—IV вв. н. э. на основе дальнейшего развития экономики происходит не просто подъем, но, буквально, качественный скачок в развитии городов и городской жизни.

Итак, начав с нуля, процесс урбанизации в Средней Азии одержал к кушанскому времени блистательную победу.

⁸³ В. Д. Блаватский, Античный город, в кн.: Античный город, М., 1963, стр. 16

И. В. ПЬЯНКОВ

ГОРОД СРЕДНЕЙ АЗИИ АХЕМЕНИДСКОГО ВРЕМЕНИ ПО ДАННЫМ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Настоящая работа является простой сводкой данных античных авторов по названной теме.

Первые достоверные и точно датирующиеся письменные сообщения о городах Средней Азии относятся к ахеменидскому времени; большинство этих сообщений принадлежит античным авторам. Но сведения античных авторов очень скудны и случайны. Эти сведения не дают возможности произвести детальный анализ жизни городов, скажем, их экономической структуры. Поэтому мы ограничимся следующей задачей: из отдельных, случайных сообщений, разбросанных по сочинениям античных авторов и собранных воедино по крупницам, восстановить — с возможно большей полнотой — общую картину среднеазиатского города ахеменидского времени (конечно, с учетом своеобразия отдельных областей).

Территория, о которой мы будем говорить: Бактриана, Согдиана, области хорасмиев и саков, — т. е. северная часть восточноиранского мира; Парфия и Гиркания не будут включены в наш обзор, так как они являлись, скорее, частью западноиранского мира (и в ахеменидское время, видимо, не простирались на территории, входящие ныне в состав Советского Союза). Время — период вхождения указанных областей в состав Ахеменидской державы или в сферу влияния ее, т. е. VI—IV вв. до н. э.

Источниками для нашего обзора послужат сведения античных авторов, — или современников Ахеменидской державы, или современников Александра Македонского; сведения последних мы будем учитывать лишь постольку, поскольку они отражают положение, существовавшее до походов Александра. Среди первых отметим: Гекатея Милетского (около 500 г. до н. э.), который заимствовал интересующие нас сведения, возможно, у Скилака Кариандского (конец VI в. до н. э.), Геродота (середина V в. до н. э.), сведения которого относятся к началу V в. до н. э., и Ктесия (около 400 г. до

н. э.), который пишет с мифической древности, но в действительности проектирует в эту древность современную ему обстановку. Среди вторых: Птолея Лагида—представителя «официальной», более достоверной традиции, Клитарха—основного представителя «романтической», менее достоверной традиции, Аристобула, сочетавшего ту и другую традиции. Сочинения этих авторов не дошли до нас, но указанные традиции отражены у более поздних писателей: первая—у Арриана и, в меньшей степени, у Курция, вторая—у Курция, Диодора и Трога; Аристобул представлен у Арриана и Страбона.

Античные авторы называют на указанной территории в указанное время и города (*πόλις*, *urbs*, *oppidum*), и села (*χώμη*, *vicus*, *ager*). Каким критерием пользовались они для различения города и села—не ясно. Скорее всего, они исходили просто из размеров населенного пункта: больший называли городом, меньший—селом. Поэтому мы будем учитывать известия о всех населенных пунктах.

Каковы же известия по каждой из указанных областей?

В *Бактриане* упомянуты только города. Отмечается, что там много „больших городов“ (*μεγάλαι πόλεις*)¹; в другом случае говорится о многих „неприступных укрепленных местах“, (*τόποι ἀπρόσιτοι διὰ τὴν ὄχρησσην*)², возможно, что в числе последних имеются в виду те же большие укрепленные города, молва о „бактрийских крепостях“ (*Βάκτρια τεῖχος*; *τεῖχος*—здесь, видимо, „пункт, обнесенный стеной“) вообще широко разошлась по Ахеменидской державе³. Всего более известен в этой области город Бактры (*Βάκτρα*, *Bactra*) или Зариасы (*Ζαρίασπα*, *Zariaspa*)⁴. Этот город наделяется эпитетами „самого выдающегося“ (*ἐπιφανεστάτη*)⁵, „самого большого“ (*μεγίστη*)⁶ города Бактрианы и даже, видимо, Согдианы. В другом месте „самыми большими городами“ (*μεγίσται πόλεις*) Бактрианы названы Бактры и Аорн (*Ἄορος*)⁷. Из других городов Бактрианы этого време-

¹ *Ctes.*, fr. 1 b, c. 6, 2, 4.

² *Ctes.*, fr. 1 b, c. 5, 3.

³ *Eurip.*, *Vacch.*, 13 = *Strab.*, 1, 2, 20.

⁴ О тождестве Бактр и Зариасп: *Strab.*, XI, II, 2; *Plin.*, *N. H.*, VI, 45, 48.

⁵ *Ctes.*, fr. 1 b, c. 6, 2.

⁶ *Arr.*, *Anab.*, IV, 1, 5; *Ctes.*, fr. 1 b, c. 6, 2.

⁷ *Arr.*, *Anab.*, III, 29, 1.

ни известны Драпсаки, или Дарапсы, Адрапсы (Δράψακα, Δάραψα, Ἄδραψα)⁸, и Кариаты (Καριάτα)⁹. О двух из этих городов, Бактрах и Аорне, сообщается, что они имели кремль (ἄκρα, ἀκρόπολις)¹⁰. Город (πόλις, urbs, oppidum)¹¹ Бактры—мощная крепость на Востоке Ахеменидской державы. Говорится о стенах (τείχη, moenia) этого города¹²; различаются „нижние стены“ (τὰ κάτω τείχη)¹³ и сильно укрепленный акрополь на высокой горе¹⁴. „Нижние стены“ окружали город со стороны равнины¹⁵, а акрополь располагался, видимо, близ гор (отроги Паропамиса), у подножья которых и находились Бактры¹⁶; путь к акрополю извне преграждало глубокое ущелье¹⁷. Имелись ли селения в ближайших окрестностях Бактр—не ясно, но их существование возможно, так как участники набегов могли поживиться богатой добычей под стенами Бактр, не входя в сам город¹⁸. Бактры орошались рекой, носящей то же название: Бактр, или Зариаспа¹⁹; согласно одним известиям, эта река протекала под стенами города²⁰, согласно другим—текла через (διὰρρεῖ) сам город²¹.

В Согдиане, в собственно согдийских областях (долина Политимета, Навтаки, Ксениппы), напротив, известны только села²², и лишь один город.

Город (πόλις, urbs, oppidum)²³—это Мараканды (Μαρά-

⁸ *Arr.*, *Anab.*, III, 29, 1; *Strab.*, XI, 11, 2; XV, 2, 10.

⁹ *Strab.*, XI, 11, 4.

¹⁰ *Ctes.*, fr. 1 b. c. 6, 2, 7—8; *Arr.*, *Anab.*, III, 29, 1.

¹¹ Последний термин применен у *Plin.*, *N. H.*, VI, 45, 48.

¹² *Curt.*, VII, 4, 31; *Strab.*, XI, 11, 3. Последний автор говорит неопределенно о „столице (метрополи) бактрийцев“.

¹³ *Ctes.*, fr. 1 b, c. 6, 7—8.

¹⁴ *Ctes.*, fr. 1 b. c. 6, 2, 7—8.

¹⁵ *Ctes.*, fr. 1 b. c. 6, 7.

¹⁶ *Curt.*, VII, 4, 31.

¹⁷ *Ctes.*, fr. 1 b, c. 6, 8.

¹⁸ *Arr.*, *Anab.*, IV, 16, 5.

¹⁹ *Plin.*, VI, 45, 48.

²⁰ *Curt.*, VII, 4, 31.

²¹ *Strab.*, XI, 11, 2.

²² В сообщении *Strab.*, IV, 16, 3 исследователи часто видят указание на города Согдианы, существовавшие до Александра. На самом деле здесь речь идет не о восстановлении старых городов, а о выведении военных колоний, ср. *Diod.*, XVII, prol. (2), 24; *Curt.*, VII, 10, 15.

²³ Последний термин употреблен, например, у *Plin.*, *N. H.*, VI, 49, причем в связи с названием Panda, которое восстанавливается как [Mara]canda.

κρυδα, Maracanda): он характеризуется как „очень красивый“ (pulcherrimum) и весьма укрепленный²⁴. Внешняя его стена (murus) имела в окружности 70 стадиев²⁵, а кремль (ἄκρα, arx)²⁶ был окружен другой стеной (τείχος, murus) с воротами (θύραι) и рвом (πέστρος)²⁷.

Видимо, последним пунктом обороны Мараканд была какая-то гора, расположенная в непосредственной близости от города²⁸. К Маракандам примыкали „ближайшие села“ (proximi vici)²⁹. Многие исследователи выражали сомнение в достоверности известий о длине внешних стен Мараканды, но возможно, что в источнике имеются в виду не собственно городские стены, а стены городской округи, включающей упомянутые „ближайшие села“; при таком предположении стало бы понятным сообщение о том, что Александр „разрушил (срыл)“ (κατασκηφάει) Мараканды³⁰, противоречащее другим данным: это сообщение относилось бы к срытию внешних стен и разрушению „ближайших сел“³¹. Местность Мараканд орошалась рекой Политимет³², непосредственно стены города „обтекала“ (circumfluit) какая-то безымянная река³³; возможно, что уже тогда близ Мараканд известна была река Даргаман³⁴.

Все остальные населенные пункты названы селами или укреплениями. Говорится о многих укреплениях (ἐρύματα) согдийцев в местности от Окса до Мараканд³⁵. Упоминаются и отдельно укрепления (ἐρύματα) в долине Политимета³⁶, которые в другом месте названы селами (agri)³⁷; сообщается, что все взрослое население этих сел-крепостей состав-

²⁴ Epit. rerum gestarum Alex., 7.

²⁵ Curt., VII, 6, 10, 24; Epit. rerum gestarum Alex., 7.

²⁶ Arr., Anab., IV, 5, 2—3; 6, 3; 8, 9; Curt., VII, 6, 10.

²⁷ Arr., Anab., IV, 8, 9. Curt., VII, 6, 10.

²⁸ Ср. Plut., De Alex. fort. sive virt., I, 2; II, 9 и Arr., Anab., III 30, 10—11; Curt., VII, 6, 1—9.

²⁹ Curt., VII, 6, 10.

³⁰ Strab., XI, 11, 4.

³¹ Curt., VII, 6, 10.

³² Ср. Arr., Anab., IV, 5, 3—6, 5; Curt., VII, 9, 20—10, 3.

³³ Epit. rerum gestarum Alex., 7.

³⁴ Ptol., Geogr., VI, 11, 2, 4; Amm. Marc., XXIII, 6, 57.

³⁵ Arr., Anab., IV, 15, 7; 13, 3.

³⁶ Arr., Anab., IV, 6, 5.

³⁷ Curt., VII, 9, 22.

ляло 120.000³⁸, — цифра, может быть, как-то связанная с количеством сел. Упоминаются также многочисленные, густо расположенные села (vici) в Ксениппах³⁹, и село (χώρη) в Навтаках⁴⁰. Описание последнего дает несколько более конкретное представление о селе-крепости: это небольшое поселение, обведенное стеной (τείχος) с воротами (πόλις).

В местности около Танаиса (Яксарта) снова упоминаются города (πόλεις, urbes), числом 7⁴¹ (3? — согласно другому источнику)⁴². „Самый большой“ (μεγίστη)⁴³ из них — Кирополь (Κυρούπολις, Kugopolis), или Киресхата (Κυρέσχατα, Cyreschata). Из других городов известно название лишь одного — Газа (Γάζα)⁴⁴. Города были окружены стенами (τείχη, moenia)⁴⁵; стены — не очень высокие (более высокая лишь в Кирополе)⁴⁶, глинобитные („земляные“) (γῆϊνοι)⁴⁷. В Кирополе внутри стен, перед городскими воротами (πόλις), имелась площадь (ἀγορά)⁴⁸, был в Кирополе и кремль (ἄκρη), причем довольно обширный, так как в нем могли поместиться 15.000 воинов⁴⁹. Через Кирополь протекала река, не названная в источнике; текла она в город прямо под городскими стенами, летом же пересыхала, так что между ее сухим руслом и стеной оказывалось отверстие⁵⁰.

В Бактриане и Согдиане были и такие пункты, которые, видимо, не имели постоянного населения: это пограничные крепости и «скалы».

На границе земледельческих областей с пустыней воздвигались крепости, которые, видимо, служили сторожевыми пунктами, охранявшими эти области от набегов со стороны кочевников пустыни. Таково „укрепленное место“ (χωρίον ὄχυρον) Баги (Βαγία) в Согдиане, на границе со скифами-мас-

³⁸ Ср. *Diod.*, XVII, prol. (2), 23 и *Curt.*, VII, 9, 22.

³⁹ *Curt.*, VIII., 2, 14.

⁴⁰ *Arr.*, *Anab.*, III, 30, 1—2.

⁴¹ *Arr.*, *Anab.*, IV, 2, 1.

⁴² *Iust.*, XII, 5, 12, ср. *Curt.*, VII, 6, 16 — 23.

⁴³ *Arr.*, *Anab.*, IV, 2, 2, 3, 1.

⁴⁴ *Arr.*, *Anab.*, IV, 2, 1, 3.

⁴⁵ *Arr.*, *Anab.*, IV, 2, 3; 3, 1—2, 4; *Curt.*, VII, 6, 18, 23.

⁴⁶ *Arr.*, *Anab.*, IV, 2, 3; 3, 1.

⁴⁷ *Arr.*, *Anab.*, IV, 2, 3.

⁴⁸ *Arr.*, *Anab.*, IV, 3, 3.

⁴⁹ *Arr.*, *Anab.*, IV, 3, 4.

⁵⁰ *Arr.*, *Anab.*, IV, 3, 2.

сагетами⁵¹. Таков же безымянный форт (ὑπόφυρον) в Бактриане, на пути из земли скифов-массагетов в Бактрию⁵².

В горных областях между Бактрианой и Согдианой имелись неприступные горные убежища, „скалы“ (πέτραι), куда скрывалось во время опасности окрестное население, прежде всего знать. Таковы Согдийская скала (ἡ ἐν τῇ Σογδιανῇ πέτρα), или скала Аримаза (Ἀριμαζῶν ἡ πέτρα), и скала Хорнена (Χορηνῶν ἡ πέτρα), или Сиссимифра (Σισσιμίφρων ἡ πέτρα), последняя в области паретаков. „Скалы“ описываются как крутые и неприступные возвышенности, иногда опоясанные еще рекой или ущельем. Размеры первой скалы определяются так: высота — 30 стадиев, окружность — 150 стадиев⁵³; размеры второй: высота — 20 стадиев, окружность — 60 стадиев⁵⁴; или, соответственно, 15 и 80 стадиев⁵⁵. Из сооружений, сделанных человеческой рукой, упоминаются только какие-то укрепления (munimenta) на подступах к скале⁵⁶ и подземный ход (cuniculus iter), ведущий через скалу к полям⁵⁷. О каких-либо сооружениях на вершинах скал ничего не говорится, лишь замечено относительно одной из скал, что вершина ее плоская и покрыта плодородной землей, способной прокормить 500 человек⁵⁸.

В области *хорасмиев* известен город (πόλις) Хорасмия (Χορασμίη): „у них [хорасмиев]—город Хорасмия⁵⁹“. Судя по контексту, это единственный город в упомянутой области.

Саки обычно предстают у античных авторов как кочевой скотоводческий народ, у которого отсутствуют города. Тем не менее, в некоторых источниках фигурируют «немалые города» (πόλεις ὡς ἄλλοιαι) саков⁶⁰, и в их числе Роксанака (Ῥωξανάκη)⁶¹ и Фастея (Φασταία)⁶².

Насколько повлияли на городскую жизнь Средней Азии греки уже в ахеменидский период—трудно сказать (если ос-

⁵¹ *Arr.*, *Anab.*, IV, 17, 4.

⁵² *Arr.*, *Anab.*, IV, 16, 4—5.

⁵³ *Curt.*, VII, 11, 2; *Strab.*, XI, 11, 4.

⁵⁴ *Arr.*, *Anab.*, IV, 21, 2.

⁵⁵ *Strab.*, XI, 11, 4.

⁵⁶ *Curt.*, VIII, 2, 20, 22.

⁵⁷ *Curt.*, VIII, 2, 20—21.

⁵⁸ *Strab.*, XI, 11, 4.

⁵⁹ *Hec.*, fr. 293.

⁶⁰ *Ctes.*, fr. 5, c. 34, 4.

⁶¹ *Nic. Dam.*, fr. 5; *Steph. Byz.*, s. v. Ῥωξονακία.

⁶² *Steph. Byz.* s. v. Φασταία.

новываться только на письменных источниках). Но то, что греки находились в немалом количестве в Средней Азии того времени—вполне возможно. Причиной этого, видимо, была в основном политика переселений, проводимая Ахеменидами: они часто перемещали своих подданных с одного конца державы в другой. Так, уже в начале V в. до н. э. персы угрожали восставшим ионийцам, что переселят их дочерей в Бактры⁶³. При Дарии I часть жителей греческого города Барка в Ливии была обращена в рабство и поселена в Бактриане, в деревне (χωρία), названной также Баркой (Βάρκη) и существовавшей, во всяком случае, еще во 2-й половине V в. до н. э.⁶⁴ Жреческий род Бранхидов из Милета при Ксерксе I добровольно переселился в Согдиану и основал здесь город (ἄστυ, oppidum). Он существовал еще при Александре. Это был город небольшой (parvulum oppidum), имевший «священные рощи» (nemora et luci sacri) и окруженный стенами (moenia, muri); жители его не забыли обычаи предков, но были уже двуязычны⁶⁵.

Каковы же функции тех поселений, которые в источниках названы городами?

Можно предполагать, что некоторые из этих поселений еще сохраняли свое древнейшее назначение—быть племенными центрами, укрепленными пунктами, за стенами которых укрывалось во время опасности окрестное население (город—refugium). Таковы города близ Танаиса (Яксарта). Так, город Кирополь, видимо, был центром племени (gens) мамакенов⁶⁶, а все семь городов служили убежищем для жителей окрестностей во время нашествия иноземцев⁶⁷. Возможно, таким же племенным центром была Хорасмия,—единственный город хорасмиев и одноименный с ними. В еще большей степени это, видимо, должно относиться к «городам» саков, но о них, к сожалению, в источниках более ничего не говорится.

Более отчетливо рисуют источники роль городов как административных центров. Два города—Бактры в Бактриане и Мараканды в Согдиане,—названы «царскими» (βασιλεία, regia, также «царский дворец, сокровищница»)⁶⁸. Подобные

⁶³ Her., VI, 9.

⁶⁴ Her., IV, 204.

⁶⁵ Curt., VII, 5, 28 -- 35; Strab., XI, 11, 4; Diod., XVII, prof. (2), 20.

⁶⁶ Curt., VII, 6, 17. «Город мамакенов», по-видимому, тождествен Кирополю.

⁶⁷ Arr., Anab., IV, 2, 1.

⁶⁸ Ctes., fr. I b, с. 6, 2; Arr., Anab., III, 30, 6; Itin. Alex., 79. Предположение о втором «царском городе» Согдианы на основании сообщения Arr., Anab., IV, 5, 3 нельзя признать удачным. Текст Арриана в указанном месте, несомненно, испорчен; в настоящее время слово βασιλεία там исправляют на Βάσις или βόρεια.

путешествия с торговыми целями; так, упоминается мелкий же «царские города» были и в ближайших к Бактриане и Согдиане областях: Гиркании, Арее, Дрангиане⁶⁹. По-видимому, «царским городом» считался главный город каждого из «народов» (ἔθνη), входивших в державу Ахеменидов; такой город являлся номинальной резиденцией царя, превращаясь в его действительную резиденцию во время царских объездов страны. Очевидно, неперменной принадлежностью этих городов являлся царский дворец; так, в «царском городе» Гиркании прямо упоминается «дворец Дария» (regia Dagei)⁷⁰. Имелись и другие черты, отличавшие «царские города»; так, в окрестностях Мараканд, в области Басиста, был устроен «парадиз» (παράδεισος) — парк для царской охоты, обнесенный оградой с башнями, который ко времени Александра сохранялся для царя на протяжении четырех поколений⁷¹.

Бактры были резиденцией ахеменидского сатрапа и наместника⁷², как правило, из царского рода; ему подчинялась не только Бактриана, но, временами, Согдиана и другие соседние области. Здесь же собирались на сходки (ἐβόλογοι) более мелкие правители (ὑπαρχοί) этих областей⁷³. В Бактрах хранились «сокровища» (θησαυροί), состоявшие из «большого количества серебра и золота» (πολὸς ἄργυρος τε καὶ χρυσός)⁷⁴, видимо, часть царской казны, пополняемой данью с окрестных земель; подобные царские сокровищницы имелись и в других центрах Ахеменидской державы, — в Персеполе и Пасаргадах, Сузах, Экбатанах, Вавилоне, Дамаске, Сардах. Бактры, видимо, были и пунктом сбора войск для походов в соседние страны; описывается, как во время подготовки похода в Индию, длившейся три года, в Бактры стекались воины со всем необходимым снаряжением из всех сатрапий, собирались кораблестроители из Финикии, Сирии, Кипра и других приморских областей, чтобы строить «разборные суда», грузились караваны верблюдов и т. д.⁷⁵. Бактры были также одним из центров официального ахеменидского культа; при Артаксерксе II в Бактрах, как и в Персеполе, Сузах, Экбатанах, Вавилоне, Дамаске и Сардах, была воздвигнута статуя Анаитиды⁷⁶. Бактры были соединены с

⁶⁹ *Arr., Anab.*, III, 26, 1, 5, 8.

⁷⁰ *Curt.*, VI, 5, 22.

⁷¹ *Curt.*, VIII, 1, 10—19; *Diod.*, XVII, prol. (2), 26; *Arr., Anab.*, IV, 6, 1.

⁷² *Her.*, IX, 113. *Ctes.*, fr. 14, § 35.

⁷³ *Arr., Anab.*, IV, 1, 5.

⁷⁴ *Ctes.*, fr. 1b, c. 7, 1.

⁷⁵ *Ctes.*, fr. 1b, c. 16, 1, 5—10; 17, 1—2; ср. *Diod.*, XIV, 20, 4—5.

⁷⁶ *Beros.*, fr. 11.

другими центрами Ахеменидской державы «царской дорогой», тянувшейся «от Эфеса до Бактр и Индии», с ответвлением на Сузы; на всем протяжении дороги, через определенное количество парасангов, были устроены стоянки со специально оборудованными жилыми помещениями⁷⁷.

О городах как центрах ремесла и торговли наши источники, видимо, в силу самой их специфики, не сообщают почти ничего. Об этой роли городов можно судить лишь косвенно. Так, можно предполагать, что структура, присущая развитым средневековым городам Средней Азии, торгово-ремесленным центрам: кремль (арк), собственно город (шахристан), пригород (рабад), — прослеживается в Бактрах и Маракандах уже ахеменидского времени (если правильны высказанные выше предположения о существовании пригородов в Бактрах и Маракандах).

Очень мало говорят наши источники о торговых путях Средней Азии того времени. Знаменитый «шелковый путь», который проходил, в частности, через Бактры и горную страну саков, где к нему присоединялась ветвь из Согдианы, — в рассматриваемое время еще не существовал (сообщения о нем относятся к I в. н. э.)⁷⁸; правда, он частично шел по тем же местам, что и «царская дорога» (до Бактр), но последняя имела в основном административное значение, а в какой мере она была торговым путем — трудно сказать. Сообщения о торговом пути из Индии по реке Бактр, — следовательно, через город Бактры, — и затем по реке Окс к Каспийскому морю, а оттуда по рекам Кир и Фасис к Понту Эвксинскому, — очень темны и сомнительны⁷⁹. Возможно, что в рассматриваемое время уже существовал торговый путь, пролежавший к северу от Каспийского моря и позже соединявший Индию и страны Закавказья, а через них — и Вавилонию, причем посредниками между ними выступали аорсы, которые вели караванную торговлю на верблюдах⁸⁰. Но следы описания древнейшего варианта этого пути очень скудны и неясны; по ним можно лишь заключить с некоторой долей вероятности, что путь вел от греческих городов Северного Причерноморья через низовья Аракса (в данном случае — Волги), куда-то в землю массагетов⁸¹; в каком отношении к этому торговому пути находились города Средней Азии — сказать ничего нельзя. Тем не менее, жители Средней Азии занимались торговлей и, видимо, предпринимали далекие

⁷⁷ *Ctes.*, fr. 33, § 76; *Her.*, V, 52—54; ср. *Baeton*, fr. 2a.

⁷⁸ *Ptol.*, *Geogr.*, I, 12, 7; VI, 13, 1—2.

⁷⁹ *Strab.*, II, I, 15; XI, 7, 3; *Plin.*, N. H., VI., 52.

⁸⁰ *Strab.*, XI, 5, 8.

⁸¹ *Her.*, I, 201—202.

путешествия с торговыми целями; так, упоминается мелкий торговец (*κάπηλος*)—бактриец, которому принадлежало несколько сотен самоцветов (*σφραγίδες*) и драгоценных камней (*τίμωι λίθοι*)⁸²; автор данного сообщения, судя по всему, встретил его в Сузах или какой-либо другой из столиц Ахеменидов.

⁸² *Ctes.*, fr. 45, § 6.

И. Д. АМУСИН

ДЕНЕЖНО-ВЕСОВАЯ СИСТЕМА ОБРАЩЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ПАЛЕСТИНЕ В 1-й ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.*

Наиболее ранней известной нам монетой на территории древней Палестины является недавно найденная аттическая тетрадрахма, датируемая временем Писистрата — серединой VI в. до н. э.¹ До появления чекана монеты, в обращении (торговля, оплата за услуги и т. д.) были металлы—серебро и золото определенного веса. Сведений о медных деньгах в источниках для 1-й половины I тыс. до н. э. нет.

Источниками для изучения весовой системы и денежного обращения в Палестине этого периода являются: а) археологические материалы, в основном гири из камня и бронзы²; б) случайные сведения, сохранившиеся в библейской (ветхозаветной) литературе, у Флавия и в Талмуде.

В Ветхом Завете насчитывается 367 упоминаний серебра и 347 упоминаний золота. В 82 случаях золото упоминается вместе с серебром, но из них 24 раза золото—на первом месте. Речь здесь идет главным образом о сосудах, сокровищах,

* Приношу глубокую благодарность А. А. Вайману, М. Л. Гельцеру, М. А. Дандамаеву, И. М. Дьяконову, Е. В. Займелю, Б. А. Литвинскому, А. Г. Лундину и Х. А. Мушегяну за ценные указания.

¹ См. *J. Meshorer*, An Attic Archaic Coin from Jerusalem, „Atiqot“, vol. III, 1961, стр. 185.

² Последними, известными мне, тщательными сводками всего относящегося сюда материала и литературы вопроса являются статьи: *E. Stern*, Middot umišqalot, „Encyclopaedia Biblica“, (в дальнейшем—ЕВ), vol. IV, Hierosolymis, 1962, стр. 846—878 (иврит); *M. Avi-Jona—J. Liver*, Maṭbe'a, ibidem, стр. 816—825. См. также, *Y. Yadin*, Ancient Judaeon Weights and the Date of the Samaria Ostraca, „Scripta Hierosolymitana“, vol. IV, Yerusalem, 1961, стр. 9—25; *J. Naveh*, More Hebrew Inscriptions from Mešad Hashavyahu, IEJ, vol. 12, 1962, № 1, стр. 27—32.

украшениях и архитектурных деталях храма. Характерно, что когда говорится о составе богатства (деньги, драгоценности, скот, рабы, одежда), серебро помещается в перечне на первом, а золото—на втором месте. Золото обычно упоминается при перечислении многих десятков названий архитектурных деталей скинии и храма, их золотой отделки, украшений и т. д. Только в единичных случаях золото выступает в функции денежной единицы—сикля (ср. Быт. 24, 22; Судьи 8,26; II Ц, 5, 5; Хр. 21, 25). В расчетах при купле-продаже и оказании различных услуг в повседневной жизни золото почти не фигурирует. В книгах Хроник и Царей упоминаются золотые таланты, в большом количестве шедшие на отделку и украшение храма. Золотые таланты, несколько раз упомянутые и в других книгах ВЗ, имеют только весовое значение и также касаются золотых изделий, например царской короны (II Сам. 12,30) и золотого светильника в Скинии (Исх. 25,39; 37,24). Золотые дарки (*darkēmōnīm*, 'ādar-kōnīm) появляются лишь в книгах Эзры и Нехемии (после введения персами чекана монеты).

Как это было обычно на Древнем Востоке, основную монетарную и социально-экономическую функцию выполняло серебро. Слово серебро (*ksp*) в ВЗ означает: металл; деньги вообще; серебряный сикль—в частности; цена и стоимость; богатство. По понятным причинам в ВЗ сохранились весьма скудные отрывочные и случайные сведения о денежном обращении. Тем не менее, ввиду почти полного отсутствия документального материала, эти разрозненные сведения являются нашим основным источником.

Месторождения серебра в Палестине были редки. Основным источником привозного серебра была Малая Азия. Серебро привозили также из Испании—Таршиша (Иер. 10,9)³. Золото ввозилось главным образом из Офира (I Хр. 29,4), который даже дал свое название золоту (ср. Иов. 22,24). Металлургический процесс плавки серебряной руды, по-видимому, был хорошо освоен, о чем свидетельствует сохранившаяся в Библии терминология. Так, Иезекииль прибегает к образу горнила, в котором плавится серебро (22,22) и другие металлы (22,20). Малахи говорит о плавильщике, который переплавляет и очищает серебро (3,3). Встречаются такие термины: «серебро переплавленное» и «серебро очи-

³ Согласно Иеремии, из Таршиша привозилось «чеканное серебро» (*kesep mēruqqā'*; LXX: ἀργύριον προσβλητόν).

щенное» (*kesep šārūp ūmēzuqqāq*; Пс. 12,8; I Хр. 29,4) и «семикратно очищенное» (Пс. 12,8); «серебро чистое» (*kesep nāqī*; Иов 27,17) и «серебро отборное» (*kesep nibhār*; Притчи 8,19). Для неочищенного серебра существует термин *kesep sigim* (Ис. 1,22; Иез. 22,18; Притчи 26,23; в Притчах 25, 4 говорится: «отдели примесь от серебра» — *hāgō sigim mikkāsep*) и *kesep nim'ās* — «отверженное серебро» (Иер. 6,30). Иеремия описывает неудачную плавку серебра из руды, когда примеси не отделились (Иер. 6,29—30). Плавленное серебро отливало в слитки, которые назывались *gaš* (ср. Пс. 68,31: *gaššē kesep*). Точно так же различалось «чистое золото» (*hārūš, ketem* и *pāz*; Притчи 3,14; 25,12; 8,19) и «наилучшее золото», которое называлось — *ségōr*; *zāhāb sāgūr* — «закрытое золото» (Иов 28,15); ср. аккад. *saggu* — такое, которое не имеет никаких изъянов на поверхности, гладкое⁴. Для золотых слитков существовал особый термин — «язык» — *lašōn*, напоминавший по своей форме язык ягненка (ср. Ис. Навин 7,21: *lešōn zāhāb*). Один из таких «языков» был найден во время раскопок в Иерихоне.

Установить точное соотношение стоимости золота и серебра представляется пока трудным и ненадежным делом⁵. Несомненно, указание автора 1-й кн. Царей, что во времена Соломона «серебро ценилось ни во что» (10,21), является сильнейшим преувеличением, навеянным, очевидно, описанием огромного количества золота, пошедшего на сооружение храма и украшение лесного дома Соломона на Ливане. По имеющимся в ВЗ данным можно заключить, что в течение первой половины I тысячелетия, до введения персами золотой чеканной монеты, серебро оставалось основой денежно-весовой системы.

По данным ВЗ денежно-весовая система в Палестине состояла из следующих единиц: *талант, мина, сикль, бека, гера, пим, кесита*. Названия мина, сикль и гера заимствованы из вавилонской денежной системы. Однако, как мы в этом убедимся, палестинская система восходит не непосред-

⁴ Отсутствие места и недостаточная компетентность не позволяют мне подробнее остановиться на технологических деталях вопроса, в частности на методе купеляции. Приношу сердечную признательность Б. А. Литвинскому за ряд его ценных разъяснений и указание важнейшей литературы вопроса.

⁵ Как указал мне М. А. Дандамаев, в нововавилонское и ахеменидское время соотношение стоимости серебра и золота равнялось 1:13,3.

ственно к вавилонской, а к древнеханаанской традиции, которая прослеживается и в Угарите.

Рассмотрим отдельные элементы этой системы в их соотношении.

Талант (kikkār; ср. угар. = алалах. kakkaru(m); шумер. GU (-UN); аккад. biltu) — наибольшая весовая единица. В отличие от аккадской системы, где талант состоит из 3600 сиклей, библейский талант равен 3000 сиклям. Это выясняется из одного места кн. Исхода (38, 25—26). Здесь сообщается, что 603.550 человек внесли единовременный взнос на нужды скинии в размере половины сикля с каждого. Весь взнос составил, таким образом, 301.775 сиклей или 100 талантов и 1775 сиклей. Отсюда следует, что один талант равен 3000 сиклям. Как показал Ф. Тюро-Данжен на основании одной таблички из Рас-Шамры, один угаритский талант равнялся 3000 сиклям (вместо 3600 в шумеро-вавилонской системе)⁶.

Мина (māne; ср. шумер. MA-NA, аккад. mānū, угар. mn) — вторая по величине весовая единица, равная 50 сиклям, следовательно, 60 мин. составляют один талант. В ВЗ серебряная мина встречается только в поздних книгах (Иез. 45, 12; Эзра 2, 69; Нехемия 7, 71—72), а золотая мина — только один раз в дополненной литературе (I Ц. 10, 17), где мина составляет вес золотого щита. В названных местах нет никаких указаний на соотношение мины и сикля. Однако из некоторых данных можно заключить, что 50 сиклей были единицей исчисления. Во Втор. 22, 19 штраф за навет на девицу устанавливается в размере 100 сиклей; в той же главе, стихе 29, устанавливается возмещение отцу за сожительство с его дочерью-девицей в размере 50 сиклей. Трудную задачу до сих пор представляет место из Иезек. 45, 12 («В сикле двадцать гер, а двадцать сиклей, двадцать пять сиклей и пятнадцать сиклей будут составлять у вас мину»), согласно которому получается, что мину составляют: 20+25+15 сиклей = 60 сиклей. Текст здесь явно не в порядке, о чем свидетельствуют непонятный перечень слагаемых⁷, а также две неясные

⁶ F. Thureau-Dangin, Un comptoir de laine pourpre à Ugarit d'après une tablette de Ras-Shamra, «Syria», т. XV, 1934, стр. 141. В документе дается перечень 6600 сиклей и затем в стк. 32' подводится итог: «2 biltu 6 me-at», т. е. «2 таланта 600 (сиклей)». Отсюда следует, что талант равен 3000 сиклям.

⁷ Цифры «двадцать» и «пятнадцать» могли бы быть соответственно третьей и четвертой мины, равной 60 сиклям. (Ср. Targūm Jōnatan: ... tlwt mny'... rb'wt mny'...). Но двадцать пять сиклей могут быть только половиной мины, равной 50 сиклям.

версии греческого перевода (по которым, впрочем, можно предположить, что 50 сиклей—*πεντήκοντα*—самостоятельная денежная единица). Возможно, правы те, кто полагает, что Иезекииль, живший в Вавилонии, сбился на вавилонское исчисление⁸. Как уже было отмечено, согласно Тюрю-Данжену, угаритская мина также равнялась 50 сиклям⁹.

Сикль (šeqel; аккад. šīqlu; шумер. GĪN; угар. ṯql) — основная денежно-весовая единица. О реальном весовом эквиваленте сикля в граммах будет сказано ниже. Сейчас отметим, что по библейским данным различаются, по крайней мере, три типа сиклей: 1) сикль, имеющий хождение среди купцов или 'ōbēr lassōḥēr (ср. аккадскую тамкаровскую мину: ina maṣē ša tamkāri), то есть полноценный, признанный купцами сикль (ср. LXX: δοκίμου ἐμπόρου). Согласно Быт. 23,16, Авраам отвесил Эфрону за купленный у него участок Махпелы „400 сиклей серебра—'ōbēr lassōḥēr“¹⁰; 2) сикли царского веса; когда красавец Авессалом состриг свою шевелюру, оказалось, что она весит „двести сиклей по царскому камню“ (bē'eben hammelek; II Сам. 14,26; LXX: διακοσίου σίχλου ἐν τῷ σίχλῳ τῷ βασιλικῷ); соотношение купеческого и царского сикля мне пока не известно; 3) сикль священный (šeqel haqqōdeš); согласно Исх. 30,13, все израильтяне должны были внести „приношение Иахве“ в размере „половины сикля в сикле священном“. По ряду данных священный сикль был большего веса¹¹.

Бека (beqa'). Упоминание этой денежной единицы в ВЗ встречается дважды: 1) Быт. 24,22; среди подарков, которыми раб — посланец Авраама одаривал Ревекку, было носовое кольцо или серьги весом в беку (nezem zāhāb beqa' mišqālō); из другого места, Исх. 38,26 выясняется вес: „Бека с головы, то есть половина сикля“ (beqa' lag-gulgōleṯ maḥasiṯ haššeqel—LXX 39,3: δραχμὴ μία τῆ κεφαλῆ τοῦ ἱμῆσμου τοῦ σίχλου). В ВЗ сохранились также указания на на-

⁸ Stern, op. cit., стр. 863—864.

⁹ Как указал мне М. Л. Гельцер, в недавно найденной метрологической табличке из Угарита мина равна 60 сиклям. См. *J. Nougayrol, Textes suméro-accadiens des Archives privées d'Ugarit, „Ugaritica“, V, Paris, 1968, стр. 251—257 и 425—431*. Возможно, что в Угарите сосуществовали различные метрологические системы, и это нашло отражение в справочной таблице расчетов.

¹⁰ Встречающееся в II Ц. 12,5 выражение: kesep 'ōbēr (без прибавления: lassōḥēr) характеризуется Каутшем как лишенное смысла. См. *E. Kautzsch, Die Heilige Schrift des Alten Testaments, Leipzig, 1896, стр. 405 и Bellagen, стр. 30*.

¹¹ См. *J. Liver, Maḥasiṯ haššeqel, EB, IV, 1962, стр. 808—811*.

ходившиеся в обращении $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$ сикля, причем они так и назывались: «четверть сикля серебра» (I Сам. 9,8: *geba' šeqel káser*; ср. аккад. *rebūtu*) и «треть сикля» (Hex. 10,33: *šēlišit haššeqel*; ср. аккад. *šaluštu*).

Гера (*gērā* ср. аккад. *girū*; как предполагают, вес бобов рожкового дерева—*Ceratonia siliqua*). Согласно Исх. 30,13 и Иезек. 45,12, гера= $\frac{1}{20}$ сикля—«двадцать гер в сикле»). Между тем как известно, аккад. *girū*:= $\frac{1}{24}$ сикля. Следовательно, соотношение палестинской и аккадской геры—20:24, то есть—5:6, равно соотношению палестинского и аккадского талантов—3000:3600, что также указывает на принадлежность палестинской денежно-весовой системы к ханаанской традиции.

Пим (*pīm*). Название это еврейской этимологии не имеет. Единственное место в ВЗ, в котором это название встречается (I Сам. 13,21), не дает ясного смысла. Согласно Спейзеру, название *pīm* происходит от шумер. *ŠANABI*, аккад. *šipri* со значением $\frac{1}{6}$ сикля¹². Найдено восемь гирь с надписью «пим», средний вес которых составляет 7,8 грамма, что в известной мере подкрепляет гипотезу Спейзера.

Кесита (*qēšīta*) —архаическая денежно-весовая единица, по-видимому сосуществовавшая с сиклем, соотношение с которым определить пока невозможно. В ВЗ встречается три раза. Согласно Быт. 33,19=Иисус Навин 24,32, Иаков купил у Эммора, отца Сихемова, участок поля за 100 кесит. Согласно кн. Иова 42,11, каждый из посетителей давал Иову по одной кесите¹³.

Говоря об архаических денежно-весовых единицах, следует отметить также золотые и серебряные изделия, имевшие строго фиксированный вес. Так, упомянутый посланец Авраама одаривает Ревекку, будущую жену Исаака, носовой серьгой (*pezet zāhāb*) весом в беку, т. е. в полсикля, и двумя золотыми запястьями (*šēmīdīm*) весом в десять золотых сиклей (Быт. 24,22).

¹² Ср. *Stern*, op. cit. стр. 871.

¹³ Во всех этих трех случаях Септуагинта передает слово «кесита» через *ἀρνός*—ягненок. Таргум передает это слово через *hūgrā*—овца, ягненок и вообще скот. Возможно, что мы здесь имеем аналогию с возникновением понятия *pecunia* от *pecus*. В *Gen. Rabba* 79 приводятся три версии для объяснения слова кесита: унция ('*wnqy'*), ягнята (*t'l'ym*) и монеты (*sl'ym*). Ср. *J. Levy, Chaldäisches Wörterbuch über die Targumim und einen grossen Theil des Rabbinischen Schriftthums*, Leipzig, 1866, I, 284 s. v. *hwrp'* II.

Кроме семи названных, в БЗ встречаются еще два наименования денежных единиц.

Агора ('āgōra) — встречается только один раз (I Сам. 2.36) в следующем контексте. «Божий человек» предсказывает состарившемуся священнику Эли (у которого уже был в услужении молодой Самуил) гибель его дома и переход священства в руки нового «священника верного» (2, 27 — 35). И тут, в стихе 36-м, мы читаем (привожу в переводе Венского издания): «И будет, всякий оставшийся из дома твоего, придет и станет кланяться ему из-за *мелкой серебряной монеты* и хлебного карава (la'āgōraṯ kesep wēkikkār laḥem), и скажет: причисли меня, пожалуйста, к какой-нибудь священнической должности, чтобы кормиться куском хлеба». Принятое в этом русском переводе выражение «из-за мелкой серебряной монеты» (ср. переводы на другие европейские языки, например Лютер: «um einen silbernen Pfennig»; Kautzsch: «um ein Geldstück»; Англ.: for a piece of silver) опирается на перевод Септуагинты: προσκυνεῖ τῷ ἄθλῳ ἀργυρίου и Вульгаты: pumtus argenteus (resp. pro pumtulo). В синодальном переводе принята другая передача: «из-за *геры серебра*». Этот перевод восходит к толкованию Раши и других средневековых еврейских комментаторов, которые отождествляли агору с герой, то есть, $\frac{1}{20}$ сикля. В свою очередь, это толкование опирается на тот факт, что в таргумах как гера, так и агора (впрочем, как и кесита) переданы одним и тем же словом tē'a', значение которого весьма неясное, по-видимому, просто монета¹⁴. В литературе выдвинуто предположение, указанное уже в словаре Гезениуса¹⁵, что «агора» восходит к корню 'gr, который в аккадском (agaru), арамейском и арабском языках означает «нанимать» на поденную работу. Если можно было бы согласиться с этим интересным предположением, то серебряная агора оказалась бы монетой, достаточной для минимальной оплаты поденщика за день работы. В пользу этого говорит и контекст рассмотренного места.

Наконец, знаменитая и загадочная *parsin* resp. pēgēs из «надписи» Бельшацара-Валтасара: «мене, мене, текел уфарсин» (Дан. 5,25—28). До сих пор продолжают споры и обсуждения этих слов, написанных загадочной рукой на стене пиршественного зала вавилонского царя. По-видимому,

¹⁴ Ср. J. Levy, Chaldäisches Wörterbuch über die Targumim, B II, Leipzig, 1867, стр. 55 (s. v. m'').

¹⁵ W. Gesenius, Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament, Aufl. 1^a, Leipzig, 1905, s. v. 'āgōra и o'gr II.

наибольшим распространением по-прежнему пользуется мнение Клермон-Ганно: *парсин* = $1/2$ мины¹⁶.

Таковы были, по сохранившимся в Библии данным, денежно-весовые единицы, бывшие в обращении в Палестине 1-й половины I тыс. до н. э. Теперь остановимся на вопросе об их реальном весовом эквиваленте. Возможно, что Палестина также знала эмбриональную монетарную систему. В пользу этого говорит ремарка слуги Саула: «вот есть у меня четверть серебряного сикля; я отдам человеку божьему, и он укажет нам путь наш» (I Сам. 9,8). Интересно также выражение «серебро сосчитанное» (*kesep ha-mētukkân*; LXX: ἀργύριον τὸ ἐτσιμζαμένον), которым, согласно II Ц 12,11—13, расплачивались с работниками, занятыми на сооружении храма: «И когда они увидели, что много серебра в ящике, пришел царский писец и первосвященник, сложили серебро в мешки и сосчитали серебро, находившееся в доме Иахве. И отдали *серебро сосчитанное* в руки производителей работ, назначенным в дом Иахве, а те раздавали его плотникам и строителям, создававшим дом Иахве, каменщикам, каменотесам и т. д.». Судя по I Хр. 28, 14—18, на золотых слитках и золотых и серебряных сосудах ставились весовые клейма. Однако, по видимому, основным методом расчетов было взвешивание серебра, даже клейменного, с помощью весов и гирь. Подобно аккадскому глаголу *šaqaḷu*, еврейский глагол *šql* также означал и «взвешивать» и «платить» (ср. Иер. 32,10 и 39,9), что было, в сущности, двумя последовательными этапами одного и того же акта расчета.

Для весов в ВЗ существуют два термина: 1) *qāpē* (ассир. *qanū*; греч. ἡ χύνη) — тростниковый безмен или коромысло (ср. Из. 46,6: «и вешают на весах серебро»); 2) *mō'znayīm* — чаши весов (ср: *mō'znē mišqāl* — весы взвешивания или просто «весы» — Ez. 5,1). У Иеремии сохранилось описание порядка оформления сделки по купле-продаже поля: «И купил я поле у Ханамэля, сына дяди моего, которое в Анатоте, и отвесил ему (*wā'ešqāla lō*; возможно, здесь — уплатил ему) семнадцать сиклей серебра. И написал я документ (*wā'ektōb bassēper*) и запечатал его и пригласил свидетелей и отвесил серебро на весах» (*wā'ešqōl hakkesep bēmō'znayīm*; Иер. 32,9—10)¹⁷.

Гири, как правило, были из камня, поэтому в ВЗ их называют «камнями». Выше говорилось о «царском камне», то-

¹⁶ Ср. И. Д. Амузин, Кумранский фрагмент «молитвы» вавилонского царя Набонида, ВДИ, 1958, № 4, стр. 115—116.

¹⁷ Подробнее о весах см. E. Stern, *Mō'znayim*, EB, vol. IV, 1962, стр. 540—543.

есть гире с царским клеймом (II Сам. 14,26). Распространенным было выражение 'abnē kus (Притчи, 16,11; ср. аккад. aban kīsi), то есть камни-гири, которые держат в льняных или холщевых мешочках.

О злоупотреблениях с весами и гирями свидетельствуют такие выражения, как «верные весы» (п.о'znē šedeq; Лев. 19,36; Иез. 45,10; Иов. 31,6; ср. п.о'znē mišpaṭ. Прит. 16,11); «неверные весы» или букв. «весы нечестия» (п.о'znē geša'; Мих. 6,11), «весы обмана» (п.о'znē mīrma; Ам. 8,5), «неверные гири» или «гири обмана» (Мих. 6,11). Такие lamentации пророков, как: «разве могу я оправдать неверные весы (весы нечестия) и неверные гири (камни коварства) в мешочке» (Мих. 6,11; ср. Амос 8,5), свидетельствуют о распространенности этого явления.

Реальный весовой эквивалент гирь и библейских денежно-весовых единиц определяется благодаря археологическим находкам гирь—с клеймами, надписями и без них. Гири были каменными и бронзовыми. Каменные гири представляли собой обработанные камни в форме полушарий. На некоторых из них имеются надписи: сикль, четверть (сикля) и т. д. Гири, литые из бронзы, разнообразятся по форме. Среди них встречаются прямоугольники, кубы (по типу игральных костей), овальные. Некоторые из них являются изображениями животных, например черепахи. Олбрайт установил различие между формами гирь в X—IX вв. (пирамидальные с отверстиями на вершине) и в VII в. (сводчатые)¹⁸. Большинство найденных в Палестине гирь датируется VII—VI вв.

Среди найденных гирь имеются гири в 1, 2, 4 и 8 сиклей¹⁹. Средний вес одного сикля определяется в 11,39 г, или, округляя, 11,4 г. В этой связи интерес представляет одна гиря из Тель бет Мирсим, вес которой — 4565 г. На этой гире нет ни надписи, ни цифровых обозначений. По мнению Олбрайта, эта гиря — восьми мин²⁰. Если это так, то вес одного сикля — 11,4 г, что подтверждает правильность выведенного из гирь-сиклей среднего веса сикля=11,4 г. Фактические расхождения в весе однозначных гирь порой бывают значительными. Так, например, на одной гире из Гезера весом в 22,28 г имеется цифровое обозначение: 11 (подразумевается два сикля) и надпись: Imlk, то есть царский вес. Другая двухсиклевая гиря из того же Гезера весит 22,50 г. Из Арада, напри-

¹⁸ Stern, op. cit. стр. 866.

¹⁹ Yadin, Ancient Judaeen Weights, стр. 13 и 17.

²⁰ Stern, op. cit. стр. 873.

мер, дошли двухсиклевые гири весом в 22,58 и 22,82 г, а из Иерусалима—24,50 г. Таким образом, говоря о среднем весе, следует учитывать значительную шкалу фактических расхождений в весе отдельных гирь.

На некоторых гириях имеются обозначения: $n\bar{s}r$, rum , bq^c .

Слова $n\bar{s}r$ в ВЗ нет, но встречается в угаритском, где, как и в арабском ($n\bar{i}sf$), оно означает: половина²¹. Но возникает вопрос: половина чего? Средний вес этой гири, найденной в 14 различных местах, составляет 9,840 г. Если „нецеф“ это половина сикля, то вес такого сикля составил бы 19,75 г. Но сикль с таким весом не известен. По мнению Р. де Во¹, $n\bar{s}r$ —половина тяжелого угаритского сикля. Эфраим Штерн² высказал предположение, что $n\bar{s}r$ принадлежит к другой метрологической системе. В пользу этого он приводит следующий пример. На найденной в Самарии гире весом в 2,540 г имеются две надписи: на одной стороне— $rb^c n\bar{s}r$, то есть $\frac{1}{4}$ нецефа (в таком случае, полный вес данного нецефа=10,16 г); но на другой стороне—надпись: „четверть сикля“ ($rb^c\{q\}l$). Полагают, что в Палестине сосуществовали две весовые системы, и половина сикля одной системы могла быть целым сиклем другой системы.

Слово rum , как было сказано, встречается в ВЗ, где оно предположительно равно $\frac{1}{6}$ сикля. Найденные 8 экз. гирь с надписью rum показывают, что средний его вес—7,8 г.

Наконец bq^c . Как было сказано, в ВЗ bq^c =половине сикля. Фактический вес найденных гирь расходится со средним весом сикля. Шесть экземпляров найденных гирь с надписью bq^c имеют средний вес 6,11 г.

Таким образом, мы видим, что в вопросе о весовом эквиваленте различных гирь и денежно-весовых единиц в ВЗ имеется много противоречивых моментов и неясностей. Только новый археологический и эпиграфический материал и тщательные монографические исследования смогут пролить дополнительный свет на эту проблему в целом.

В заключение следует вкратце остановиться на некоторых аспектах социальных и экономических функций денег в той мере, в какой они нашли отражение в скудном и специфическом библейском материале. Согласно ВЗ, серебро—синоним денег и всеобщее мерило стоимости (богатств, товаров,

²¹ J. Aistleitner, Wörterbuch der ugaritischen Sprache, Berlin, 1963, стр. 213, № 1836.

²² R. de Vaux, Les institutions de l'Ancien Testament, Paris, I, 1958, стр. 312—313.

²³ Stern, op. cit. стр. 869—870.

услуг). О всемогуществе серебра = денег говорят, например, такие сентенции: «серебро отвечает за все» (Эккл. 10,19), то есть все обеспечивает; «под сенью мудрости то же, что под сенью серебра» (Эккл. 7,12); «любящий серебро не насытится серебром» (там же, 5,9). Правда, кн. Экклесиаста — одно из поздних библейских произведений. Но и в более ранних частях ВЗ эта мысль выражена в различных формах. Амос в VIII в. негодовал против того, что за серебро можно купить бедняков (8,6). Серебро входило в состав имущества, наряду с золотом, скотом и драгоценными камнями (ср. Быт. 24,35; 13,2; Зах. 14,14; Дан. 11,38). Богатство изображалось такими вполне современными образами, как «дом его полон серебра и золота» (Числа 22,18), или «наполняющие дома свои серебром» (Иов, 3,15), а богачи назывались характерным термином *neṭile kazer*, то есть «обремененные серебром» (Соф. 1,11).

Поля и виноградники покупались и продавались за серебро. К сожалению, случайные и единичные упоминания о такого рода сделках без указания размера участков, а иногда и стоимости лишают возможности определить реальную цену определенных участков. Так, Авраам купил участок поля для погребения Сарры за «полную цену», то есть за 400 сиклей серебра (Быт. гл. 23), а пророк Иеремия купил участок поля своего двоюродного брата за 17 сиклей (Иер. 32,9). Царь Давид покупает у Аравны гумно для постройки на его месте жертвенника за 50 сиклей серебра (II Сам. 24,24)²⁴. Выше говорилось о покупке Иаковом участка поля за 100 кесит (Быт. 33,19). Согласование этой амплитуды цен на недвижимость затруднительно. Царь Ахав, польстившись на виноградник, принадлежавший рядовому землевладельцу Навоту, предложил ему продать свой виноградник («отдай мне виноградник твой за серебро»; I Ц 21,6) или обменять на другой. Можно только пожалеть, что автор этой новеллы не счел нужным указать ни размера виноградника, ни цены его. Но и в этом виде историческая ценность этого сообщения велика. Как известно, отказ Навота продать царю свой виноградник стоил ему жизни. Но характерно, что в распоряжении царя не было других средств, кроме политического навета, чтобы убить Навота и завладеть его участком как выморочным. И. М. Дьяконов уже писал об этом случае, когда опровергал ходячее мнение о верховной собственности царя на

²⁴ Согласно параллельному месту I Хр. 21,25, Давид уплатил за этот участок 600 золотых сиклей, однако в сирийской версии, в согласии с II Сам. 24,24, указана та же сумма в 50 сиклей.

землю²⁵. Если нам не известна стоимость виноградника, принадлежавшего Навоту, то Исайя сообщает, что стоимость одной виноградной лозы равнялась одному сиклю (7,23).

Выше было отмечено, что согласно Амосу, бедняка можно было купить за серебро. В ВЗ существует специальный термин для обозначения раба, «купленного за серебро» (в отличие от доморощенного): *miqnaṭ kāsēp* (LXX: ἀγορεύωντος; см. Быт. 17,12—13,23, 27; Исх. 12,44). В ВЗ различаются термины: «цена покупки» раба (*kesēp miqnaṭo*) и «цена продажи» раба (*kesēp miṯkaḡō*; ср. Лев. 25,51 и 25,50). Септуагинта передает эти два термина одним выражением: τὸ ἀγορεύον τῆς πράξεως αὐτοῦ. О бесправни купленного раба и, напротив, о больших привилегиях, даваемых хозяину купленного раба, свидетельствует известное предписание кн. Исх. 21,21, согласно которому, если хозяин ударит раба и раб после этого проживет один-два дня, то в этом случае хозяин не несет никакой ответственности. Характерна мотивировка этого законодательного положения: «ибо он (то есть раб)—его серебро» (*kī kaspo hū'*)²⁶.

В главе 27-й кн. Левит сохранился своеобразный тариф или расценка стоимости «души» человеческой в зависимости от пола и возраста. Недавно была сделана попытка увидеть в этой главе отражение реальной расценки стоимости рабов в пленный период и сблизить эти данные с нововавилонскими ценами. Не останавливаясь на этой сложной проблеме, я хочу только указать на две расценки: мужчины от 20 до 60 лет оцениваются в 50 сиклей (27,3), а от 5 до 20 лет—в двадцать сиклей (27,5). Из новеллы о продаже Иосифа в рабство известно, что юноша Иосиф был продан израильтянам за 20 сиклей (Быт. 37,28). По сравнению с ценой, заплаченной Иеремией за участок поля—17 сиклей—цену за раба следует считать высокой. К сожалению, у нас нет других достаточных данных для сравнений. Известно, что во времена Соломона стоимость египетской колесницы составляла 600 сиклей, а стоимость коня—150 сиклей (I Ц 10,29).

Сравнительно обширная терминология, в которой нашло отражение распространение денежного обращения, свидетельствует о проникновении денежных отношений во все сферы частной, общественной и религиозной жизни (имеются указания о покупке и воды за деньги; Втор. 2,6; Плач.

²⁵ И. М. Дьяконов, Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., ВДИ, 1967, № 4, стр. 22.

²⁶ Ср. И. Ш. Шифман, Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции, ВДИ, 1964, № 3, стр. 69—70.

5,4). Весьма важный и интересный вопрос о ростовщичестве и о смысле попыток его ограничения должен быть предметом особого рассмотрения²⁷ и выходит за рамки этого краткого обзора²⁸.

²⁷ См. одну из последних работ по этому вопросу: *H. J. Meislin and M. L. Cohen, Backgrounds of the Biblical Law against Usury «Comparative Studies in Society and History». An International Quarterly, vol. VI, 1964, стр. 250—267.*

²⁸ Следующие новейшие работы не могли уже быть учтены в данной статье: *Y. Aharoni, A 40-shekel weight with a Hieratic Numeral, BASOR, № 201, 1971, стр. 35—36; R. B. Y. Scott, The N-Ş-P weights from Judah, BASOR, № 200, 1970, стр. 62—66. Z. Velvin, A Silver Hoard from Esh-temoa, „Qadmoniot“, vol. V, № 2 (18), 1972, стр. 45—46.*

И. П. ВЕЙНБЕРГ

ГОРОД В ПАЛЕСТИНСКОЙ ГРАЖДАНСКО-ХРАМОВОЙ ОБЩИНЕ VI—IV ВВ. ДО Н. Э.

Гражданско-храмовая община¹ в ахеменидской Палестине явилась сложным социально-политическим организмом, важным компонентом которого был город (ир, суг). Поскольку палестинский город VI—IV вв. до н. э., в отличие от города (главным образом Иерусалима) первой половины I тыс. до н. э.², или эллинистическо-римского периода³, не был еще предметом специального исследования, то поставленный вопрос представляет значительный интерес.

Изучение демографических данных показало⁴, что до 458/7 г. до н. э. члены гражданско-храмовой общины составляли около 20%, а позже—около 70% всего населения Иудеи, причем даже во второй половине V в. до н. э. общинники населяли не всю Иудею, а лишь шесть обособленных районов в ее границах. Поэтому следует говорить о гражданско-храмовой общине на территории Иудеи, где с общиной сосуще-

¹ Термин «гражданско-храмовая община» введен Г. Х. Саркисяном («Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии», ВДИ, 1952, № 1, стр. 68—83), а по отношению к палестинской общине VI—IV вв. до н. э. впервые применен И. Д. Амусиным («Народ земли», ВДИ, 1955, № 2, стр. 30, прим. 9).

² А. Alt, Die Staatenbildungen der Israeliten in Palästina, KSGVI, II, стр. 1—65; он же, Das Königtum in den Reichen Israel und Juda, KSGVI, II, стр. 116—134; G. Buccellati, Cities and Nations of Ancient Syria, Roma, 1967, стр. 125 сл.; yhw dh wyrwšlym, 1957, 216 стр.

³ E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, 11, Lpz., 1907, стр. 235—238; H. Zucker, Studien zur jüdischen Selbstverwaltung im Altertum, B., 1936, стр. 27—30; E. Bickermann, Der Gott der Makkabäer, B., 1937, стр. 50 сл.; V. A. Tschirikover, Was Jerusalem a Polis? IEJ, 14, 1964, 1/2, стр. 61—78.

⁴ И. П. Вейнберг, Гражданско-храмовая община в западных провинциях ахеменидской державы. Автореферат, Тбилиси, 1973, стр. 10—11.

ствовали другие социально-политические образования. Объектом дальнейшего изучения будут только города гражданско-храмовой общины.

Ветхозаветные (Esr.—Neh.), а также новые археологические и эпиграфические данные позволяют определить количество городов в составе гражданско-храмовой общины (табл. 1):

Территория	До 458/7 г.	После 458/7 г.
	количество городов	количество городов
Йехуда	3	21
Биньямин	16	23
Всего	19	44 (+4 ⁵)

Что же представляли собой эти города? В первой половине I тыс. до н. э. в Палестине имелись большие города, например Лахиш (совр. Телль эд-Дувейр), Гезер (совр. Телль Газри) и другие с площадью около 7,2 га и населением около 6500—7000 человек. Однако преобладали города средней величины (2,5—4 га) с населением около 2000—4000 человек и маленькие города (0,4—1 га) с населением около 400—1000 человек⁶. В этих городах, например в древнем Девире=Кирийат-Сефере (совр. Телль Бейт Мирсим)⁷, с его примерно 250 домами обитало около 2000—3000 жителей, занятых в сельском хозяйстве и ремесле. Основная масса палестинских крестьян жила внутри городских стен, обрабатывая поля, расположенные вокруг города, или обитала в усадьбах в окрестностях города⁸.

⁵ К сорока четырем городам следует прибавить четыре города, упомянутых в Neh. 7=Esr. 2, которые по неизвестным причинам после 458/7 г. до н. э. больше не встречаются в источниках, но, как доказывает Ш. Клейн (š. klyun, 'rš yhwdh mumu hclyh mbbl cd htymt htlmwd, 193⁰, стр. 15—20), были населены членами общины.

⁶ O. Tufnell, Lachish III (Tell ed-Duweir). The Iron Age, L.—N. Y.—Toronto, 1953, стр. 34; G. E. Wright, Biblical Archaeology, Philad.—L., 1957, стр. 186.

⁷ W. F. Albright, The Excavation of Tell Beit Mirsim. III The Iron Age, New Haven, 1943, стр. 39 сл., (AASOR, XXI/XXII for 1941—1943).

⁸ Wright, ук. соч., стр. 184.

Города ахеменидского времени по площади и населению в целом были меньше своих предшественников⁹, однако не все, ибо раскопки в Эйнгеди (совр. Телль эль-Джурн) и Гивее (совр. Телль эль-Фул)¹⁰ доказали, что персидский период был временем наивысшего расцвета этих городов. В ряде городов VI—IV вв. до н. э. дома меньше и примитивнее, чем строения первой половины I тыс. до н. э.¹¹, особенно VIII—VII вв. до н. э., когда в Мегиддо (совр. Телль эс-Мутеселлим), Мицпе (Телль эн-Нацбе) и других появлялись двухэтажные дома с многочисленными помещениями¹². Однако упадок домостроительства в VI—IV вв. до н. э. не был всеобщим, ибо в персидском Эйнгеди раскопан большой жилой дом с более чем двадцатью помещениями, окруженный другими строениями¹³.

Поскольку город VI—IV вв. до н. э. был населен главным образом крестьянами (Rt. 2,4; Jud. 8,3 и др.), то каждый город имел свою сельскохозяйственную округу. Археологическое обследование окрестностей Шехема=Сихема (совр. Телль Балата) Кэмпбеллом¹⁴ доказало, что в радиусе 5—6 км вокруг города находятся около 40 городищ, которые, по всей вероятности, были постройками сельскохозяйственной округи. Гофна¹⁵, в свою очередь, установил, что в Негеве *хацерим* (см. дальше) расположены в радиусе 3,5—10 км от города или крепости, к которой они тяготели.

Новейшие исследования экономики Палестины второй половины I тыс. до н. э.¹⁶ доказали, что основой хозяйствен-

⁹ W. F. Albright, *Recent Discoveries in Bible Land*, N.—Y., 1956, стр. 105.

¹⁰ B. Mazar and J. Dunayevsky, *En-Gedi. Third Season of Excavations*, IEJ, 14, 1964, 3, стр. 121—127; L. A. Sinclair, *An Archaeological Study of Gibeah (Tell el-Fûl)*, BA, XXVII, May, 1964, 2, стр. 60.

¹¹ J. L. Kelso, *Excavations of Bethel*, BA, XIX, May 1956, 2, стр. 41—42; Tufnell, *ук. соч.*, стр. 51.

¹² H. K. Beebe, *Ancient Palestinian Dwellings*, BA, XXXI, 1968, 2, стр. 38—58.

¹³ b. m̄zr, y. dwn'yysky (B. Mazar, J. Dunayevsky), 'wnwt—h̄pyrwt hrby'yt wh̄myšyt b 'yn gdy, 'edy'wt, XXXI, 1966, 3/4, стр. 183—190.

¹⁴ E. F. Campbell Jr., *The Shechem Area Survey*, BASOR, 190, Apr. 1968, 1, стр. 9—41.

¹⁵ г. gw̄pn' (R. Gophna), «h̄šrym» bngb h̄špwny, 'ydy'wt, XXVII, 1963, 3, стр. 173—180; *он же*, h «h̄šrym» bdtwm pl̄št bl̄kwpt hbrzl h', «tykw̄t», III, 1966, стр. 44—51.

¹⁶ y. k̄lwznr (J. Klauzner), h̄hyy m h̄klklyym byšr'l bymy byt šny, BBŠ, стр. 82 сл.; H. Kreissig, *Die wirtschaftliche Situation Judas zur Achämenidenzeit. Thesen zur Habilitationsschrift*. B., 1969, стр. 9.

ной жизни страны было земледелие — разведение зерновых и технических культур, садоводство, виноградарство, оливководство и пр., сочетавшееся в Негеве и в горах с животноводством. Важно подчеркнуть, что многие города гражданско-храмовой общины были важнейшими центрами палестинского сельскохозяйственного производства. Например, Гивеа, Гивеон (совр. эль Джиб), Бейт-Хакерем (совр. Рамат-Рахел) и другие были крупными центрами виноградарства¹⁷, в Бейт-Шемеше (совр. Телль эль Румейлие), Мицпе и других процветало зерноводство и оливководство¹⁸, а вокруг Эйн-геди и Иерихона занимались разведением технических культур¹⁹.

Можно согласиться с выводом Крейссига²⁰ о том, что в хозяйственной жизни ахемендской Иудеи ремесленное производство играло меньшую роль, чем сельское хозяйство. Однако нарисованная им картина примитивного ремесла опровергается всей совокупностью нарративных, археологических и эпиграфических данных, свидетельствующих о наличии в городах гражданско-храмовой общины специализированного (т. е. не чисто домашнего) ремесла²¹, представители которого объединены в ассоциации по специальностям (Neh. 3,31 и др.)²². Иерусалим был значительным центром ремесленного производства (Neh. 3,31 — 32), но отнюдь не единственным, ибо различные ремесленные сооружения обнаружены в Эйн-геди, Тират-Иехуда и других местах²³, населенных членами гражданско-храмовой общины.

Существование ассоциации торговцев среди членов гражданско-храмовой общины (Neh. 3,31—32), включенные в

¹⁷ *Sinclair*, ук. соч., стр. 60; *J. B. Pritchard*, Gibeon Where the Sun Stood Still, Princeton, 1962, стр. 81—99; *Y. Aharoni*, Excavations at Ramat-Rahel, BA, XXIV, Dec. 1961, 4, стр. 98 сл.

¹⁸ n.'bygd (N. Avigad), byt šmš, EB, II, стр. 110—118.

¹⁹ *B. Mazar* и др., En-Gedi. The First and Second Seasons of Excavations, «Atiqot», V, 1966, стр. 7—9.

²⁰ *Kreissig*, ук. соч., стр. 5 сл.

²¹ *И. М. Дьяконов*, Проблемы города в Вавилонии II тыс. до н. э., Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума «Города и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э.» (Ереван, 1969), стр. 12.

²² *J. Mendelsohn*, Guilds in Ancient Palestine, BASOR, 80, Dec. 1940, стр. 17—21.

²³ *B. Mazar*, *J. Dunayevsky*, En-Gedi. Fourth and Fifth Seasons of Excavations, IEJ, 17, 1967, 3, стр. 134—136; *Z. Yeivin*, Tirat Yehuda, IEJ, 12, 1962, 2, стр. 150.

«конституцию» общины статьи о торговле (Neh. 10,32, ср. 13, 15 сл.), и оживленное обсуждение в ветхозаветной и апокрифической литературе (Prov. 16,11; Sir. 26,27 и др.) вопроса об этико-религиозной ценности занятия торговлей, равно как появление в IV в. до н. э. монет местного чекана²⁴ и многочисленные находки импортной керамики в городах гражданско-храмовой общины²⁵ свидетельствуют об оживленной внутренней и внешней торговле. Иерусалим играл в этой торговле значительную роль (Neh. 13,15 сл.); однако массовые находки аттической керамики в Эйнгеде, преческих и южно-аравийских изделий в Лахише, греческой посуды в Мицпе и других городах²⁶ вместе со сказанным выше о городском ремесле доказывают, что предложенная И. М. Дьяконовым²⁷ дефиниция «города» применима не только по отношению к Иерусалиму, но и многим другим городам гражданско-храмовой общины.

Существенным признаком древнепалестинского города было наличие укреплений²⁸. Раскопки последних десятилетий позволяют установить, что в VI—IV вв. до н. э., помимо Иерусалима (Neh. 3), укрепления имели еще Арад, Бейт-Цур (совр. Хирбет эт-Тубейка), Бейт-Хакерем, Гивеа, Лахиш и другие города²⁹. После осуществленного Нехемией синокизма (Neh. 11,1 сл.) Иерусалим выделяется количеством населения—около 15.000 человек, однако в других аспектах городской жизни он по существу не отличался от остальных городов гражданско-храмовой общины, пользовавшихся к тому же самоуправлением.

— Палестинские города первой половины I тыс. до н. э. воз-

²⁴ B. Kanael, *Ancient Jewish Coins and their Historical Importance*, BA, XXVI, May 1963, 2, стр. 39—41; Y. Meshorer, *A New Type of JHD Coins*, IEJ, 16, 1966, 4, стр. 217—219; A. Reifenberg, *Ancient Jewish Coins*², 1947, стр. 5 сл.

²⁵ D. Ausher, *Les relations entre la Grèce et la Palestine avant la conquête de Alexandre*, VT, XVII, Jan 1967, I, стр. 8—30.

²⁶ Mazar, *Dunayevsky*, En-Gedi..., IEJ, 17, 1967, 3, стр. 137—140; Tufnell, *ук. соч.*, стр. 51; Ausher, *ук. соч.*, стр. 9—21.

²⁷ Дьяконов, *ук. соч.*, стр. 12.

²⁸ G. Wallis, *Die Stadt in der Überlieferung der Genesis*, ZAW, 78, 1966, 2, стр. 133—147.

²⁹ Y. Aharoni, *Excavations at Tel Arad*, IEJ, 17, 1967, 4, стр. 243—244; Wright, *Biblical Archaeology*, стр. 209; Aharoni, *ERR*, 11, стр. 120; Sinclair, *An Archaeological Study...*, BA, XXVII, May 1964, 2, стр. 60; Tufnell, *ук. соч.*, стр. 51.

главлялись старейшинами (zqnum)³⁰ из числа предводителей родов, обитавших в данном городе³¹. Этот институт сохранился также в условиях депортации (Jег. 29,1; Ez. 8,1; 14,1 и др.), где старейшины возглавляли отдельные поселения эксулантов³². В Esr.-Neh. старейшины упомянуты в двух различных, хотя и взаимосвязанных аспектах: как орган самоуправления всей общины в двадцатых годах VI в. до н. э. (Esr. 5, 5, 9; 6, 7, 8, 14) и как орган городского самоуправления. Не касаясь в этой работе первого аспекта³³, остановимся на вопросе о старейшинах как органе городского самоуправления.

В описании процедуры расторжения Эзрой смешанных браков сказано, что «все в наших городах, которые взяли иноземных жен, пусть приходят [в Иерусалим] в назначенное время и с ними старейшины каждого города и его судьи (zqnu w'ug w'sp'uyh)» (Esr. 10,14). В этом отрывке слова «старейшины» и город сочетаются в форме status consti. (ср. Dt. 19, 12; 21, 3, 4; I Sam. 11,3; 16,4 и др.), а термин «судьи» с местоименным суффиксом также связано со словом «город». Нет сомнения в том, что в Esr. 10,14 речь идет об органах городского самоуправления, упомянутых также в кн. Руфь, которую многие современные библеисты относят к ахеменидскому времени³⁴.

В Бейт-Лехеме, входившем в состав городов гражданско-храмовой общины (Esr. 2,21 = Neh. 7,26), десять человек «из старейшин города» (Rt. 4,2) и «весь народ» этого города (стк. 11) выступают свидетелями в процедуре *геулла* (g'wlh)³⁵ совершенной жителем Бейт-Лехема—Боазом. В этой связи

³⁰ R. de Vaux, Les institutions de l'Ancien Testament, I, Paris, 1958, стр. 211; C. U. Wolf, Traces of Primitive Democracy in Ancient Israel, JNES, VI, Apr. 1947, 2, стр. 98—101.

³¹ M. Haran, ZEVAN HAYYAMIM, VT, XIX, Jan. 1969, I, стр. 11—12.

³² E. Klamroth, Die jüdischen Exulanten in Babylonien, Lpz., 1912, стр. 32—33 (BWAT, 10).

³³ Вейнберг, Гражданско-храмовая община..., стр. 29.

³⁴ A. Bentzen, Introduction to the Old Testament, II, Copenh., 1957, стр. 185; J.—L. Vesco, Le date du livre de Ruth, RB, 74, Avril 1967, 2, стр. 235—247.

³⁵ Н. М. Никольский, Происхождение Юбилейного года, «Изв. АН СССР», отд. обществ. наук, VII серия, 1931, № 9, стр. 1037 сл.; H. H. Rowley, The Marriage of Ruth, HThR, XL, 1947, стр. 77—99; Th. and D. Thompson, Some Legal Problems in the Book of Ruth, VT, XVIII, Jan 1968, 1, стр. 79—99.

стоит обратить внимание на тот факт, что в Септуагинте древнееврейское выражение זקני ה'עיר всегда переведено *οἱ πρεσβύτεροι τῆς πόλεως* (LXX: IR., 16,4; II Esdr. 10,14; Rt. 4,2 и др.).

Это древнегреческое понятие неоднократно встречается в кн. Юдифь, которую многие современные библеисты относят к ахеменидскому времени, предполагая, что в ней отражены события двадцатых годов VI в. до н. э. в персидской державе³⁶ или отзвуки восстания Теннеса в середине IV в. до н. э.³⁷ Во всяком случае, описанная в Jud. структура городского самоуправления Бейт-Эла, входившего в состав гражданско-храмовой общины (Esr. 2,28=Neh. 7,32), соответствует данным в Esr. и Rt. Городскую общину Бейт-Эла возглавляют три архонта (Jud. 6,14; 7,23; 13,12 и др.) и коллегия старейшин (6,16; 7,23; 13,12 и др.), а в особенно важных случаях созывается общее собрание горожан, включая женщин и юношей (6,16 и др.).

В трех различных и не связанных между собой источниках упомянуты следующие органы самоуправления в городах гражданско-храмовой общины (табл. II):

Органы городского самоуправления	Esr.	Rt.	Jud.
Старейшины	+	+	+
Собрание горожан	—	+	+
Судьи	+	—	—
Архонты	—	—	+

Поскольку старейшины названы во всех трех источниках, можно заключить, что этот орган городского самоуправления существовал во многих, если не во всех городах гражданско-храмовой общины. Старейшины являлись свидетелями в процедуре *геулла*, т. е. при передаче земли внутри широкой агнатической группы—*бейт авот*³⁸. Именно им поручено практиче-

³⁶ G. Brunner, *Der Nabuchodonosor des Buches Judith*, Berl., 1959, стр. 157—158; C. Schedl, *Nabuchodonosor, Arpakšad und Darius*, ZDMG, 115, 1965, 2, стр. 242—254.

³⁷ у. *klwznr* (J. Klauzner), *hstwryh šl hbyt hšny*, 11, 1954, стр. 9—10; D. Barag, *The Effects of the Tennes Rebellion on Palestine*, BASOR, 183, Oct. 1966, стр. 6—12.

³⁸ И. П. Вейнберг, *Жреческое землевладение по данным ветхозаветных материалов VI—IV вв. до н. э.*, «Программа заседаний и тезисы докладов конференции по проблемам античности», М., 27—30 мая 1968 г., (М., 1967), стр. 8—10.

ское расторжение смешанных браков (Esr. 10,14) в семьях, входивших в состав *батте авот* (Esr. 10,18 сл.). Если учтем также, что «старейшины каждого города» в Esr. 10,16 названы «главы *авот*», то не исключается предположение об образованной органами старейшин из предводителей *батте авот*, обитавших в данном городе. Цукер³⁹ считает, что городские старейшины созывались лишь эпизодически. Однако описание их деятельности в Rt. и Jud., равно как и существование в более позднее время постоянно действующего булэ (В. J., II, 14 и др.), позволяют предположить, что и в VI—IV вв. до н. э. городские старейшины образовали постоянно действующий орган городского самоуправления.

В двух источниках упоминается «народ» или собрание горожан, которое совместно со старейшинами выступает свидетелем при процедуре *геулла* (Rt. 4, 4, 9, 11) или созывается в случаях особой опасности (Jud. 6,16; 7,23 и др.). Судьи в составе городского самоуправления названы только в Esr. 10,14, однако достоверный эдикт Артаксеркса I от 458/7 г. до н. э. предоставляет Эзре право назначать судей, чтобы «они судили весь народ в Аварнахаре» (Esr. 7,25), т. е. всех членов гражданско-храмовой общины⁴⁰. Если учтем также, что, согласно судебной реформе царя Иехошафата (IX в. до н. э.), судьи имелись «во всех укрепленных городах Иудеи, в каждом городе» (II Chr. 19,5), а на рубеже эр в городах Палестины были местные судьи (М. Сангедрин 1,1 сл. и др.), то вхождение судей в состав городского самоуправления VI—IV вв. до н. э. представляется возможным. Что касается архонтов, осуществлявших высшую исполнительную власть в Бейт-Эле (Jud. 7,23 сл.; 15,4 и др.), то на основании одного источника трудно судить об их месте и функциях в городском самоуправлении.

Вышеизложенное позволяет заключить, что города гражданско-храмовой общины имели самоуправление, осуществляемое постоянно действующим советом старейшин, эпизодически созываемым собранием горожан, судьями и, возможно, архонтами. Органы городского самоуправления решали такие вопросы, как утверждение *геулла* и расторжение смешанных браков, имели судебную власть, организовывали оборону своего города, возможно, сбор податей для Иерусалимского храма (Neh. 10,38) и проч.

Такой характер полномочий городского самоуправления при учете значительной хозяйственной активности многих городов гражданско-храмовой общины настораживает про-

³⁹ Zucker. ук. соч., стр. 25—26.

⁴⁰ Вейнберг, Гражданско-храмовая община..., стр. 29.

тив утверждений⁴¹ о полном господстве Иерусалима в Иудее, где, якобы, только последний был городом в полном смысле этого слова, а остальные лишь поселениями (villages). Правомерность таких сомнений подтверждается анализом функций Иерусалима и других городов в системах самоуправления гражданско-храмовой общины и управления персидской провинцией Иехуд.

Если классифицировать все города гражданско-храмовой общины по их функциональному назначению в системе управления провинции Иехуд, то они могут быть разделены на две группы: 1) города без специальных административных функций и 2) города, явившиеся центрами административной единицы провинции — *пелек* (plk). Согласно Neh. 3, центрами *пелек* были Иерусалим (стк. 9 и 12), Бейт-Хакерем (стк. 14), Мицца (стк. 15 и 19), Кеила (стк. 17 и 18) и Бейт-Цур (стк. 16). Значит, в середине V в. до н. э. Иерусалим ничем особенно не выделялся среди функционально однотипных с ним городов. Если правы Ахарони и Авигад⁴², заявив, что найденные в Офеле, Бейт-Хакереме, Гезере, Иерихоне, Мицце и других местах клейма с надписями *h^cug* и *yršlm* во второй половине IV в. до н. э. заменили ранее преобладавшие клейма с надписью *yhwd* (*yhd*, *yh*), то это говорит о возрастании роли Иерусалима в системе управления провинции Иехуд, что, в свою очередь, обусловлено растущим удельным весом и влиянием гражданско-храмовой общины в этой провинции и усилением власти Иерусалимских первосвященников, начиная с первой половины IV в. до н. э.⁴³

В связи с вышесказанным целесообразно рассмотреть вопрос о месте Иерусалима в системе самоуправления гражданско-храмовой общины после 458/7 г. до н. э.⁴⁴, когда в административно-политической лексике членов общины доминировали понятия «Иехуда-Иехуд» (*yhwdh*, *yhwd*) и «Иерусалим» (*yršlm*).

Объем статьи не позволяет остановиться на анализе традиции применения термина «Иехуда» в допленных частях Ветхого завета и рассматривать эволюцию его использования

⁴¹ E. Bickermann, *The Historical Foundations of Postbiblic Judaism*, в сб. «The Jews: their History, Culture and Religion», I—II, N. Y., 1959, стр. 91—92; L. Finkelstein, *The Pharisees*, I, Philad., 1940, стр. 24.

⁴² Aharoni, ERR, I, стр. 30; он же, *yhwd*, EB, III, стб. 484—486 n'bygd (N. Avigad), *hwtm*, EB, III, стб. 84—85.

⁴³ Вейнберг, ук. соч., стр. 31.

⁴⁴ Изучение палестинской общины доказало, что середина V в. до н. э.— это рубеж между формирующейся и, в основном, оформленной гражданско-храмовой общиной.

в гражданско-храмовой общине до середины V в. до н. э. Поэтому ограничимся констатацией того факта, что после 458/7 г. до н. э. термин «Иехуда—Иехуд» обозначает: 1. персидскую провинцию (см. клейма с надписью «yhwd+имя собственное +rhw^c, например, ERR, 1, стр. 7—8, № 161/3, табл. 9, 2, или Cowl. 30, 1) и 2. гражданско-храмовую общину (ср. Neh. 4, 4, 10; 13, 16 и др.). Следует подчеркнуть, что в V—IV вв. до н. э. оба аспекта термина «Иехуда—Иехуд» не слились воедино, ибо когда речь идет об общине на территории провинции, первая обозначается этнонимом, а вторая—топонимом (Jud. 4,1 и др.). Особенно важен тот факт, что члены гражданско-храмовой общины в это время обозначаются термином «Иехуда» в форме status constr. со словами «дом» (byt, Neh. 4,10) и «сын» (bn, Neh. 13,16) или этнонимом «иудей» (Neh. 5,17; Ant. XI, 5,7; Cowl. 30, 18—19 и др.). Терминология самообозначения палестинской общины и ее членов существенно отличается не только от практики античных полисов, где полисный коллектив и его отдельные члены чаще всего называются по центральному городу полиса⁴⁶, но и от терминов самообозначения в гражданско-храмовых общинах селевкидской Вавилонии, которые названы «город», «город Урук», «храмы» или «город людей храмов».⁴⁷

Ближе к практике самообозначения в палестинской общине формула, примененная в некоторых храмовых объединениях Малой Азии, например в карийском союзе Зевса Хрисаорейского, члены которого именуют себя по названию этого союза, но с обязательным указанием названия своего города, входившего в состав этого союза, например «Хрисаореец из Антиохии» или «Хрисаореец из Алабанды»⁴⁸. Термины самообозначения палестинской гражданско-храмовой общины и ее членов не включают названия городов или Иерусалима, что, по-видимому, объясняется иным положением этих городов в системе своей общины, чем, например, Урука или Алабанды в составе их храмовых объединений.

Судя по ветхозаветным и эпиграфическим данным, люди V—IV вв. до н. э. видели в Иерусалиме: 1. центр. *пелек* (см.

⁴⁵ Предложение Кросса (*Fr. M. Cross Jr., Judaeen Stamps, E—I. IX, 1969, стр. 20—26*) читать третье слово в надписях этого типа *phg*, (гончар) и считать упомянутых там людей гончарами кажется малоубедительным.

⁴⁶ V. Ehrenberg, *Der Staat der Griechen*, 1, Lpz., 1957, стр. 66 сл.

⁴⁷ Саркисян, Самоуправляющийся город..., ВДИ, 1952, № 1, стр. 79; он же, О городской земле в селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1953, № 1, стр. 60.

⁴⁸ А. Г. Периханян, Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н. э.—III в. н. э.), М., 1959, стр. 28—29.

выше); 2. резиденцию *пеха* Иуден (Neh. 5, 17 и др.) и 3. главным образом религиозно-политический центр гражданско-храмовой общины. Руководящая роль Иерусалима в системе общинного самоуправления, обусловленная нахождением там храма Иахве, особенно усилилась после синойкизма Нехемии (Neh. 11,1 сл.) и вследствие перехода на рубеже V—IV вв. до н. э. руководства гражданско-храмовой общиной в руки иерусалимских первосвященников—цадокидов⁴⁹. Тем не менее Иерусалим не воплотил в себя всю общину, не подменил ее, а территория гражданско-храмовой общины не стала *хора* Иерусалима. В политической терминологии V—IV вв. до н. э. четко различают провинцию Иехуд (Cowl. 30,1), на территории которой находится «народ Иудей» (Jud. 4,3), т. е. гражданско-храмовая община, члены которой живут «в Иерусалиме и в городах Иудей» (Neh. 11,3), а ведущее значение первого определяется только тем, что там «первосвященник... и совет старейшин всего народа» (Jud. 4,8), т. е. центральные органы самоуправления общины (ср. Cowl. 30).

В Esr. —Neh. слово «город» или названия различных городов неоднократно встречаются в сочетании, передающем принадлежность (через status constg. или имени с местоименным суффиксом и союзом w-), с терминами *банот* (bnwt, Neh. 11, 25, 27, 28 и др.), *саде* (śdh, Neh. 11, 30; 12, 44) и *хацер* (hšg, Neh. 11, 25, 29; 12, 28). *Банот*—это усадьбы или неукрепленные поселения в сельскохозяйственной округе города⁵⁰, *саде*—обработанное поле⁵¹, а *хацер*—это тип поселения и хозяйства, специфический для районов, например Негева, географические и климатические условия которых требовали сочетания полусоседлого животноводства с земледелием. Все три термина, таким образом, выражают лишь хозяйственную специфику земель, составлявших сельскохозяйственную округу города⁵¹, раскрывают особенности ее застройки и эксплуатации. Собственническо-правовой статус земли в гражданско-храмовой общине VI—IV вв. до н. э. выражен терминами *нахала* (nh'h) и *ахузза* ('hwzh)⁵¹, которые, за исключением утопического плана распределения земли в Ez. 40—48 (45, 6—7; 48, 20—22), в сочетании, передающем принадлежность, со словом «город» или названием города в источниках VI—IV вв. до н. э. не встречаются.

⁴⁹ Вейнберг, Гражданско-храмовая община..., стр. 30—31.

⁵⁰ b. d. lwy' (B. D. Lurje), tkwc-cyrw śl cmws, PHLNB, 1, стр. 104—105.

⁵¹ Вейнберг, Жреческое землевладение..., стр. 9—10.

Известны случаи (Neh. 11,3=I Chr. 9,2; Neh. 11,20 и др.), когда слово «город» и термины *ахузза-нахалá* связаны между собой предлогом *в*, обозначающим нахождение внутри чего-либо, например, члены гражданско-храмовой общины «жили каждый в своей *ахуза* в их городах» (Neh. 11, 3) или «во всех городах Иудеи каждый в своей *нахалá*» (Neh. 11,20). Структура фраз и общий контекст доказывают, что речь идет об *ахузза-нахалá*, т. е. собственности агнатической группы — *бейт авот*, которая не была отчуждаема или могла быть отчуждена только в рамках данной группы. Эта земельная собственность находилась в сельской округе города, как, например, *ахузза-нахалá бейт авот* гашхуридов в сельской округе Иерусалима, хаккоцидов, по-видимому, в окрестностях Эйнгеди⁵², но принадлежала не этим городам, а обитавшим в них *бате́й авот*⁵³.

Исследование городских общин селевкидской Вавилонии убедило Г. Х. Саркисяна⁵⁴ в том, что гражданско-храмовая община была одним «из типов рабовладельческих коллективов, другой разновидностью которого являлся эллинистический полис». По мнению А. Г. Периханяна⁵⁵, храмовые объединения Малой Азии и Армении первоначально являлись «своеобразным типом общины, сочетающей в себе элементы восточной и античной общины», а затем принимали все более грецизированные формы, ничем не отличаясь от эллинистических полисов. Но относим ли этот вывод также к палестинской общине ахеменидского времени?

Палестинская гражданско-храмовая община имеет много общих черт с гражданско-храмовыми общинами селевкидской Вавилонии, храмовыми объединениями Малой Азии и Армении⁵⁶, однако все вышеизложенное, равно как изучение других аспектов палестинской общины, заставляет усомниться в правомерности ее определения как античного полиса. Кажется более оправданным признавать типологическую близость гражданско-храмовой общины ахеменидской Палестины с родственно-общинной структурой в общинном секторе экономики

⁵² Вейнберг, Гражданско-храмовая община..., стр. 22.

⁵³ Ср. представление об античном полисе как верховном собственнике земли (С. Л. Утченко, Кризис и падение Римской республики, М., 1965, стр. 9).

⁵⁴ Г. Х. Саркисян, Тигранакерт, М., 1960, стр. 6.

⁵⁵ Периханян, ук. соч., стр. 177 сл.

⁵⁶ Вейнберг, ук. гоч., стр. 32.

Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., где «территориальные общины, подобно домашним, входили в определенные иерархические структуры; несколько территориальных общин составляли общину-государство или группировались вокруг центральной общины-города»⁵⁷.

⁵⁷ И. М. Дьяконов, Проблемы экономики. 3. Структура общинного сектора экономики в Западной Азии, ВДИ, 1968, № 3, стр. 19.

А. Г. ЛУНДИН

ГОРОД И ГОСУДАРСТВО В ЮЖНОЙ АРАВИИ

I тыс. до н. э.

Наиболее ранний этап истории древнейемениской цивилизации, доступный изучению в настоящее время, падает на I тыс. до н. э. Только в последние годы удалось установить, что самые древние письменные памятники, известные науке, восходят к XI—X вв. до н. э.¹ Однако они исчисляются единицами. В то же время эпиграфические характеристики надписей—их темы, схема построения, формуляр и т. п.—остаются неизменными на протяжении почти всего первого тысячелетия. Поэтому начальный этап истории Южной Аравии, как его позволяют выделить имеющиеся источники, охватывает время с конца II тыс. до н. э. по III—II вв. до н. э.

Стадиально этот период представляет собой начальный этап цивилизации, эпоху становления классового общества и возникновения государства. Имеющиеся источники показывают существование многочисленных пережитков родо-племенных отношений, элементы государственной организации, во многом напоминающие такие архаические общества, как Шумер и Микенская Греция². Все это позволяет считать рассматриваемый период первым этапом существования классового общества в Южной Аравии³.

¹ См. *A. Lundin*, Die Eponymenliste von Saba (aus dem Stamme Halil), „Sammlung E. Glaser“, V. SBAW, 248. Wien, 1965, стр. 92—96; *A. Лундин*. К возникновению государственной организации в Южной Аравии, ПС 17, 1967, стр. 70—72.

² *A. Лундин*, О титуле mlk «царь» в Южной Аравии середины I тысячелетия до н. э. КС ИНА 46, 1962, стр. 207—208.

³ Даже самые ранние известные памятники носят следы долгого предшествующего развития. Об этом свидетельствует алфавитная письменность с установившимися формами знаков, наличие строгого стандартного формуляра текстов и т. п. Однако в настоящее время полностью отсутствуют источники, предшествующие изучаемому периоду.

Первое тысячелетие до н. э.—довольно поздний этап в истории человечества, характеризующийся значительным уровнем развития производительных сил и культуры. Южная Аравия, с древнейших времен поддерживавшая контакты с передовыми странами Средиземноморья, широко пользовалась этими достижениями человечества. В области экономического развития она достигает высокого уровня, сравнимого с уровнем стран Ближнего Востока этого времени. Несмотря на плохую изученность и малое количество имеющихся источников, можно говорить о наличии в Южной Аравии интенсивного сельскохозяйственного производства. Широко возделывались зерновые и огородные культуры. Значительное развитие получили многолетние насаждения, в первую очередь—плантации финиковых пальм, распространялось садоводство. Важную роль играли технические культуры—растения, дающие волокна и красители и особенно благовония, составившие мировую славу Южной Аравии, широко применявшиеся внутри страны и вывозившиеся во все страны Ближнего Востока⁴. Культура благовоний особенно интересна нам тем, что она позволяет говорить о товарном характере сельскохозяйственного производства и о развитии обмена и торговли.

Сельское хозяйство основывалось на развитой технике искусственного орошения, о которой свидетельствуют многочисленные остатки плотин, каналов, водоемов и водораспределителей, сохранившихся до наших дней. Построенные из превосходно обработанного камня, хорошо приспособленные к местным условиям⁵, эти сооружения позволяют говорить и о развитии многочисленных ремесел: строительного, обработки камня и т. д.

Развитие скотоводства характеризуется не только крупными цифрами скота, захваченного в походах правителей в виде военной добычи, но и широким распространением верблюдоводства. Следует подчеркнуть значение верблюда как транспортного животного, обеспечивавшего связь государств Южной Аравии со странами Ближнего Востока.

Высокий уровень ремесленного производства доказывают археологические памятники: остатки плотин и храмов, резные каменные рельефы и скульптуры, превосходные бронзовые скульптуры, показывающие расцвет цикла металлообрабатывающих ремесел.

Значительного развития достигла и торговля, включавшая и внутренний обмен между близлежащими районами Юж-

⁴ A. Grohmann, *Südarabien als Wirtschaftsgebiet*, I, Wien, 1922.

⁵ R. Bowen, *Irrigation in ancient Qatabān (Beihān)*. «*Archaeological Discoveries in South Arabia*», I, Baltimore, 1958, стр. 43—132.

ной Аравии с разными природными условиями, в первую очередь между земледельческим населением и кочевыми скотоводческими племенами, и международную торговлю благоволиями, выражавшимися в Южной Аравии, и, наконец, транзитную торговлю и посредничество между странами Ближнего Востока и Индией и Восточной Африкой. Уже в начале I тыс. до н. э. сложились постоянные торговые пути, по которым шли караваны, груженные разнообразными товарами многих стран⁶.

Наконец, культурное развитие Южной Аравии можно характеризовать весьма ранним распространением алфавитной письменности, одного из самых ранних алфавитов мира (значительно раньше, чем в Греции и, по-видимому, одновременно с Финикией).

Социальные отношения в Южной Аравии соответствуют уровню экономического развития и характеризуются наличием имущественного и классового расслоения, развитием частной собственности⁷ и сложной системой организации общества. Недостаточная изученность древней истории Йемена и в еще большей степени специфика имеющихся источников, ограничивающихся эпиграфическим материалом, не позволяют в настоящее время дать определение классового состава и тем более формационной принадлежности южноарабского общества. Однако источники многократно упоминают различные социальные слои и категории населения, государственные, административные и судебные учреждения, разные виды земельной собственности и другие явления, неизбежно доказывающие классовый характер древнейеменской цивилизации⁸.

Специфика эпиграфических источников приводит к тому, что из всех вопросов социального строя Южной Аравии наиболее полное отражение получает государственное устройство, которое и должно явиться основой для реконструкции общественных отношений в древнем Йемене. Настоящая работа посвящена одной из сторон этого устройства: соотношению между государством и городом.

Южноарабские надписи показывают существование в древнем Йемене пяти государств: Саба¹, Ма²ин, Катабан, 'Авсан

⁶ См. *R. Bowen*, *Ancient Trade Routes in South Arabia*. «Archaeological Discoveries in South Arabia». I, Baltimore, 1958, стр. 35—42.

⁷ См. *Г. М. Бауэр*, Термин *gwlm* в южноарабской эпиграфике. КС ИНА 86, М., 1965, стр. 205—219; *А. Лундин*, О праве на воду в Сабейском государстве эпохи мукаррибов. ПС 11, 1963, стр. 45—57.

⁸ См., например: *Г. М. Бауэр*, Некоторые социальные термины в древнейеменских текстах. «СеMITские языки», вып. 2, часть I. М., 1965, стр. 313—335.

и Хадрамаут. В каждом из них надписи составлялись на особом диалекте или языке⁹ и различаются также по формуляру, употреблению терминов, пантеону, тематике и т. п. Из этих государств самым значительным и хорошо известным является Сабейское, материалом которого мы и ограничимся в настоящей работе.

Сабейское государство охватывало большую часть современного Йемена: к основным центрам на востоке—Мариб, Сирвах, оазис Рагван—исследования последних лет позволяют присоединить центральную часть—районы 'Архаба и Сана^с а. Весьма интересно, что надписи сабейских правителей найдены и на севере, на территории государства Ма^син—в Нашке и в Хартум ас-Суд, а также далеко на юге на катабанской территории—в 'Абйане¹⁰. Надписи сабейского мукарриба Кариба'ила Ватара сына Замар'алайа II (RES 3945, 3946) сообщают о его походах и захватах земель на всей территории древнего Йемена, от Наджрана на севере до Адена на юге.

Случайный характер имеющегося материала и недостаточность археологических исследований не позволяют установить точные границы Сабейского государства, тем более—для отдельных периодов. Лишь в некоторых пунктах удается выяснить линию границы между Саба' и Катабаном и даже переход пограничных городов из одних рук в другие¹¹. Тем более странной представляется «чересполосница», о которой свидетельствуют сабейские надписи из 'Абйана и Нашка¹². Во всяком случае, даже если не учитывать районы, отделенные от основных центров, где найдены сабейские надписи, можно прийти к выводу, что и основные, компактно расположенные районы Сабейского государства уже в начале первого тысячелетия охватывали большую часть современного Йемена, от оазиса ал-Джауф на севере до современной границы с Народной-Демократической Республикой Йемен на юге.

Уже географические условия Южной Аравии, изрезанной

⁹ Авсанские надписи, видимо, написаны на катабанском диалекте, но их известно только несколько, и возможно, что диалектные особенности этих текстов просто невозможно выделить на столь незначительном материале.

¹⁰ H. Wissmann, *Zur Archäologie und antiken Geographie von Südarabien*. Istanbul, 1968, стр. 56—65.

¹¹ H. Wissmann, *Zur Archäologie*, стр. 98—112.

¹² Нашк расположен в окружении минейских городов и отделен от сабейских земель территорией Ма^сила, второго по величине и значению центра Мана. Cp. A. Beeston, "Pliny's Gebbanitae". *Proceedings of the fifth Seminar for Arabian Studies*, London, 1972, стр. 4—8.

многочисленными горными хребтами, состоящей из изолированных оазисов, разделенных пустынными или полупустынными пространствами, заставляют усомниться в том, что в столь ранний период такая обширная территория могла быть единой и управляться централизованным порядком. По-видимому, географическая раздробленность должна была отразиться и в организации Сабейского государства.

Структура Сабейского государства была исследована нами в специальной работе¹³; однако там пренебрежительное внимание было уделено общегосударственным органам и институтам. Внутреннее деление Сабейского государства нуждается в специальном исследовании.

Сабейские надписи периода мукаррибов, прежде всего «большие» надписи RES 3943, 3945 и 3946 часто упоминают различные мелкие государственные образования, никак не соотнося их с большими государствами Южной Аравии—Саба', Ма'ином, Катабаном и 'Авсаном. Особенно много таких упоминаний в RES 3945, рассказывающей о военных походах мукарриба Саба', Кариба'ила Ватара сына Замар'алайа II. Эти государственные образования могут входить в Сабейское государство, но могут находиться и вне его пределов. Так, надпись RES 3943,3 упоминает Лазар'ила, царя области Муха'мир, а RES 3945—царей Нашана (строка 15), Харамам¹⁴ и Каминахува (строка 17), Сабала, Харам и Фананана (строка 18). Их правители называются царским титулом, что, по-видимому, позволяет характеризовать эти образования как государства.

Значительно чаще такие «местные владения» никак не характеризуются источником и обозначаются в надписях просто собственными именами: Са'адам (s'dm), Нақбатам (nqbtm), Забар (zbr), Заламам (zlm), 'Арвай ('rwy)—RES 3945,3 и т. д. Однако, по-видимому, и эти владения можно охарактеризовать как «царства» (государства), как как и упомянутые выше Сабал, Харам и Фананан упоминаются таким же образом, в совершенно аналогичной формуле. О существовании их «царей» мы узнаем только из дальнейшего текста. Достаточно сравнить два сообщения: ywm/mḥḍ/sbl/whrm/wfnnn... wwft/'hgr/sbl/w'hgr/hrm/w'hgr/fnnn/whrgmw/šitt/'lfm/whrg/'ml.khmw «когда он разгромил Сабал и Харам и Фананан... и

¹³ А. Лукнин, К возникновению..., стр. 50—73; см. также J. Ryckmans, Some Recent Views on the public Institutions of Saba. „Proceedings of the Seminar for Arabian Studies... London, 1971, стр. 24—26.

¹⁴ Царю Харамам принадлежит также надпись СІН 507, написанная на сабейском языке.

сжег города Сабала и города Фананана и убил из них три тысячи и убил царей их» (RES 3945,18), и *wwm/mhđ/s'dm... wwít/kl/'hgrhmw/wqtlhmw/šlft/'lfm* «когда он разгромил Са'адам... и сжег все города их и убил из них три тысячи» (RES 3945,3)¹⁵.

В надписи RES 3946, сообщающей о мирных деяниях того же Кариба'ила Ватара, сына Замар'алайа II, также упоминается множество местных владений; однако они не квалифицируются как царства, и даже их правители никогда не называются царями. Титул приводится только в одном случае: Хадархумув, сын Хал'амара, первенец (*bkr*) Маф'алама (RES 3946,2). В других случаях главы владений обозначаются просто по родоплеменной принадлежности, через частицу *d* (в том числе—и тот же самый Хадархумув, сын Хал'амара, см.: RES 3946, 3—4-*hđrhmw/dmí'lm* „Хадархумув зү-Маф'алам“): *'mwqh/d.mrm* (RES 3946,2), *y'iq/dhwlñ* (RES 3946,3) *r'bm/bn/hl'mr* (RES 3946,4), *hlkrb/dgrñ* (RES 3946,4) и т. д. К сожалению, характер этих образований очень трудно себе представить; их названия большей частью совершенно не известны нам по другим источникам. В тех же случаях, когда названия владений упоминаются в других надписях, они обычно квалифицируются как *hgr* — «город» (Нашан, Харамам, Каминахува, Маф'алам и другие), причем в ряде случаев эти города точно локализируются и известны по многочисленным надписям, найденных в них.

Иногда надпись RES 3945 дает более подробное описание таких владений; при этом упоминается собственное имя владения *w'hgrhw* «и города его». Эта формула применяется даже к такому хорошо известному минейскому городу, как Нашан (см. RES 3945,14: *wywm/mhđ/nšñ/wwít/'hgrhw* «И когда он разгромил Нашан и сжег города его»). Собственно, каждый раз, когда Кариба'ил сообщает о захвате новой области или владения, следует формула *wwít/(kl)'/hgrhw* «И сжег (все) города его».

Тот же термин применяется для обозначения составных частей Сабейского государства и во вводной формуле надписи RES 3946,1 (*'lt/'hgrm/w'bd'm* «Вот—города и области...»). Однако здесь рядом с ним появляется и другой термин—*'bd'm*—«области». Эти же два обозначения применяются и

¹⁵ Отметим кстати, что и большие государства Южной Аравии также обозначаются просто собственными именами, без какого-либо специального квалифицирующего термина

RES 3945,6, чтобы обозначить составные части государства 'Авсан: говоря о возвращении сабейцев из 'Авсана, Кариба'ил Ватар пишет: wh'tw... bn/'bd^c/d'wsp/w'hgrhw «и он вывел... из областей 'Авсана и городов его». Иногда так же обозначаются и более мелкие образования¹⁶.

Термины hgr (мн. 'hgr) и bd^c (мн. 'bd^c, bd^c) широко используются в надписях RES 3945 и 3946 и позволяют установить разницу понятий, скрытых за ними. В обоих случаях подразумевается какая-то территория, сопоставляющая часть того или иного государства—Саба', 'Авсан и т. д., или более мелкого образования. Однако термин hgr обозначается, как правило, собственным именем и может употребляться самостоятельно, тогда как bd^c никогда не имеет собственного имени и никогда не обозначает самостоятельной единицы, а всегда только принадлежности или часть другой единицы, также названной в тексте (см., например, RES 3945,9: wkl/bd^c/c'bdn «и вся область 'Абдана)¹⁷. Значение термина превосходно определяет А. Бистон: «Область или территория, окружающая город и административно зависящая от него»¹⁸.

Таким образом, мы приходим к выводу, что внутреннее деление Сабейского государства в эпоху мукаррибов было территориальным, причем основной административной единицей был hgr «город»; однако в подчинении такого «города» могли находиться другие поселения, также называвшиеся «городами» ('hgr).

Но насколько достоверно положение, что «города», о которых сообщают надписи RES 3945 и 3946, входили (по крайней мере, частично) в состав Сабейского государства? Может быть, их скорее следует рассматривать как независимые или полусамостоятельные владения или государства, захваченные

¹⁶ См., например, SRES 3945,9: sybn/wbd^chw/w'hgrhw «Сайбан и области его и города его».

¹⁷ В RES 3946,8 мы читаем: kl/dqny/bbd^c/wnb/wkl/bd^c/ftrm/wqnt, где, казалось бы, имена wnb, ftrm и qnt следует понимать как названия областей (bd^c). Но далее в той же строке упоминаются 'hgrhw/mf^clm/ /w^cftrm/wqnt «города его, Мафсалам и Фатарам и Қанат», а Ванаб назван в первой строке этой же надписи рядом с такими известными городами, как Кутал и Йасил. Соответственно текст следует переводить: «Все, чем он владел в области Ванаба и все области Фатарамы и Қаната».

¹⁸ А. Beeston, *Sabaeen Inscriptions*. Oxford, 1937, стр. 67; ср. N. Rhodokanakis, *Qatabanische Texte zur Bodenwirtschaft*, II. SBAW, 198, Wien, 1922, стр. 87—88.

(RES 3945) или союзные и подчиненные (RES 3946) государству сабейских мукаррибов?

Действительно, по крайней мере часть из них известна как самостоятельные государства ('Авсан и города 'Авсана) или как города, входившие впоследствии в состав Минейского государства (Нашан, Каминахува, Иасил). Но наряду с ними упоминаются и города, несомненно входившие в состав Сабейского государства в период мукаррибов (Нашк—RES 3945, 14,17; Кутал—RES 3946, 1). Кроме того, сабейские надписи периода мукаррибов также дают нам данные о существовании внутри Саба' каких-то местных владений; к сожалению, сведения о них очень скудны.

Финальные формулы многочисленных надписей частных лиц иногда содержат, кроме упоминаний мукаррибов, также упоминания каких-то других имен¹⁹. Как правило, это имена лиц, но встречается и название города ktlm «Кутал» (СН 493, 494, 496, 498; RES 4847), хорошо известного сабейского города, уже упоминавшегося нами выше. Как название города следует понимать и поврежденное имя .hlm в надписи G1 1522²⁰ и, может быть, имя y^cm в G1 1128+1129²¹. Таким же посвящением «во имя города» заканчиваются многие надписи из Харамыма: см., например, RES 2743, 2749 и т. д.

Кроме того, все эти надписи в финальных инвокациях называют рядом с именами мукаррибов и имена лиц, отличающиеся от «характерных» имен мукаррибов: yd^c'b „Йада^c'аб“ (СН 494, 496, 498), 'bkrb „'Абкариб“ (RES 4438), b^ctr «Би^cастар» (СН 421, RES 4921), ^cmrym «^cАммрийам» (RES 4226), smhrym «Сумхурийам» (RES 4438) и т. д. Уже упоминание рядом с мукаррибом и всегда после них говорит о второстепенном, подчиненном ранге этих лиц²². По-видимому, эти имена следует понимать как имена местных правителей. К сожалению, титулатура этих правителей остается неизвестной. Только в одной надписи, СН 491, один из

¹⁹ См. СН 418, 421, 491, 493, 494, 496, 498; RES 4226, 4438, 4921; Fa. 69; G1 1128+1129, 1131+1132+1133, 1522.

²⁰ См. M. Höfner und J. M. Solé Sole, *Inschriften aus dem Gebiet zwischen Mârib und dem Gof*, „Sammlung E. Glaser“, II, SBAW, 238. Wien, 1961, стр. 9—10; H. Wissmann, *Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien*. «Sammlung E. Glaser», III, SBAW, 246. Wien, 1964, стр. 241—242.

²¹ Однако это последнее скорее следует понимать как имя лица: ср., например, y^cm как имя сабейских эпонимов: G1 1682.1(?); 1690.1; 1766,1 1775.2; 1743.1.

²² Отметим, что финальная формула может содержать только имена мукаррибов, но никогда не упоминает только местных правителей.

двух упоминаемых там «местных правителей» назван с титулом: $\text{pš}^{\text{m}}\text{mr}/\text{kbr}/\text{qum}$ «Наша'амар, кабир кайнов»; однако второй правитель, 'Абкариб, упомянутый перед Наша'амаром, не имеет титула.

В трех случаях посвятителю отмечают, что лицо, названное в финальной инвокации—их отец ('bhw: СІН 418, Fa 69; 'bhmy: G1 1131+1132+1133). Особый интерес при этом представляет надпись Fa 69, так как ее автор называет свой титул— $\text{mlk}/\text{rb}^{\text{m}}$ «царь 'Арба'ама». По-видимому, тот же титул имел и его отец, хотя в самом тексте этот факт никак не отмечен. Это позволяет сделать вывод, что упоминание титула в финальной инвокации было необязательным (как и упоминание титула mkgb «мукарриб»).

Таким образом, мы можем уверенно рассматривать лиц, упоминаемых в финальных инвокациях, но не имеющих характерных имен мукаррибов, как местных «городских» правителей, и говорить о существовании местных владений непосредственно на территории Сабейского государства. Титул глав таких владений остается неясным; однако здесь следует вспомнить несколько более позднюю надпись СІН 376=Ja 557, упоминающую $\text{mlk}/\text{mr}^{\text{yb}}$ «царя Мариба»²³.

Таким образом, возможны два разных титула местных правителей: mlk «царь» и kbr «кабир». Они совпадают с теми титулами, которые дают главам мелких государственных образований надписи RES 3945 и 3946, где мы отмечали также два варианта: mlk «царь» и bkr «первенец»²⁴. Наконец, эти два титула соответствуют и двум формам титулов верховных правителей всего Сабейского государства, mkgb «мукарриб» и mlk «царь»²⁵.

Из местных правителей нам лучше всего известны правители Кутала, упоминаемые в значительном числе надписей. Сохранились имена двух из них: $\text{ydc}'\text{b}$ «Иада'аб» (СІН 494, 496, 498) и 'hkrb «'Ахкариб» (СІН 498). При этом Иада'аб упоминается не только в финальной инвокации,

²³ Отметим, что «местные правители» довольно часто носят «характерные имена» общесабейских эпонимов: 'Абкариб, Ма'адкариб, Би'астар. Однако во всех случаях, когда финальная инвокация называет двух местных правителей, эпонимное имя носит только один.

²⁴ Однотипность титулов bkr и kbr показывает титулатура эпонимов из племени Халил, в которой встречается сложный титул $\text{bkr}/\text{hl}/\text{wkbr}/\text{hmw}$ «первенец (племени) Халил и кабир их» (см.: G1 1679, 1683, 1773 а, б).

²⁵ См. А. Лундин, Царская власть в Южной Аравии в I тыс. до н. э., ВДИ, № 30, 1970, стр. 3—15.

но и в тексте надписи, в «датировочной формуле» $uw\bar{m}/\check{s}um\bar{h}w/yd^c'b/c'ly/ktlm/wb^c'ly/mny/byt/dt/hmum$ «когда назначил его (автора надписи.—А. Л.) Йада^{c'}аб над Куталем над постройкой храма зат-Химйам». С этой формулой перекликается датировочная формула надписи Ру 584, найденной на значительном расстоянии от Кутала, в Хартумас-Суд: $wuwm/smhw/yd^c'b/bn/smhrum/b|c'l y/...$ «и когда назначил его Йада^{c'}аб, сын Сумхурийама н[ад...]; к сожалению, эта надпись повреждена и финальная инвокация отсутствует. Совпадение и имени, и всей формулы при палеографической близости надписей позволяет отождествить Йада^{c'}аба из Кутала и Йада^{c'}аба, сына Сумхурийама. Таким образом, мы приходим к выводу, что «местное владение» Йада^{c'}аба, достигало весьма значительных размеров²⁶.

Может быть, отца Йада^{c'}аба Сумхурийама можно отождествить с «местным правителем», упоминаемым надписью RES 4438, в которой финальная формула завершается словами $wb/smhrum/wb/'bkrb$ «и во имя Сумхурийама и во имя 'Абкариба». Тогда можно сделать вывод, что «местные владения» на территории Сабейского государства имели прочные, устойчивые династии. Интересно отметить, что мы совершенно не имеем собственных надписей местных правителей или, во всяком случае, никаких критериев для выделения этих текстов из общей категории надписей «частных лиц».

Единственная функция местных правителей, выделить которую позволяет имеющийся материал, схожа с основной функцией сабейских мукаррибов—строительной. Действительно, формула $uw\bar{m}/\check{s}um$ показывает, что Йада^{c'}аб ведал храмовым строительством, хотя и не занимался им лично, а поручал каким-то другим лицам²⁷. Однако это строительство обращено не к ^cАстару или 'Алмакаху, главным божествам сабейцев, а к зат-Химйам, божеству, хотя и входившему в число общесабейских богов²⁸, но занимавшему в сабейском пантеоне подчиненное положение.

²⁶ Датировочная формула надписей СИН 494, 496 показывает, видимо, что Кутал был лишь составной частью владений Йада^{c'}аба и управлялся назначенным им лицом. Однако неизвестно, где находился центр этого государственного образования.

²⁷ Ср. более позднюю практику сабейских царей в III—II вв. до н. э. Лундин, Царская власть, стр. 6—7.

²⁸ Зат-Химйам упоминается в финальных инвокациях как в надписях мукаррибов (СИН 366 α, β; RES 3950, 4814), так и в многочисленных надписях частных лиц (Fa 69, СИН 423, 549; Gl 1175+1130+1134, 1524 и т. д.) и занимает в них обычно третье место, после ^cАстара и 'Алмакаха.

В этой связи следует отметить, что города Сабейского государства в эпоху мукаррибов имели храмы местных божеств, причем эти божества обычно входили также, хотя и на подчиненном положении, в общесабейский пантеон. В Кутале таким городским божеством была зат-Химйам, в Джидфир иби Мунайхир²⁹—Сами^c зу-Забйат³⁰ и т. д. К сожалению, для главных городов Сабейского государства, Мариба и Сирваха в Хаулане, трудно судить, существовали ли там подобные же «локальные» храмы, или городскими храмами были общесабейские храмы 'Алмакаха³¹.

Таким образом, «местные владения» или административные единицы Сабейского государства можно охарактеризовать как территориальные единицы—города (hgr), в которые входила сельская округа (bḏ^c «область») и поселения, видимо—автономные, обозначавшиеся тем же термином hgr. Эти города имели свой собственный культ и местные храмы и управлялись правителями, носившими титулы kbr (bkr) или mlk. По-видимому, в них существовал также совет старейшин—mšwd. Так, надпись RES 4907 упоминает mšwd/crm «совет старейшин 'Арарама», вероятно идентичного с более поздним названием города в оазисе Рагван—'Арарат³².

Эти данные полностью подтверждаются материалом более поздних надписей, в первую очередь—царских декретов III—II вв. до н. э. Так, декрет RES 3951 адресован luf^c krb/kbr/šrwḥ/bn/drh'l/wmšwd/šrwḥ/wš^c bn/šrwḥ «Йаса^c карибу, кабиру Сирваха, сыну Зарах'ила, и совету старейшин Сирваха и племени Сирваха». Эта формула дает нам ясное представление о структуре местных владений. Отметим прежде всего, что несколько ниже, когда речь идет о владении целиком, оно названо hgr/šrwḥ «город Сирваха» (строка 4); таким образом, нет сомнений, что в тексте речь идет имен-

²⁹ Древнее название этого городища точно не установлено; найденная там надпись G1 1522 содержит в финальной инвокации поврежденное название города .hlm. См. Höfner-Sola Solé, стр. 9—27.

³⁰ Сами^c не упоминается в надписях мукаррибов, но довольно часто — в надписях частных лиц (см. Höfner-Sola Solé, стр. 13—14), обычно—после зат-Химйам и зат-Басдан.

³¹ Отметим, однако, что если марибский 'lmqh/b^cl/wm «'Алмаках, владыка 'Авбама» и был действительно общесабейским богом, то сирвахский 'lmqh/b^cl/w^cl «'Алмаках, владыка каменных баранов» является скорее локальным божеством города Сирваха.

³² См. Лундин, О праве на воду, стр. 47; ср. H. Wissmann, Zur Geschichte, стр. 234.

но о владении—городе. В формуле перечисляются: правитель города—кабир, совет и «племя», т. е. все свободное и полноправное население, граждане города.

Формула поражает своим сходством с официальными формулами декретов и постановлений классических греческих полисов—«совет и народ»—и позволяет говорить о том, что местные владения, на которые делилось Сабейское государство, представляли собой самоуправляющиеся гражданские общины, организованные по территориальному принципу, управлявшиеся городским советом и, может быть, также и народным собранием гражданской общины—племени ($\text{\textcircled{S}b}$). Термин $\text{\textcircled{S}b}$, который обычно переводится «племя», обозначает, таким образом, уже в период мукаррибов не собственно племя, а территориальную организацию, население определенного поселения или группы поселений, т. е. территориальную гражданскую общину. Однако эта община конституирована по образцу племени и, вероятно, в некоторых случаях сохраняет кровнородственное ядро и племенное самосознание³³. Возглавляли такие города специальные магистраты—кабиры и иногда, может быть, цари.

Поражает тот факт, что города, явно составляющие основу внутреннего деления Сабейского государства, никак не отражены в его «административном делении». Действительно, даже такие важные и крупные города, как Мариб, Сирвах, Кутал, никак не представлены в важнейшем общесабейском государственном органе—совете старейшин. Между тем, этот совет комплектуется из представителей определенных подразделений Сабейского государства—«племен совета». Совет имеет следующую структуру: он состоит из главы государства, мукарриба или царя, представителей шести «племен совета» и еще какого-то особого лица, видимо секретаря. Последнюю должность занимает также представитель одного из шести племен; видимо, она переходит от одного племени к другому в установленном порядке. Племена совета делятся на две равные группы с неравным представительством: первую составляют «эпонимные племена» 'Ад'ил, Халил и Назхат, образующие племенной союз, иногда обозначаемый именем «Саб'а'; вторую—«неэпонимные племена» Файшан, 'Арба ан и 'Ахс'аран, образующие союз «Файшан»; неэпонимные племена имеют половинное представительство в совете³⁴.

³³ Это и дает нам основание сохранить традиционный перевод термина «племя», оговорив его конкретное значение в исследуемую эпоху.

³⁴ См. *Лундин*, К возникновению, стр. 50—72.

Однако племена совета никак не отражены во внутреннем делении Сабейского государства; нам не известно ни одного города или области, которые бы принадлежали одному из племен совета. Локализовать эти племена также не удается. Так, если список эпонимов племени Халил и, следовательно, культовый центр племени надежно локализуется в Хаджар 'Архаб³⁵ и там же поблизости следует помещать «Инанан, ветвь Халил³⁶, то надписи, упоминающие членов этого же племени, обнаружены и в Марибе (Fa 30, 103, Sh 42 и т. д.), и в Сирвахе в Хаулане (Fa 30, Gl 1533 и т. д.), и в Рийаме (СИН 361, 393 и т. д.), т. е. во всех основных центрах Сабейского государства.

Надписи, обращенные к божеству племени Халил, «Астару зу-Зибану, обнаружены в 'Архабе, в Сан' а' (СИН 367+Л 1637), на городище Хартум ас-Суд к востоку от Ма'ина (Ry 585, 586) и в оазисе Рагван к северу от Мариба (RES 4906 и, вероятно, Gl A710) т. е. почти по всей территории Сабейского государства.

Надписи, упоминающие племя 'Арба'ан, найдены преимущественно в Марибе, но Милхан, один из родов этого племени, локализуется в области Нихм к северо-западу от Мариба³⁸. Примерно так же обстоит дело и с другими племенами совета старейшин: в лучшем случае удается локализовать их культовые центры, тогда как надписи, упоминающие членов племени, почти равномерно распределены по всей сабейской территории.

Может быть, это обстоятельство следует связать с тем фактом, что в том единственном случае, когда «племя совета» как-то квалифицировано в надписи периода мукаррибов (RES 3946, 4, 8—племя Файшан), оно названо термином ḥw, а не обычным сабейским (и вообще древнееменским) š^cb³⁹.

Термин ḥw встречается в древнееменской эпиграфике, кроме упомянутого места, также в минейской надписи RES 2771,6⁴⁰ во фразе kl/m^cnm/wd/ytl/ḥrsm/wḥwsm «Весь Ма'ин

³⁵ H. Wissmann, Zur Geschichte, стр. 299; ср. Лундин, ВДИ, № I, 1969, стр. 159.

³⁶ H. Wissmann, Zur Geschichte, стр. 301.

³⁷ А. Лундин, Новый фрагмент сабейской надписи периода мукаррибов. ПС 15, 1966, стр. 51.

³⁸ H. Wissmann, Zur Geschichte, стр. 232 и рис. 17.

³⁹ См., однако, š^cbhmw/fyṣn в более поздних надписях СИН 126, 9 Ja 558,7.

⁴⁰ В надписи RES 4176,3 контекст слишком неясен, чтобы это место можно было использовать для выяснения значения термина.

и зу-Насил, свободные их и һw их». Противопоставление һг «свободных» и һw дало основание для обычного перевода последнего термина «несвободные, рабы»⁴¹. То же толкование применяется и к фазе уšmw/һwhw/фушп в надписи RES 3946, 4, 8, причем даже делается вывод, что Файшан было неполноправным племенем, зависевшим от мукарриба⁴².

Между тем, һw несомненно соответствует северноарабскому термину һауу «племя», обозначающему одну из самых высоких ступеней племенного единства, на порядок выше, чем šc^b⁴³. Это же значение следует принять и для южноарабского термина. Действительно, оно совершенно бесспорно для контекста RES 3946, 4, 8—уšmw/һwhw/фушп «присоединил к своему племени Файшан», где Файшан несомненно обозначает людской коллектив или территорию; оно вполне подходит и к контексту RES 2771, где упомянуты две категории населения Ма^cина, «свободные их и соплеменники их», причем вторая является более высокой в социальной иерархии⁴⁴.

Наличие двух терминов, šc^b и һw, позволяет понимать последний как обозначение кровнородственного племени, объединяющего людей только по принципу общности происхождения, без учета места их обитания. Такое определение кажется, как мы видели выше, вполне подходящим для «племен совета». Это объясняет одновременное существование двух принципов внутреннего деления Сабейского государства: деления на территориальные владения—«города», не представленные в общесабейском совете старейшин, и деления на «пле-

⁴¹ См. например: A. Beeston, *Sabaeen Inscriptions*. Oxford, 1937, стр. 79; A. Jamme, *Les inscriptions minéennes TaAM 4 et 5*. «Cahiers de Byrsa», IV, 1954, стр. 138—139; Г. М. Байэр, «Мукарриб» и «царь», стр. 30, прим. 78. Однако, уже В. Мюллер выразил сомнение в правильности этого перевода (W. W. Müller, *Die Wurzeln Mediae und Tertiae W/Y im Altsüdarabischen*. Tübingen, 1962, стр. 46).

⁴² См. Г. М. Байэр, *Некоторые социальные термины*, стр. 320; он же, *Сабейские надписи как источник для исследования поземельных отношений в Сабе «эпохи мукаррибов»*. М., 1964, стр. 29.

⁴³ A. Biberstein Kazimirski, *Dictionnaire arabe-français*, I, Paris, 1846, стр. 1234. Ср., однако, W. Caskel, *Ġamharat an-Nasab, das genealogische Werk des Hišam ibn Muḥammed al-Kalbi*, I, Leiden, 1966, стр. 53—54.

⁴⁴ По любезному сообщению проф. И. Н. Винникова, термин һг этимологически значит скорее не просто «свободные», а «освобожденные», т. е. «вольнотпущенники».

мена совета»⁴⁵, никак не отраженные в территориальном делении государства.

По-видимому, в древнем Сабейском государстве существовало «двойное подчинение» населения: каждый свободный полноправный гражданин являлся членом территориального объединения (hgr — города—государства) и одновременно— членом одного из шести кровнородственных племен совета старейшин.

Мы обнаруживаем в древнем Йемене две линии государственного устройства, линии, не пересекающиеся между собой. Одна—это Сабейское государство со всеми органами и функциями государства: верховным правителем и советом старейшин, обладающими значительной властью, национальным божеством и т. п., причем с органами действующими: ведущими войны и строительство, издающими уголовные законы и административные распоряжения и т. п.

Вторая—многочисленные города-государства, также со всеми органами управления: царями, советами старейшин, чиновниками, со своими городскими культурами общесабейских божеств, причем совершенно (или почти совершенно) независимые во всех своих делах от Сабейского государства. Города могут вступать с ним в отношения союза или военного конфликта, продавать ему земли или приобретать их и т. п. Правда, имеются и факты несомненной зависимости отдельных

⁴⁵ Не следует думать, однако, что «племена совета» являлись чисто «духовными» понятиями, не связанными ни с какими определенными городами и районами. Все они имели свои культовые центры, т. е. реальные поселения, принадлежавшие соответствующим племенам. Кроме того, в некоторых местностях, несомненно, сохранялось компактное население, сохранившее память о реальном кровном родстве и несмешанное (или мало смешанное) с выходцами из других племен. В новых условиях общего господства территориальных связей эти кровнородственные племена (чаще, видимо, ветви старых племен совета) имели статус, идентичный статусу территориальных племен—š'cb. Видимо, этим и объясняется то, что племя Файшан в более поздних надписях (Ja 558, 629), но уже со II в. до н. э. (СН 126), может обозначаться термином š'cb.

Если учесть, что и территориальные объединения конституировались по племенному образцу и, вероятно, возводили себя к фиктивным общим предкам (о чем говорит хотя бы титул правителя города Мафсалам в RES 3946.3 'bkr/dm'clm «первенец зу-Мафсалам»), то становится ясным, что граница между кровнородственным и территориальным племенем была иногда чрезвычайно трудной и подвижной. О живучести старых представлений говорит тот факт, что даже в наши дни, после 3 000 лет господства классового общества, большая часть населения Йемена осознает свои объединения как «племена».

городов от Сабейского государства (Нашк. Сирвах), но они очень малочисленны и, может быть, зависят от самой исторической ситуации.

Взаимоотношения городов и государства остаются неясными и нуждаются в дальнейшем исследовании не только на материале древнего Йемена, но и на материале других областей древнего мира, где во многих странах могут быть обнаружены по крайней мере пережитки аналогичной ситуации, либо в форме сакральных или сакрально-политических союзов, объединяющих совершенно независимые города-государства (Шумер, Греция), либо в виде местных объединений—номов, существующих на территории единого государства (Египет).

Д. А. ХАХУТАИШВИЛИ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ ИБЕРИИ И ИХ РАЗВИТИЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

За последнее время как у нас, так и за рубежом наблюдается возросший интерес к изучению истории древних городских цивилизаций¹. Разумеется, такая заинтересованность не могла быть реальной без широких археологических работ, развернутых за последние годы во всех странах мира. На фоне этой общей тенденции не составляют исключения и страны Закавказья, в частности Иберия и Колхида.

В дореволюционной действительности, по известным причинам, почти не было материалов, необходимых для изучения истории дофеодальных городов Иберии и Колхиды, не существовали организации и национальные кадры, заинтересованные и способные заняться этой проблемой; да и сам уровень развития картвелологических дисциплин еще не достиг в ту пору нужной высоты.

Все эти неблагоприятные обстоятельства и обусловили то, что на протяжении ста с лишним лет по изучению городов античной Грузии не наблюдалось сколько-нибудь заметных сдвигов.

В историографии указанного периода бытовало высказанное П. Иоселиани мнение, якобы «все древнейшие города (Грузии), основание которых приписывается Картлосу и его

¹ R. d'Ambrosio, *Alle origini della citta*, Napoli, 1956. *Courses toward Urban Life*. Viking Found Publication in Anthropology. 32, New York, 1962; А. М. Анакцдзе, *Города и городская жизнь в древней Грузии*. Тбилиси, 1963; R. M. Adams, *The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*, Chicago, 1966; Д. А. Хакхуцайшвили, *Вопросы истории городов Иберии*, Тбилиси, 1966; В. М. Массон, *Протогородская цивилизация юга Средней Азии*, СА, 1967, № 3; М. П. Инацзе, *Причерноморские города древней Колхиды*, Тбилиси, 1968 и т. д.

ближайшим потомкам, были не что иное, как горные крепости, под сенью которых охотно водворялось население»². Позднее появилась еще одна, довольно распространенная гипотеза, по которой древнейшие города стран Закавказья генетически связывались с торговыми путями. Более того, некоторые исследователи утверждали даже, что экономический подъем стран Закавказья в эллинистическую эпоху был обусловлен наличием здесь международного транзитно-торгового пути³.

Лишь в 50-е годы нашего столетия широко развернулись начатые еще до Великой Отечественной войны раскопки древних городищ и селищ, усилились темпы выявления и критического изучения письменных источников, а также подготовки научных кадров. В конечном счете, все эти явления обусловили рост научного интереса к вопросам истории городов древней Грузии. Не удивительно, что в сфере внимания исследователей сказались и вопросы генезиса раннеклассовых городов.

В новой ситуации, казалось бы, никого не могли удовлетворить устаревшие положения, ошибочность которых становилась все яснее. Однако, как ни странно, эти положения проявили завидную живучесть и, в несколько измененном виде, сохранились вплоть до настоящего времени⁴.

После того, как старые положения о генезисе городов раннеклассовой Грузии подверглись критике, некоторые исследователи постарались модернизовать их, придать им более современный вид путем слияния элементов разных гипотез в одну, внешне вполне убедительную систему⁵. Если раньше древние города Грузии генетически связывались с крепостями или торговыми путями, то авторы и последователи нового положения думают, что эти города генетически восходят к административным центрам, крепостям и пунктам на торговых путях экономически развитых районов страны⁶.

² Платон Иоселиани, Города, существовавшие и существующие в Грузии, Тифлис, 1850, стр. 79.

³ Подробно см. Д. А. Хакхутайшвили, К вопросу о географическом расположении городов античной Иберии, «Сообщения АН ГССР», т. XXII, № 4, 1959, стр. 499—504.

⁴ Леван Чилашвили, Города в феодальной Грузии, Тбилиси, 1968, стр. 35—36, 68—69, 79—80 и др. (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

⁵ Подробно см. Д. А. Хакхутайшвили, Вопросы истории городов Иберии, стр. 26—46 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

⁶ Подробно см. Д. А. Хакхутайшвили, К вопросу о генезисе и сущности городов рабовладельческой Грузии, «Моамбе (Вестник) Отдела общественных наук АН ГССР», 1961, № 2, стр. 306—319. Лит-ра в сносках (на груз. яз.).

Данное положение и в этой редакции кажется нам неприемлемым. Последователи этого положения не учитывают того бесспорного факта, что одна, более ранняя группа античных городов Иберии возникла в процессе градообразования, а вторая, более поздняя—в период градостроительства. Обе эти группы городов, бесспорно, возникли в результате закономерного поступательного развития древнеиберийского общества; но градостроительство, как известно, хотя бы внешне, являлось субъективно направленным процессом, явлением второй ступени, т. е. того времени, когда в стране уже существовали определенные традиции городской жизни. Градообразование же было явлением той эпохи, когда при общем поступательном развитии общества, в результате воздействия объективных условий, определенного типа поселения ускоряли темпы своего развития и становились городами, переходя из одного качественного состояния в другое.

Ранняя группа античных городов Иберии хронологически относится к VI—IV вв. до н. э., а более поздняя—к периоду существования царской власти, т. е. к III в. до н. э. и последующему времени.

Хотя в процессе возникновения более поздней группы античных городов Иберии определенную роль сыграли и торговые пути, из этого не следует, что и ранняя группа иберийских городов генетически восходит к торговым путям. Надо считать бесспорной истиной, что древнейшие города и торговые пути не существовали друг без друга.

Известные науке материалы дают нам возможность лишь утверждать, что возникновение ранней группы городов и оформление древнейших торговых путей являются едиными, органически связанными между собой, совершенно синхронными процессами. Мы имеем полное основание думать, что география древнейших городов определялась не торговыми путями, а напротив, месторасположение экономически развитых районов и их городов определяло географию торговых путей⁷.

Ранняя группа городов античной Иберии возникла еще в догосударственный период, как поселения городского типа. В указанное время еще не существовали ни крепости, ни административные центры. Эти институты характерны лишь для политически оформившегося общества. Известно также, что раннеклассовое общество и центры городской жизни возникают несколько раньше, чем государственная власть и ее институты, в том числе крепости и административные центры. Мы

⁷ Д. А. Хахутайшвили, К вопросу о географическом расположении городов античной Иберии, стр. 499—504.

отвергаем, как необоснованную, попытку некоторых исследователей признать крепостями все древние поселения, имеющие ограду⁸, но разделяем мнение той группы советских ученых, которая считает, что крепость представляла собой опору политического и социального господства, являлась признаком существования института порабощения (Н. А. Бердзенишвили, М. М. Дьяконов, И. М. Дьяконов и др.).

Таким образом, о генетической связи городов с административными центрами, крепостями и торговыми путями можно говорить лишь относительно их поздней группы, и то не всегда: ведь в указанный период как город могла оформиться не только какая-нибудь крепость или административный центр, но и рядовое поселение, удобно расположенное в хорошо развитом экономически районе.

Действительная картина возникновения древнейшей группы античных городов Иберии нам представляется в следующем виде: на исходе II и в начале I тыс. до н. э. на равнинах и в предгорьях Иберии и Колхиды возникают поселения принципиально нового типа, окончательно оформившиеся к VII—VI вв. до н. э.; топография этих поселений характеризовалась следующими данными: центр поселения представлял собой укрепленную возвышенность, в которой находились общинные святилища и проживала общинная аристократическая верхушка. Фортификационная система, как правило, была представлена широким рвом и оградой, построенной из камня, сырца или дерева. (Ховлегора, Нацаргора, Катналихеви-Уплисцихе, Кобулет-Намчедури, так называемая Батумская крепость и т. д.).

Вокруг укрепленной части поселений располагались неукрепленные участки, где, по всем данным, проживали рядовые члены сельских общин. Выясняется также, что в данное время на равнине Иберии самой первичной хозяйственной ячейкой являлась малая семья. В известной нам материальной культуре этого периода не наблюдается признаков существования так называемой большой семьи. Зато имеются данные о наличии семейной частной собственности на скот и продукцию сельскохозяйственного и ремесленного производства (поселение близ Ховле и Уплисцихе). С определенной долей вероятности можно говорить о зарождении частной собственности на землю.

Для специалиста, изучающего древние общества, особенно интересны ремесленные участки этих поселений. Они располагались на некотором удалении (иногда довольно значитель-

⁸ *Леван Чилашвили*, Города в феодальной Грузии, стр. 79—81.

ном) от основного поселения; их обитатели занимались одним или несколькими видами ремесла (гончарное дело, металлургия, металлообработка, ювелирное дело, стеклоделие, художественное ремесло и т. д.). Так, например, выявленный в комплексе ховлинского поселения ремесленный участок гончаров функционировал с IX по IV вв. до н. э. Было также выяснено, что данное поселение имело и металлообрабатывающую мастерскую. Приблизительно такая же картина была установлена в Квемо Болниси, Квемо Кеди, Хирса, Нацаргора, Пичвиари-Кобулет-Чолоки, на Сухумской горе и т. д.⁹ Следовательно, во всех развитых районах Иберии и Колхиды встречались крупные поселения с подобной сложной топографией.

Полученные наукой за последние годы данные позволяют нам утверждать, что первая треть I тыс. до н. э. для равнинных и предгорных районов Иберии и Колхиды была периодом становления крупных, поселкового типа поселений с ремесленными участками.

Следует указать, что в топографии этих поселений замечаются первые признаки зарождения процесса внутренней социальной дифференциации общества.

В VII—VI вв. до н. э. некоторые из этих поселений предстают как поселения городского типа, а в V—III вв. до н. э. окончательно оформляются как раннеклассовые городские центры (Уплисхихе, Мцхета, Урбниси, Гори, Каспи и т. д.). Другая же часть крупных поселений после подъема приходит в упадок или вовсе прекращает существование (Ховле, Нацаргора, Квемо Кеди, Хирса и т. д.). Безусловно, возникновение городов и городского товарно-ремесленного производства подорвало основы существования прежних локальных ремесленных центров и ускорило процесс падения определенной группы крупных поселений.

Судя по материалам центральной провинции Иберии, так называемой «Верхней страны», ранними городами становились крупные поселения, расположенные в хозяйственно развитых районах, имеющих значительный экономический потенциал. Но отбор происходил не только среди районов, но и среди крупных поселений порайонно. Как правило, городами становились лишь те крупные поселения, которые имели лучшие условия, такие, как надежность фортификации, прочность положения общины — гегемона, высокий уровень развития ремесленного производства и наличие перспективы

⁹ Подробно см. Д. А. Хахутайшвили, Вопросы истории городов Иберии, стр. 62—72, 125—142.

дальнейшего его расширения, месторасположение у берега главной реки и т. д. Все эти обстоятельства и составляли предпосылки, определяющие в границах конкретного экономического района возвышение одних поселений и падение других.

Некоторые районы Иберии, хотя и имели довольно высокую хозяйственную культуру, не обладали экономическим потенциалом, достаточным для обеспечения возникновения и развития городов. В таких районах, как правило, мы не находим следов существования раннеклассовых городов. Так, например, в той же «Верхней стране» Иберии все города античного периода расположены по левобережью Куры (исключительное положение Мцхета имеет особое объяснение).

Хотя исследователи, генетически связывающие древнейшие города Иберии с торговыми путями, предлагают нам другое толкование этого факта, но мы все-таки должны констатировать, что в процессе градообразования основным и решающим являлся экономический потенциал данного района, наличие там постоянно действующего стимулятора или комплекса стимуляторов. В районах, где имелись эти условия, возникали города и оформлялись первые торговые пути, но в тех районах, где эти условия отсутствовали, мы не можем указать хотя бы одного случая возникновения раннеклассового городского центра. Именно такие районы и были расположены по правобережью р. Куры, в зоне «Верхней страны» Иберии.

Не подлежит сомнению, что чем явственнее крупные поселения Иберии раннежелезного периода принимали облик городов, тем скорее пути их сообщения становились торговыми путями.

Позднее, если территорию такой страны должна была пересекать трасса международной транзитной торговли, то в пределах данной страны эту роль совмещала та из местных торговых дорог, которая лучше других отвечала требованиям возникшей ситуации.

В раннеэллинистический период на территории «Верхней страны» Иберии в такой роли выступала существовавшая еще с VI—V вв. до н. э. и пролегавшая по левобережью Куры одна из местных торговых дорог.

Период с III в. до н. э. по III в. н. э. является временем расцвета городов Иберии. С конца III в. н. э. замечаются тенденции упадка раннеклассовых городских центров; с этого же времени начинают появляться города нового типа—так называемые города-крепости. К тому же в результате перемен, происходящих в обществе, начинается перемещение городских и административных центров стран.

IV—VI века н. э. являются периодом окончательного упадка старых городов раннеклассового типа и становления городов нового образца, городов-крепостей.

В городах раннеклассовой Иберии, судя по более поздним материалам, с самого начала проживали лишь коренные общины, наследники общин-гегемонов крупных поселений раннежелезного периода. Лишь с позднеэллинистического времени появляются здесь, по всей вероятности, некоренные общины иранского, сирийского, еврейского происхождения.

Как коренные, так и некоторые общины были устроены на религиозно-этнической основе. Вполне полноправной была коренная община, в состав которой, в особых случаях, могли зачислить отдельную семью или род некоренной общины.

Некоренные общины состояли из домов (родов), имели своих «главных людей» и, как видно, не обладали правом владения землей.

Первые бесспорные признаки брожения внутри общины и подрыва общинной собственности замечаются задолго до городской цивилизации, в период раннего этапа хозяйственного освоения железа.

Следует признать, что магистральная линия классовобразования в Иберии шла через разложение коренных общин. Именно в коренных общинах, ставших позже городскими, как видно, процесс разложения протекал в ускоренном темпе.

Раннеклассовые города Иберии являлись, таким образом, не только торгово-ремесленными, культурно-религиозными и военно-административными центрами, но и узловыми пунктами социальных противоречий и классовых преобразований.

Г. Х. САРКИСЯН

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ В СЕЛЕВКИДСКОЙ ВАВИЛОНИИ

Для Передней Азии эллинистического периода весьма характерным является такой тип города, в котором его гражданская община и его храмы—жречество и прочий персонал, слились в единую храмово-гражданскую (или гражданско-храмовую) общину. Разновидности этого типа городской общины наблюдаются в Малой Азии, Сирии, Палестине и т. д., но особенно ярко она представлена в Селевкидской Вавилонии. Частно-правовые и административные клинописные документы, в основном происходящие из Урука, рисуют довольно отчетливую картину не только внутреннего устройства этих общин—их состава, органов самоуправления и т. п., но и их внешних связей, в особенности взаимоотношений с Селевкидским государством, обрисовывая их положение в системе государства приблизительно в таких чертах, какие характеризовали также статус эллинистических полисов¹.

Взгляд на прошлое этих местных городских общин приводит к выводу, что в отношении как внутренней структуры, так

¹ Настоящая статья является непосредственным продолжением работы, начатой и прерванной автором в 50-х годах и изложенной тогда же в следующих статьях, в конх и аргументированы приведенные выше положения: Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии, «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1952, № 1, стр. 68—83 (далее—Саркисян, Самоуправляющийся город); О городской земле в Селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1953, № 1, стр. 59—73; *то же*—на англ. яз.: City Land in Seleucid Babylonia, в книге: Ancient Mesopotamia. Socio-economic History. A Collection of Studies by Soviet Scholars, M., 1969, стр. 312—331, далее—Sarkisian, City Land; Социальная роль клинописной нотариально-правовой системы в эллинистической Вавилонии, «Еос», XLVIII, 2, 1957, стр. 29—44 и др.

и государственно-правового статуса они конституировались, однако, не в эллинистический период и не под влиянием эллинистических полисов (хотя определенные результаты взаимовлияния этих двух форм городской общины и наблюдаются), а существенно раньше. Не говоря о древнейших городах-государствах Южного Двуречья, ставших затем полузависимыми составными частями государства Саргонидов, города, имевшие самоуправление в системе большого государства, существовали в Передней Азии во времена Великой Ассирийской державы², переживая в дальнейшем те или иные этапы внутренней и внешней эволюции, завершающей ступенью которой оказались городские общины эллинистического периода.

Характерной чертой этих городов, как и вообще городов древности, был их земледельческий пояс, сравнимый с *ḫōra politikā* эллинистических полисов. Документы селевкидского времени дают возможность судить как о самом факте существования такого пояса, о структуре землевладения на этой территории и т. п., так и об источниках пополнения городской земли³.

В луврском собрании имеется контракт о продаже посевной земли в окрестностях Урука, относящийся к доселевкидскому времени, к 317/316 г. до н. э.⁴, который дает нам общее представление о структуре городской земли вавилонских гражданско-храмовых общин. Объект продажи—посевное поле—это небольшой участок в 1300 кв. м, однако указано, что это лишь четвертая часть всего участка, каким располагает продавец. Участок находится в «области Урука»—*rebat Uruk^{K1}*. С одной стороны к нему примыкает частновладельческая земля—в связи с ней упомянуты лишь имена владельцев; с другой стороны с ним граничит уже земля храмовая, охарактеризованная как «земля достояния Ану»—*ŠE.NUMUN ma-ka-kūr* «Ану, однако и в связи с ней упомянуты четыре лица уточнить отношение которых к храмовой земле трудно из-за лакуны в тексте. Итак, луврский контракт, по-видимому, фиксирует наличие на городской земле Урука двух категорий

² Ср. Н. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, стр. 136 сл.

³ В частности—из земельного фонда селевкидских царей, см. *Sarkisian. City Land*, стр. 317 сл., 324 сл.

⁴ G. Contenau, Musée du Louvre, Textes cunéiformes, XIII. Contrats néobabyloniens, P., 1929, № 249, обработан у М. Rutten, Contrats de l'époque Séleucide conservés au Musée du Louvre, P., 1925, контракт VIII. Документ датирован 8 г. Филиппа Аридея.

земли—частновладельческой и храмовой (т. е. для эллинистического времени—общинной).

В настоящее время в нашем распоряжении имеется новый, пока не изданный документ из Берлинского Переднеазиатского музея за № VAT 9175, позволяющий существенно детализировать эти общие представления⁵. Он относится к 220 г. до н. э. — к началу правления Антиоха III, и содержит на обеих сторонах 60 строк. Подобно предыдущему, этот документ происходит из Урука. К сожалению, сохранность его далеко не блестящая.

Документ касается двух участков земли и фактически представляет собой два самостоятельных контракта, изложенных один вслед за другим и объединенных лишь тем, что контрагенты в них—одни и те же. Обозначена абсолютная величина лишь первого участка, но цифры, определяющие количество локтей, не сохранились (лишь одна восстанавливается весьма предположительно); величина же второго участка определена лишь упоминанием соседних участков. Как и в луврском документе, оба участка расположены в «области Урука» reḫat [Uruk^{K1}]. Сильно попорченное начало документа, где упомянуты земли, соседящие с первым из участков, не дает ясной картины, но все же различимо, что рядом была расположена частная земля—bīt ritti (KIŠIB) šā mRabi[...] (стк. 5). Описание расположения второго участка сохранилось лучше. Местом расположения этого участка оказывается храмовая земля—a-šar... takkūr dAnu (стк. 29) „место... достояния Ану“. В согласии с этим земли, граничащие с участком с северной и восточной стороны, также охарактеризованы как takkūr dAnu. С юга, однако, примыкает, по-видимому, частная земля, находящаяся в коллективной собственности нескольких братьев. Что касается земли, примыкающей к участку с запада, то она явно имеет отношение к самому контрагенту, получающему участок, Нидинтум-Ану, сыну Анубалатсуикби, возможно, принадлежит ему, хотя лакуны не дают возможности категорически утверждать это.

Данные документа VAT 9175, таким образом, подтверждают, что и в селевкидский период продолжала существовать «хора» Урука и что в состав этой «хоры» входили частные и храмовые (общинные) земли.

Основной интерес документа заключается, однако, в дальнейших его деталях. Содержащиеся в нем контракты заклю-

⁵ Документ в числе других неизданных аналогичных документов любезно предоставлен мне для публикации дирекцией Переднеазиатского музея, за что пользуюсь случаем выразить свою благодарность. Документы находятся ныне в процессе издания в Берлине.

чены между руководителем гражданско-храмовой общины Урука—*ḥraq-du šá bīt ilāni^{mes} šá Uruk^{KI}* (стк. 16, 23, 27, 39, 52)—«попечителем храмов Урука»⁶ и одним из членов этой общины, являющимся в то же время *ḥre'ū takkār* «Ану (стк. 19, 25, 27, 33, 40, 41, 47, 49)—«пастырем достояния Ану». Первый передает второму два упомянутых выше участка земли, один—сроком на 30 лет, другой—на вечные времена. Участки охарактеризованы как *ŠE.NUMUN*—«посевные поля», однако на них предусмотрено возвращение финиковых пальм, которые играют в контракте существенную роль.

Первый из участков, как было сказано, передается временно. Условия передачи—*[al]-lu za-qa-ri ḥgišimmari^I* (стк. 10)—«(вскапывание) лопатой (и) насаждение пальм» и выплата храмам ежегодно строго определенного количества—28 курру—фиников в год. «Попечитель», в свою очередь, обязывается никому другому эту землю не передавать в течение 30 лет. Перед нами несомненно случай аренды, причем арендатор расплачивается не долей урожая, а заранее оговоренным количеством продукта.

Второй участок отдается тому же лицу, но уже «на вечные времена»—а-па *u₄-mu ša-a-tú*. Компенсация частично такая же, как и в случае с первым участком, а именно—*al-lu za-qa-ri ḥgišimmari* (стк. 34)—«(вскапывание) лопатой (и) насаждение пальм», частично же—другая. Об определенном количестве фиников в год речи уже нет, скорее дело касается четвертой части какого-то продукта (возможно—пива), либо же продукта с какого-то объекта.

Передача завершается, как и в первом случае, установлением обычного штрафа за нарушение условий со стороны получателя земли и обязательством «попечителя храмов» никому другому не отдавать эту землю, с той разницей, что в данном втором случае срок действия этого обязательства, естественно, не указан.

Однако в самом конце контракта имеется положение, полностью отсутствующее в случае с первым участком; здесь указано, что «посевная земля принадлежит NN (получателю) на вечные времена, за исключением оговоренной (букв.—записанной) доли храмов»—*ŠE.NUMUN šuati^{mes} šá NN e-lat zitti šá bīt ilāni^{mes} šá šaṭ-ṭár* ана *u₄-mu ša-a-tú šu-ú* (стк. 50).

Важно было бы прежде всего понять, что означает здесь «оговоренная доля храмов». Сам по себе текст позволяет понять это и как долю земельного участка, которая, таким об-

⁶ Об этом должностном лице см. Саркисян, Самоуправляющийся город, стр. 78 сл

разом, остается за храмами, в отличие от остальной, основной части земли, поступающей в распоряжение получателя. Все же значительно более реалистичным представляется вывод, что «оговоренная доля храмов» здесь не земля, а продукт ее, а именно тот самый продукт, регулярная выплата которого храмам в контракте вменена в обязанность получателю земли.

Таким образом обстоятельства передачи второго участка носят двойственный характер. С одной стороны, они сходны с обстоятельствами передачи первого участка, т. е. с простой арендой, ибо и там, и тут имеется обязательство получателя земли обрабатывать ее и выплачивать некоторое количество продукта храмам (хотя и на разных основах — в одном случае определенное количество, в другом — долю урожая), как и обязательство «попечителя храмов» — не передавать землю другому лицу. С другой стороны, однако, передача второго участка совершается «на вечные времена», а это уже роднит наш случай с многочисленными контрактами по отчуждению (продаже, дарению, обмену и т. п.) различных объектов недвижимости в собственность контрагенту, в которых для закрепления права собственности применяется та же формула *a-na u₄-tu ša-a-tú*.

Все это побуждает думать, что наш второй случай, пожалуй, более всего подходит под понятие эмфитевсиса. Характерная черта эмфитевсиса — передача в полное распоряжение — здесь налицо, будучи выражена условием передачи «навечно». Отсюда без большого риска, тем более, что обратное в контракте не оговорено, можно вывести и другие права эмфитевта — передавать участок, вместе со связанными с ним обязанностями, по наследству, либо отчуждать его как-нибудь иначе. Такой вывод подтверждается, по моему мнению, группой документов из Урука того же периода.

Среди многих десятков изданных клинописных контрактов эллинистического времени, фиксирующих отчуждение недвижимости, можно выделить ряд таких, в которых все сходно с остальными контрактами, за исключением того, что отчуждаемая недвижимость охарактеризована в них как *tak-kūr*⁷ *Ἀνυ* — «достояние Ану»⁷. В 12 случаях это продажа, в двух —

⁷ *A. T. Clay*, *Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan*, II. *Legal Documents from Erech Dated in the Seleucid Era (312—65 B. C.)*, N.—Y., 1913 (далее — *Clay*), № 20 (71 г. селевк. эры), 23 (78 г.), 24 (82 г.), 27 (87 г.), 28 (89 г.), 25 (129 г.), 37 (133 г.), 41 (152 г.), 42 (151 г.), 45 (154 г.); *O. Schroeder*, *Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin*, XV. *Kontrakte der Seleukidenzeit aus Warka*, Lpz., 1916, № 12 (130 г.), 13 (145 г.), 22 (?), 27 (156 г.); *G. X. Сарсиян*.

обмен, в одном—раздел и в одном—передача(?). В числе объектов, правда, мы не найдем посевной земли в «хоре»; здесь встречаются мелкие пустующие и возделанные участки внутри города—*qé-geb Uruk^{K1}*, и расположенные там же дома и подсобные строения. Однако ведь в данном случае существенно не это, а то, что недвижимость, хотя и охарактеризованная как «достояние Ану», тем не менее свободно отчуждается совершенно на таких же основаниях, как в других контрактах такие же объекты, являющиеся не «достоянием Ану», а собственностью частных лиц. При этом состав контрагентов, отчуждающих «достояние Ану», не выявляет какой-либо специфичности, отнюдь не «пестрит» храмовыми служащими; их количество здесь (пять) не превышает процента храмовых служащих в прочих контрактах, не связанных с «достоянием Ану». Так что и в этом отношении контракты отобранной группы аналогичны остальным.

Особенно интересны случаи обмена и раздела. Если в контракте Clay 33 два частных лица обмениваются двумя *ki-šub-ba-a makkūr^d Anu*, то это еще не дает возможности судить о соотношении этих объектов с частновладельческими. Не уже в контракте Clay 45 *bītu* и *ki-šub-ba-a makkūr^d Anu* меняется просто на *bītu*, не обозначенное как *makkūr^d Anu*, т. е. на частновладельческий объект⁸. Ясно, что они равноценны при обмене. О том же свидетельствуют еще более отчетливо данные контракта Clay 24. Здесь делится между братьями имущество, унаследованное ими от отца и дяди, причем каждому из братьев достается по половине унаследованных ими доля «довольствия»—*išqu* и «кормления»—*kurummatu*, а кроме того, старшему брату—*bītu er-šū makkūr^d Anu*, а младшему просто *bītu* и *ki-šub-ba-a*, не обозначенные как «достояние Ану». Равноценность объектов очевидна.

Тем не менее, сохранение термина *makkūr^d Anu* при определенных объектах должно указывать не только на то, что некогда они были подлинным «достоянием Ану», но что и перейдя в руки частных лиц, продаваясь и перепродаваясь,

Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа, ВДИ, 1955, № 4, контракт V (дата отбита); неизданный контракт из Берлинского Переднеазиатского музея VAT 16474 и др.

⁸ То, что различие это не случайно и не является следствием простого впадения, ясно видно из характеристики объектов, граничащих с обмениваемыми; в первом случае это сплошь объекты, также обозначенные как «достояние Ану», а во втором—и соседние свободны от этой характеристики (Clay 45, стк. 8 сл. и 20 сл.).

завещаясь, обмениваясь и т. п., они продолжали быть связанными с определенными обязательствами в отношении храмов, которые должен был выполнять их владелец, кто бы он ни был.

Именно об этом свидетельствует контракт VAT 16474. Здесь некий урукит передает свой внутригородской участок, обозначенный как *makkiir*^{dAnu}, другому лицу, по всей вероятности—греку (что, несомненно, еще более повышает интерес, представляемый контрактом). Компенсация остается неизвестной, однако указано, что *mimma šá ultu bit ilani^{mes} it-ta-ri-da a-na muḥ-ḥi biti šuati^{mes} ina ka-re-e bitati^{mes} makkiir*^{dAnu} *i-pal-laḥ* ^m*Ar-ri-si-te-'e-wu₄-su šuati^{mes}* (стк. 18—20) — «все, что из храмов будет приказано по поводу этого участка⁹—в закромах объектов достояния Ану будет обрабатывать упомянутый Арриситевусу (Аристей)».

Здесь, кажется, все ясно. Тем не менее, никак нельзя гарантировать, что термин *makkiir*^{dAnu}, а вместе с ним и обязанности очередного распорядителя объекта, сохранялись столь угодно долго, и что с течением времени распорядители постепенно не превращались во владельцев или даже собственников. Ибо несомненно, что после передачи навечно тому или другому частному лицу, хотя бы и со вменением в обязанность определенных взносов, но, вместе с тем, с правом передачи, дарения, продажи, обмена и т. п., храмы (община) практически теряли контроль над этими объектами, а также, вероятно, и реальную возможность вернуть их в свой фонд (ибо как отнять объект, приобретенный на совершенно законном основании, посредством, скажем, купли?). С другой стороны, отсутствие документов, фиксирующих переход объекта из «достояния Ану» в частное владение или собственность, вряд ли может помешать нашему предположению, согласно которому этот переход мог происходить лишь постепенно, в порядке медленного стирания, следовательно, едва ли мог быть зафиксирован. Отнюдь не исключено, поэтому, что целый ряд из многих десятков объектов урукских контрактов интересующего нас времени, который не обозначен как «достояние Ану» и является частновладельческим, в своем недавнем или отдаленном прошлом это обозначение имел¹⁰.

⁹ Вṭti в таких контрактах выступает как термин, обозначающий не только «дом» в узком смысле слова, но и любое строение, участок, либо же сочетание строения и участка — словом, объект ведомства «достояния Ану», находящийся в частном пользовании.

¹⁰ В цитированном контракте VAT 16474 имеется указание на то, что участок от храмов был получен отцом передающего (стк. 3—7), так что «печать» ведомства *makkiir*^{dAnu} в данном случае еще достаточно свежа.

Возвращаясь к документу VAT 9175, мы, на фоне приведенных данных, полагаем, что выданный согласно контракту из земельного фонда «достояния Ану» «на вечные времена» участок относится именно к числу тех объектов, кои встречаются в других контрактах с характеристикой «достояние Ану». Разница лишь в том, что если в шестнадцати приведенных случаях речь идет о дальнейшей судьбе этих объектов, то в VAT 9175 записан акт рождения такого рода объекта, акт первичного его выхода из фонда «достояния Ану» в частные руки¹¹, с правом в дальнейшем полностью распоряжаться им, т. е. продавать, дарить, завершать, обменивать и т. п.

Все это укладывается в понятие эмфитевсиса, в том числе и сходство объектов *makkiŕ* «Ану», находящихся в частном распоряжении, с частновладельческими или частнособственническими объектами.

Таким образом, можно констатировать факт существования в Селевкидской Вавилонии не двух, как это вырисовывалось в начале настоящей статьи, а трех категорий городской земли:

а) нетронутого фонда храмовых (общинных) земель, обрабатывавшихся посредством выдачи в аренду и т. п.,

б) земель, выданных из этого фонда на определенных условиях в бессрочное—а-па и₄-ми *ša-a-tú*—пользование; вероятно это эмфитевсис, однако в ряде пунктов он весьма сходен с частным владением.

в) земель, находившихся в частном владении или собственности граждан.

Надо полагать, что в вавилонских городах эллинистического времени существовало определенное законоположение, регулировавшее земельные отношения. В связи с этим обращает на себя внимание упоминание в контракте VAT 9175, хотя и в не совсем еще выясненном из-за лакуны контексте, но, несомненно, в связи с актом передачи храмом земельного участка частному лицу «навечно», о «законе (или: установлении) царя относительно людей» *te-e-mu šá šarri šá nišu*. Можно

¹¹ Тот факт, что в данном случае получатель земли — храмовый служитель (*te'e'ū makkiŕ* «Ану»), дела не меняет, поскольку, как мы видели, для держателей «достояния Ану» отнюдь не было характерным быть обязательно храмовыми служителями. Если этот факт и свидетельствует о чем-либо, то, возможно, лишь о том, то при выдаче храмовой земли в эмфитевсис (или то, что мы в данной статье называем эмфитевсисом) храмовым служителем оказывалось предпочтение. Впрочем, едва ли такое предпочтение могло иметь большое значение, если этот храмовый служитель мог затем продать землю кому угодно.

в этой связи предположить, что земельное законодательство храмово-гражданских общин или его важнейшие положения были закреплены в установлениях селевкидских царей. Это ничуть не противоречило бы нашим представлениям об автономном положении вавилонских городов. «Вторжения» подобного рода Селевкиды совершали и в эллинистические полисы.

И. Ш. ШИФМАН

ГОРОД И ТОРГОВЛЯ В СИРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО И РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Город был важнейшей структурной ячейкой сирийского общества эпохи эллинизма и римского господства; поэтому его изучение является одной из центральных задач советской историографии, посвященной Сирии и вообще ближневосточной античности. Важность этой темы обусловлена двумя факторами: во-первых, желательность выяснить истоки полисного устройства интересующего нас периода и, во-вторых, выявить те своеобразные черты взаимоотношений между городом и царской (соответственно императорской) властью, которые сложились в эллинистической Сирии и продолжали существовать и развиваться в период римского господства.

В советской и зарубежной историографии немало сделано для решения этих сложных проблем. Правда, по первому интересующему нас вопросу широко распространена точка зрения, согласно которой полисная организация была привнесена в Сирию греческой колонизацией и, соответственно, не имела местных корней и истоков; наиболее четко эта концепция представлена в исследованиях А. Б. Рановича¹. Однако труды Н. В. Пигулевской², И. М. Дьяконова³, Г. Х. Саркисяна, А. Г. Периханяна⁴ показали, что полисная организация ха-

¹ А. Б. Ранович, *Эллинизм и его историческая роль*, М.—Л., 1949.

² Н. В. Пигулевская, *Общественные отношения в Неджране в начале VII в. н. э.*, «Советское востоковедение», т. VI, 1949, стр. 199—226; *она же*, *Город Ближнего Востока в раннем средневековье*, ВДИ, 1969, № 1, стр. 68—69.

³ И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, Л., 1949, стр. 136—138, 140—141.

⁴ Г. Х. Саркисян, *Самоуправляющийся город и храм в селевкидской Вавилонии*, ВДИ, 1952, № 1, стр. 68—83; *он же*, *Городская земля в селевкидской Вавилонии*, ВДИ, 1953, № 1, стр. 59—73; А. Г. Периханян, *Храмовые объединения Малой Азии и Армении*, М., 1959

рактерна не только для греческого общества, но может возникнуть и в среде, не затронутой воздействием эллинской цивилизации. В результате оказалось возможным поставить вопрос о местных корнях полисной организации эллинистического времени и, следовательно, об исторической преемственности между доэллинистическим и эллинистическим периодами. Кроме того, в частности на месопотамском материале, удалось определить характер этой преемственности и пути развития ближневосточного города⁵. Это обстоятельство не исключает, однако, необходимости аналогичного исследования на сирийском материале. Такое исследование позволит более глубоко раскрыть общие закономерности развития древнего общества и определить местные специфические особенности самого сирийского общества (в тех пределах, которые допускают имеющиеся в нашем распоряжении источники).

По второму вопросу, о котором шла речь выше, также достигнуто определенное понимание проблемы: установлено, что взаимоотношения города и царя (соответственно римских властей) основывались на концепции союзнических отношений; в то же время предлагалось рассматривать эллинистические государства либо как своеобразные федерации, либо как формальный союз в полном смысле этого слова между царем и независимыми по своему правовому статусу полисами. Наиболее важными для изучения этого вопроса были труды П. Занкан⁶ и А. Хейсса⁷. Взаимоотношения полиса и императорской власти неоднократно рассматривались в трудах, посвященных организации управления Империей⁸; специальную работу (где, однако, идет речь об общих правовых принципах) этой теме посвятил Д. Нёрр⁹. Однако в названных работах не была вскрыта до конца специфика и сложность взаимоотношений между городом и государем.

⁵ Н. В. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л. 1956.

⁶ P. Zanican, Il monarcato ellenistico nei suoi elementi federativi, Padova, 1934.

⁷ A. Heuss, Stadt und Herrsche des Hellenismus in ihren staats 3 und völkerrechtlichen Beziehungen, Leipzig, 1937 (Klio, Beiheft 39).

⁸ E. Kuhn, Die städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reiches bis auf die Zeiten Justinians, Bd. II, Leipzig, 1865; W. Liebenam, Forschungen zur Verfassungsgeschichte des Römischen Kaiserreichs, Bd. I, Leipzig, 1888.

⁹ D. Nörr, Imperium und Polis in der hohen Prinzipatszeit, München, 1966.

Таким образом, исследование городского строя и правового, а также политического статуса городов эллинистическо-римского времени остается на повестке дня современной исторической науки.

Во избежание недоразумений мы считаем необходимым сделать некоторые предварительные определения.

Говоря об эллинизме или о периоде эллинизма, мы во всех случаях имеем в виду тот период истории Сирии, который начался от момента завоевания страны Александром Македонским и закончился римским завоеванием, иными словами: от последней четверти IV в. до н. э. до середины I в. до н. э., оставляя в стороне вопрос об эллинизме как о культурно-историческом явлении. Говоря о времени римского господства, мы имеем в виду период Гражданских войн и Принципата, т. е. от середины I в. до н. э. и до последней четверти III в. н. э. После прихода к власти Диоклетина, в период Домината, на Востоке Империи складывается новая общественная и государственная структура, которая характеризует начало нового, византийского этапа в истории страны.

Требуется определения и термин «полис». Основываясь на том, что известно о греческих полисах доэллинистического времени, а также на том, как рассматривали проблему полиса античные теоретики, мы можем определить полис как гражданский коллектив, осуществляющий свою суверенную власть над определенной территорией, причем: административно-политическим центром является город, где расположены важнейшие храмы и государственные учреждения; только граждане имеют право быть земельными собственниками, а все остальные—лишь с разрешения гражданского коллектива; управляется гражданский коллектив народным собранием и советами, а также выборными магистратами (возможна, впрочем, и монархическая власть—царская власть, тирания)¹⁰.

¹⁰ V. Tschirikover, Die hellenistischen Städtegrundungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit, Leipzig, 1927; К. М. Колобова, Возникновение и развитие рабовладельческих полисов в Греции. Л., 1956, стр. 43—61. Обширный материал для характеристики полисов собран в трудах: H. Francotte, Le polis grecque, Paderborn, 1907; U. von Wilamowitz-Möllendorf, Staat und Gesellschaft der Griechen, Berlin, 1910. Нам трудно согласиться с противопоставлением греческого полиса итальянскому civitas как торгово-ремесленного и аграрного типов государства (см.: С. Л. Утченко, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики, М., 1952, стр. 7—26). А. И. Доватур (Аграрный Милет, ВДИ, 1955, № 1, стр. 27—30) показал на примере Милета, что даже при значительном развитии ремесла и торговли греческие полисы были прежде всего го-

Сирийские города эллинистического и римского времени могут быть условно разделены на три группы: а) города, построенные задолго до походов Александра Македонского (финикийские города¹¹, Дамаск¹², Пальмира¹³ и некоторые другие); б) города, возникшие в результате греческой колонизации Сирии в конце IV в. до н. э. (Антиохия, Лаодикея, Селевкия, Апамея, города Десятиградия)¹⁴; в) колонии римских ветеранов, основанные в конце I в. до н. э. (Берит, Гелиополис)¹⁵.

сударствами земельных собственников. В своей более поздней работе (С. Л. Утченко, Кризис и падение Римской республики, М., 1965, стр. 8) С. Л. Утченко с большим основанием определяет полис как организацию, «которая в известных исторических условиях наилучшим образом обеспечивала коллективу собственников осуществление права на земельную собственность, а также распоряжение этой собственностью и ее защиту».

Сказанное не исключает того, что, согласно наблюдениям А. И. Доватура, во многих случаях слово *πόλις* употреблялось как одно из возможных обозначений населенного пункта. См.: А. И. Доватура, Политика и политики Аристотеля, М.—Л., 1965, стр. 16.

¹¹ Ср., P. Montet, *Byblos et l'Égypte*, Paris, 1928; J. Conteneau, *La civilisation phénicienne*, Paris, 1949; М. Л. Гельцер, Значение раскопок в Библие для истории древнего Востока, ВДИ, 1962, № 2, стр. 149—159; И. Ш. Шифман, Возникновение Карфагенской державы, М.—Л., 1963, стр. 7—8.

¹² Подробно см.: М. *Abi-Yona*, *Dammāšāq*, 'Enşiqlopediyya Miqra'it, ker. 2, Yerušalayim, 1954, с. ам. 672—674.

¹³ Самые ранние упоминания о Пальмире относятся уже к первой половине II тысячелетия до н. э. (*E. Bilqic*, *Die Ortsnamen der «karpadokischen» Urkunden im Rahmen der alten Sprachen Anatoliens*, AfO, Bd. 15, 1945—1951, s. 36; F. *Michelini Tocci*, *La Siria nell' età di Mari*, Roma 1966, pp. 94—95; J. *Starcky*, *Palmyre*, Paris, 1952, pp. 27—28). В XI в. до н. э. Пальмира (Тадмор) была одной из важнейших баз арамейского нашествия на Ассирийскую державу (ARAB, I, §§ 287, 292, 307, 330; ср.: J—G. *Février*, *Essai sur l'histoire politique et économique de Palmyre* Paris, 1931, pp. 2—3; J. *Starcky*, *Palmyre*, p. 28).

¹⁴ Ср., V. *Tscherikover*, *Die hellenistischen Städtegrundungen*.

¹⁵ По мнению А. Х. М. Джонса, Гелиополь был первоначально административно подчинен Бериту (A. H. M. *Jones*, *The Cities of the Eastern Roman provinces*, Oxford, 1937, p. 289). Однако Э. Хонигман (*E. Honigmann*, *Heliopolis*, P.—W. RE, Supplbd. IV, Stuttgart, 1924, Sp. 713—728), Ф. Фиттингхоф (*F. Vittinghoff*, *Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus*, Wiesbaden, 1951, S. 134—135) показали, что Гелиополь был основан Августом как самостоятельная административно-политическая единица. Ср. также: H. *Seyrig*, *Antiquités syriennes*, 57. *Questions héliopolitaines*, Syria, t. 31, 1954, p. 93.

В период эллинизма происходит постепенное стирание различий между городами местного и греческого происхождения. Это явление находит свое внешнее выражение в постепенной унификации системы управления и магистратур. То, что известно об административном устройстве финикийских городов¹⁶ и Пальмиры¹⁷, показывает, что сравнительно рано, очевидно уже при первых Птолемах и Селевкидах, они строят свое управление по греческому образцу.

Конечно, усвоение эллинского административного устройства может быть легко поставлено в связь с общим процессом культурной эллинизации Востока, который был вызван греческой колонизацией и активно поощрялся преемниками Александра Македонского; оно может быть легко объяснено и тем, что администрация Птолемеев и Селевкидов была греческой, и это способствовало эллинизации административного устройства городов негреческого происхождения. Нуждается, однако, в объяснении другой вопрос: почему оказалось возможным сравнительно легко (мы не слышим о сколько-нибудь серьезных потрясениях) ввести греческое административное устрой-

¹⁶ «Совет и народ» (ἡ βουλή καὶ ὁ δῆμος) упоминаются уже в послании Тира Дельфам (SEG, II, 330), а сидонский архонт—в P. Mich., 3. Согласно Fl. Ios., Antt., 12, 169, архонты сирийских городов принимали участие в откупе налогов у Птолемеев. Цезарь адресовал свое письмо «сидонян архонтам, совету и народу» (Σιδωνίων ἀρχουσι βουλήν δῆμον; Fl. Ios., Antt., 14, 190); аналогичная формула имеется и в послании Марка Антония Тиру (Fl. Ios., Antt., 14, 314; ср. также IGRR, I, 421; III, 1102). В I в. н. э. архонтат засвидетельствован в Тире (Fl. Ios., BJ, I, 245) и Триполи (OGIS, 587); в Сидоне—надпись, не поддающаяся точной датировке, упоминает архонта вторично (L. Robert, Inscription grecque de Sydon, Syria, vol. 6, 1925, pp. 365—366). В надписи Wadd., 1840 (Arad. 119 г. н. э.) чествуется агораном Дамис сын Мнасея.

¹⁷ Эпиграфически (Inv., X, 44) засвидетельствовано существование в Пальмире четырех полисных фил, на которые был разделен по эллинскому образцу гражданский коллектив, народное собрание (gbl: CIS, II, 3923; Inv., IX, 12; семитский термин позднее заменен греческим dmws = δῆμος) и совет (bwl' = βουλή; Inv., X, 57, 69; CIS, II, 3957, 3934, 3913), принимавший, в частности, решение о составлении пошлинного тарифа. Последний (CIS, II, 3913) упоминает следующие пальмирские магистратуры: проедра совета (ср.: Inv., X, 55), «грамматевса совета и народа» (ср. Inv., X 39, 18; I, 2), архонтов (коллегия состояла из двух человек), синдигов и декапротов. Кроме этого, известны стратеги и агораномы (CIS, II, 3942, 3932; Inv., X, 115), а также коллегия аргиротамиев (CIS, II, 3994).

А. Б. Ранович (Восточные провинции Римской Империи. М.—Л., 1949, стр. 138), исходя из того, что в семитских частях пальмирских биллингов

ство? Не потому ли, что местные города были готовы к тому, чтобы его принять, и его внедрение не означало каких-то принципиальных изменений в их жизни?^{17а}. (Переход в финикийских городах от монархического режима к республиканскому, разумеется, повлек за собой серьезные сдвиги в общественно-политической жизни; он, однако, не знаменовал собой переход от «восточного» к «античному» типу отношений. К тому же, весьма вероятно, что помимо царской власти в финикийских городах существовали и собственно городские магистраты; об этом свидетельствует, в частности, пример Карфагена¹⁸, административное устройство которого, несомненно, повторяло образцы метрополии).

В самом деле. То, к сожалению, весьма немного, что известно о городе доэллинистической Сирии и Палестины (конца II — первой половины и середины I тыс. до н. э.), позволяет характеризовать его следующим образом: население города (по крайней мере, в основном массе) составляет суверенный гражданский коллектив земельных собственников¹⁹; наряду с монархическим строем довольно отчетливо прослеживаются и республиканские институты: упоминаются совет старейшин²⁰ и народное собрание²¹, а также городские магистраты (шо-

термины *βουλή* и *δημος* передаются в их греческой форме, пришел к парадоксальному выводу, согласно которому «политическая жизнь по форме греческих полисов здесь не получила развития». Между тем, именно этот факт свидетельствует о стремлении согласовать даже внешний облик своей организации с греческими образцами, а подражание именно этим последним позволяет отнести самые преобразования к эллинистическому времени, даже если термины в отдельных случаях и заимствованы были несколько позже.

^{17а} Ср.: М. М. Дьяконов, Очерк истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 172—173.

¹⁸ И. Ш. Шифман, Возникновение, стр. 96—102.

¹⁹ Ср. легенду о покупке Авраамом участка земли для устройства погребения его жены: Быт., 23, 3—20. В переписке из Эль-Амарны города выступают в качестве отправителей писем фараону (Mercer, I, 100 2, 333).

²⁰ По библейской терминологии *zēqēnīm*—«старцы» (Иис. Нав., 9, 11; I Сам., 11, 1—3; Второз., 19, 12; 21, 1—9, 18—21; 22, 13—21; 25, 7—10). В легенде об основании Карфагена фигурируют «старейшины» (*senatores*) Тира (Iust., 18, 4, 15). Старейшины Библа упоминаются в пророчестве Иезекииля (27, 9).

²¹ Народное собрание (*m-w-cd*) Библа упоминается в повествовании о путешествии Ун-Амуна в Библ. (*J. Wilson, The Assembly of a Phoenician city, JNES, 1954, 4, p. 245; М. А. Коростовцев, Путешествие Ун-*

фет—«судья», сар)²², о функциях которых мы, однако, не осведомлены. Город, как правило, владеет более или менее значительной сельской округой²³. Все эти данные показывают, что греко-македонские завоеватели застали на территории Сирии городскую организацию, в общем тождественную той, которая имелаась в самой Греции; иными словами, можно утверждать, что полисный строй не только привносится сюда греческими поселенцами, но и складывается независимо от греческого влияния. Соответственно и распространение на местные города греческой административной системы не означало каких-то коренных, принципиальных изменений в их устройстве. Речь могла идти о переименовании магистрата и, вероятно, об уточнении сферы его компетенции. В конечном итоге полисный строй периода эллинизма и римского господства предстает перед нами как своеобразный синтез всего предшествующего развития в балканской Греции и в Сирии—до завоевательных походов Александра Македонского.

Другое немаловажное явление, характеризующее изучаемую эпоху: города местного и греческого происхождения оказываются в одинаковом положении по отношению к эллинистическим монархам. Во всех случаях мы наблюдаем сохранение полисного суверенитета²⁴ во всем, что касается его внутренних дел (царь обращается к местным органам власти, как правило с «советами», избегая прямого вмешательства во

Амуна в Библ. М., 1960, стр. 60. В Библии—Быт., 23, 10; 24, 20; Суд., 6, 26—31; Числ. 35, 24. Ср.: *U. Wolf*, *Traces of Primitive Democracy in Ancient Israel*, JNES, 1947, № 2.

²² I Цар., 22, 26; II Цар., 10, 1; Суд., 8, 6; 8, 14—16; 9, 30; II Хрон., 29, 20; 34, 8.

²³ В Библии об этом свидетельствуют перечисления городов и их «дочерей»; ср.: *И. Ш. Шифман*, *Земельные отношения в Палестине в первой половине I тыс. до н. э.*, ВДИ, 1965, № 4, стр. 26—41.

²⁴ Д. Нёрр (*D. Nörr*, *Imperium*, S. 1) отмечал, что понятие суверенитета, которое со времен Ж. Бодэна определялось как осуществление государственной власти над определенными территориями и над определенными лицами, а также как государственная самостоятельность во взаимоотношениях с другими странами, было выработано преимущественно на основании опыта нового времени; система международного права как права суверенных государств античности, по его мнению, не известна. Однако то обстоятельство, что данное явление еще не было открыто, само по себе не свидетельствует, что оно не существовало. Практика международных отношений древности как отношений между политически независимыми государствами убедительно свидетельствует против концепции Д. Нёрра.

внутренние дела²⁵; отношения между городом и царем обычно характеризуются как взаимная преданность²⁶, как союзнические между двумя теоретически равноправными партнерами²⁷). В то же время происходит и становление верховного царского суверенитета (царь своею властью устанавливает тот или иной статус полиса²⁸; полис согласовывает с царем основные направления своей внутренней и внешней политики²⁹; царь взимает разнообразные налоги, в том числе и поземельные³⁰). В целом система, складывающаяся в Сирии эллинистического времени, может быть охарактеризована как система двойного суверенитета: полиса как гражданского коллектива и царя как завоевателя и союзника (причем подразумевается, что союз, как это часто бывало в древности, ограничивал суверенные права одного из союзников в пользу другого).

Римская колонизация Сирии привела к созданию на ее территории городов, экономическая основа, социальный строй и административно-политическая организация которых принципиально не отличались от эллинистических полисов. Это обстоятельство позволило им сравнительно быстро интегрироваться в общеполитическую структуру Сирии.

Сирийский полис эллинистическо-римского времени представлял собою гражданский коллектив земельных собственников; насколько об этом можно судить по прямым (документы из Дура-Европос³¹) и по косвенным (надписи о дело-

²⁵ Ср. декрет (JMI, III, 1183) о даровании гражданских прав Аристолаху: *H. Seyrig, Antiquites syriennes, 7. Decret de Seleucie et ordonnance de Seleucus IV, Syria, vol. 13, 1932, pp. 255—258.* Ср. также OGIS 221: *καλῶς ὅαν ποιήσατε ψηφισάμενοι τε πάντα τα φιλόθροπα αὐτοῖ.*

²⁶ OGIS, 12, 223, 229; употребляется слово *εὐνοια*.

²⁷ Ср. OGIS 221 (соотв. WC II—13), где речь идет о пожаловании земель Аристоклиду. Здесь в царском письме упоминаются полисы *ἐν τῇ ἡμετέρῃ συμμάχῃαι*. Хотя события, о которых идет речь в документе, происходят в Малой Азии, принципы государственного устройства, нашедшие в нем отражение, несомненно были действительны на всей территории Селевкидского царства, в том числе и в Сирии.

²⁸ Fl. Ios., *Antt.*, 12, 138—144; Polyb., 5, 68, 7; OGIS, 257.

²⁹ Надо полагать, именно с этой целью в города назначались царские эпистаты, участвовавшие в ведении городских дел. См.: JMI, III, 1183; JMI, IV, 1261.

³⁰ Ps.-Arist., *Oec.*, 2, 1, I Макк., 10, 29—30; Fl. Ios., *Antt.*, 13, 49—50; *id.*, 12, 155, SB 8008.

³¹ В Дура-Европос среди земель, являвшихся объектами купли-продажи, источники позволяют выделить *χώρα* (DEPP 17 соотв. D. Pg. 2; DEPP 26, соотв. D. Pg. 101), *γη ἐπιφουτευτικῆ* (DEPP 25 соотв. D. Pg. 23), *καλήρος* (DEPP 15, соотв. D. Pg. 1). То обстоятельство, что земли всех

вых операциях с погребениями, происходящие из Пальмиры³²) данным, здесь господствовала частная собственность на землю. Широко распространенная точка зрения, согласно которой внедрение частной собственности на землю стало возможно только в результате эллинизации Сирии и возникновения на ее территории античных общественно-экономических отношений³³, должна быть признана ошибочной. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, происходящие из различных пунктов сиро-палестинского региона³⁴, показывают, что частнособственнические отношения возникли здесь задолго до походов Александра Македонского. Сравнение деловых документов из Дура-Европос с аналогичными документами из Вадн Мурабба³⁵ и слепятинскими папирусами³⁶, изучение терминологии пальмирских надписей³⁶, — все это свидетельствует

названных категорий могли служить объектами купли-продажи без каких-либо оговорок и ограничений, показывает, что их правовой статус во II—III вв. до н. э. был однотипен. Особенно существенно, что в документе DEPP 15 речь идет о продаже части клера; несомненно, он и до того времени служил объектом купли-продажи и был фактически раздроблен. Характерны правомочия покупателя согласно DEPP 26: «...чтобы он имел нерушимое право на все времена владеть, пользоваться, продавать, рас[по]ряжаться, как он пожелает».

³² См. подробно: *И. Ш. Шифман*, Имущественные и земельные отношения в Пальмире в I—III вв. н. э. по эпиграфическим данным, Палестинский сборник, № 13, 1965, стр. 100—113.

³³ См., в частности, *А. Б. Ранович*, Эллинизм.

³⁴ *М. Л. Гельцер*, Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите, ВДИ, 1960, № 2, стр. 87—89; *он же*, Сельская община и прочие виды землевладения в древнем Угарите, ВДИ, 1963, № 1, стр. 35—56; *И. Ш. Шифман*, Земельные отношения в Палестине.

³⁵ Правомочия собственника, определяемые в документе DEPP 26, сопоставимы с аналогичными правомочиями, формулируемыми в Мур. 30 («И право покупателя и наследника его относительно проданного этого — делать с ним все, что пожелаешь»), документе № 2 из Нахал-Хэвер («продавать, и закладывать, и передавать по наследству, и отдавать, и делать с проданным этим все, что пожелает Архелай этот со дня, когда написан документ этот, и навечно»). Ср. в документах из Элефантины V века до н. э.: «ты хозяйка над ним (домом.— И. Ш.) с этого дня и навечно, и дети твои после тебя; кому ты пожелаешь, ты отдашь его» (Cowley, 8); «Твой он (дом.— И. Ш.) и детей твоих, и другого, кому ты пожелаешь, отдашь его (Cowley, 8); «твой он (дом.—И. Ш.) и детей твоих, кому ты пожелаешь, ты можешь отдать его (Cowley, 14). Здесь уже формулируется право господства и отчуждения объекта собственности.

³⁶ Один из видов сделок, засвидетельствованных в пальмирских надгробных надписях, обозначается глаголом *ghq*—«удалять» (CIS, II, 202

о существовании преемственности между доэллинистическим и эллинистическо-римским делопроизводством и, соответственно, отношениями, которые это делопроизводство отражает. Более того, элефантинские папирусы показывают, что на Ближнем Востоке, в том числе и в Сирии, уже в доэллинистический период начало складываться представление о собственности, соответствующее определению, принятому римским правом.

Существование частнособственнических отношений, то обстоятельство, что земля была объектом купли-продажи,— все это создавало объективные предпосылки для концентрации земельного фонда и возникновения на этой основе крупноземлевладельческой верхушки общества. Как показывают документы из Дура-Европос³⁷, в руках отдельных лиц могли концентрироваться изолированные один от другого участки земли; возможно было и создание относительно крупных земельных массивов.

Сирийские города эллинистического времени и периода римского господства были важными центрами ремесленного производства³⁸. Археологически и документально засвидетельствовано существование в них керамического³⁹, ткацкого⁴⁰, сапожного производства⁴¹; несомненно бурное развитие строительного дела, а в городах средиземноморского побережья— кораблестроения). В финикийских городах, а также в некоторых пунктах глубинной Сирии констатируется расцвет

4171—4175), которому в параллельных греческих текстах соответствует ἐξουσίατος (ср. П. К. Кокоцов, Новые арамейские надписи из Пальмиры, ИРАИК, т. 8, 1903, стр. 308) и ἐξουσίαν H. Ingholt, Five dated tombs from Palmyra, Berytus, vol. 2, 1935, p. 110). В документах из Элефантины термин *mrh*q, производным от корня *rh*q, обозначалось удаление объекта сделки из сферы правомочий лица, отчуждающего данный объект. См.: R. Yarou, Introduction to the law of the Aramaic papyri, Oxford, 1961, pp. 81—82; A. Verger, Ricerche giuridiche sui papiri aramaici di Elefantina, Roma, 1965, p. 84—85.

³⁷ DEPP 26.

³⁸ Ср. характеристику сидонян у Страбона (Strabo, p. 758). По его словам, они пользовались репутацией людей, владеющих многочисленными ремеслами (*πολύτεχνοι*) и умеющих искусно отделять производимые ими изделия (*καλλιτέχνοι*).

³⁹ Ср.: H. Tall, The Green Glazed Pottery (The Excavations at Dura-Europos, Final Report, IV, pt. 1, fasc. 1), New Haven, 1963.

⁴⁰ Luc., Phars., 10, 141—143; Tot. orb. descr., 31; Ed. Diocl., 19, 26—29; 20, 4.

⁴¹ Ие р. «Авода Зара, 39 d; Ed. Diocl., 9, 181, CIS, II, 3913.

стеклодувного ремесла⁴². Особым признанием пользовались повсеместно финикийские пурпурные ткани⁴³. Развита была чеканка золота и серебра⁴⁴.

Широкое распространение изделий сирийских мастеров (в частности, выходивших из финикийских стеклодувных мастерских⁴⁵) во всех странах Средиземноморского бассейна показывает, что наряду с мелкими мастерскими, продукция которых была рассчитана исключительно на местный рынок, в Сирии существовали и крупные ремесленные мастерские, владельцы которых рассчитывали на потребителей во всех концах Империи. Ремесленники объединялись в сакрально-профессиональные коллегии⁴⁶.

Значительную роль в экономической жизни сирийских городов эллинистическо-римского времени играла торговля. Практически надо думать, повсеместно, во всех значительных пунктах и при храмах существовали местные рынки, проводились регулярные ярмарки⁴⁷. Застройка агоры в Дура-Европос свидетельствует, по-видимому, о концентрации этой торговли в руках профессионалов—людей, основным занятием которых стала посредническая торговля на местных рынках. Пальмирский пошлинный тариф свидетельствует о существовании и мелкой торговли вразнос⁴⁸.

Однако наряду с этим сирийские города, продолжая традиции доэллинистического времени, поддерживали широкие международные связи, охватывавшие практически все Среди-

⁴² Fl. Jos., BJ, 2, 190—191; Plin., NH, 36, 191; Strabo, p. 758; Tac., Hist., 5, 7. Ср.: CIL, V, 8118; IX, 6085; X, 8062; XIII, 10025; XV, 6957, 6961; IG, XIV, 2410.

⁴³ Strabo, p. 757; Tot. orb. descr., 31; Luc., Phars., 3, 217.

⁴⁴ CIS, II, 3945.

⁴⁵ Ср.: D. B. Harden, Romano-Syrian Glasses with Mould-blown Inscriptions, JRS, vol. 25, 1935, pp. 163—186; F. Heichelheim, Roman Syria, An Economic Survey of Ancient Rome, vol. IV, Baltimore, 1938, pp. 189—190. Они полагают даже, что финикийцы, владевшие стекольными мастерскими, открывали свои филиалы в Италии и в западных провинциях Империи,—утверждение, для которого, по нашему мнению, нет достаточных оснований. См. также: M. Carina Calvi, La colpa vitrea di Aristeas nella collezione Strada, Journal of Glass studies, vol. 7, 1965, pp. 9—16.

⁴⁶ CIS, II, 3945; G 190 (надпись происходит из Герасы и датируется серединой III в. н. э.).

⁴⁷ IGRR, III, 1020; Иер. «Авода Зара, 39 d; Тосефта, «Авода Зара, I, 5—8.

⁴⁸ CIS, II, 3913.

земноморье⁴⁹, а также Месопотамию⁵⁰ и Южную Аравию⁵¹. О значительном размахе сирийской торговли в странах Средиземноморья свидетельствует, во-первых, широкое распространение профессионально-сакральных объединений сирийских купцов на обширной территории от балканской Греции до Пиренеев⁵². Не случайно, во-вторых, и то, что важнейший пример в Дигестах, характеризующий правовые аспекты торговых операций и их кредитования, имеет в виду перевозку товаров из Сирии в Италию и обратно⁵³. Наконец, сирийские (в частности, финикийские) города содержали в важнейших торговых центрах, в том числе в Путеолах и Риме, свои *stationes*⁵⁴.

Учитывая размах морской торговли эллинистическо-римского времени, можно предполагать, что в приморских городах значительную и влиятельную часть местной аристократии со-

⁴⁹ См.: V. Pärvan, *Die Nationalität der Kaufleute im römischen Kaiserreiche*, Breslau, 1909; J. Day, *An Economic History of Athens under Roman Domination*, New York, 1942, pp. 212—214; F. Cumont, *Les Syriens en Espagne et les adonies à Seville*, Syria, vol. 8, 1927, pp. 330—341; J. Rougé, *Recherches sur l'organisation du commerce maritime en Méditerranée sous l'Empire Romain*, Paris, 1963, pp. 305—306; A. Audin, J. Pouillouk, *Une nouvelle inscription grecque à Lyon* *Revue archéologique*, 1967, № 1, pp. 75—80.

⁵⁰ App., BC, 5, 9. Сирийская торговля в Месопотамии засвидетельствована многочисленными надписями, происходящими из Пальмиры. См.: CIS, II, 3924; Inv., X, 40, 7, 38; SEG, XV, 849; Inv., X, 112; 81; CIS, II, 3916; Inv., X, 124; CIS, II, 3928; Inv., X, 111, 90; CIS, II, 3960; CIS, II, 3961; CIS, II, 3963; SEG, VII, 135; Inv., X, 29; CIS, II, 3948, 3949, 3933 (надписи перечисляются в хронологическом порядке). См. по этому поводу также A. H. L. Heeren, *Commercia urbis Palmyrae vicinarumque urbium ex monumentis et inscriptionibus illustrata*, Gottingae, 1831; M. Rostovtzeff, *Les inscriptions caravanières de Palmyre*, *Mélanges Gustave Glotz*, vol. II, 1932, pp. 793—811; E. Will, *Marchands et cheis de caravanes à Palmyre*, Syria, t. 38, 1957, pp. 262—277. Значительный интерес представляют надписи SEG, VII, 381—430, характеризующие разнообразную торговую деятельность некоего Небухела в Дура-Европос и за пределами этого города в Северной Месопотамии.

⁵¹ Strabo, 16, 4, 23; Per. mar. Erythr., 19; Diod., 19, 4, 5; Plin., NH, 6, 23 et 101; 12, 18 et 34; Ja 931.

⁵² IG, XII, 3, 6; 3, 104; 3, 178; ср.: F. Cumont, *Les Syriens*, pp. 330—341.

⁵³ Dig., 45, 1, 122, 1.

⁵⁴ IGRR, I, 421.

ставляли купцы или люди, так или иначе связанные с морской торговлей.

Значительное место в жизни Сирии занимала караванная торговля на Восток, в частности, торговля в Месопотамии. Одним из ее важнейших центров была Пальмира, надписи из которой, указанные выше (прим. 50), позволяют представить себе объем и организацию этой деятельности. Пальмира подерживала торговые связи со Спасиновым Хараксом, Форотом, Вологесией; важным опорным пунктом пальмирской торговли была Дура-Европос⁵⁵. В этих пунктах существовали общины пальмирских купцов, группировавшиеся вокруг собственных храмов; пальмирцы участвовали в государственном аппарате царей Спасинова Харакса. Во главе караванов стоял каравановожатый, труд которого, как правило, оплачивался (не случайно особо отмечается в надписях случай, когда эти обязанности выполнялись даром, без оплаты). В ряде семейств профессия каравановожатого и организация караванов были наследственным занятием. Поражает отсутствие в посвященных этим людям почетных надписях упоминаний об их городской карьере. Налицо явное уклонение от полисных магистратур (надписи датированы II в. н. э.), однако мы не можем судить, насколько массовым было это явление.

Широко развита была и караванная торговля на юг (см. прим. 51) — до 106 г. н. э. преимущественно через Петру, а позже, когда было уничтожено Nabateйское царство и на его месте создана была провинция Аравия, — также и в обход Петры. Правда, последняя существовала еще в III—IV вв. н. э. и даже получила привилегированное положение, но уже как один из многих провинциальных городов Империи.

В связи со сказанным возникает проблема так называемых «караванных городов». Существует точка зрения, впервые сформулированная М. И. Ростовцевым⁵⁶, что ряд крупных городов (Пальмира, Гераса, Петра и некоторые другие) возникли исключительно как центры караванной торговли для удовлетворения ее нужд. Такие города М. И. Ростовцев называл «караванными». С нашей точки зрения подобное определение несостоятельно. Мы слишком плохо осведомлены о конкретных обстоятельствах возникновения этих городов, чтобы судить о причинах, вызвавших к жизни появление дан-

⁵⁵ Подтверждением этому служит находка в Дуре-Европос храма пальмирских богов. См.: *F. Cumont, Fouilles de Doura-Europos, Paris, 1926, pp. 29—41; M. Rostovtzeff, Un foundouk Palmyrénien à Doura, CRAIBL, 1935, pp. 290—304.*

⁵⁶ *M. Rostovtzeff, The Caravan Cities, Oxford, 1932.*

ных населенных пунктов. Во всяком случае, имеющиеся материалы не исключают, а в ряде ситуаций (например, Пальмирский пошлинный тариф⁵⁷, надпись из Герасы, в которой речь идет о частновладельческих виноградниках⁵⁸) подтверждают представление о том, что экономической основой этих городов первоначально было земледелие. Употребление термина «караванные города» возможно, если иметь в виду города, ставшие благодаря удобному географическому положению и иным обстоятельствам центрами посреднической караванной торговли. Какой отпечаток она накладывала на их жизнь,— этот вопрос нуждается в дополнительном изучении на конкретном фактическом материале.

Как бы то ни было, в конечном итоге в течение I—III вв. сирийские города из гражданских коллективов земельных собственников постепенно превращаются в политические организации, экономическую основу которых наряду с земледелием составляют ремесло и торговля.

В социальном плане население сирийских городов отчетливо делится на две группы.

К первой из них принадлежали рабы и различные категории зависимых. Рабы в немногочисленных надписях и документах, где они упоминаются, выступают прежде всего и главным образом как объект собственности, объект сделки о купле-продаже⁵⁹. Таким образом, основная черта, характеризующая рабов в Сирии эллинистическо-римского времени,— это личная несвобода, утрата права на собственную личность. Тем не менее, как показывают некоторые надписи⁶⁰, а также уже упоминавшийся выше отрывок из Дигест⁶¹, рабы могли располагать значительными денежными (и, надо думать, иными) средствами и распоряжаться ими по своему усмотрению, в том числе вступать в сложные сделки по кредитованию торговых операций.

Юридический статус этого рабского имущества не ясен. Как известно, согласно догме римского и талмудического права юридическим собственником имущества, принадлежавшего рабу, считался его господин. По-видимому, аналогичная ситуация существовала и в эллинистическо-римской Сирии. Однако фактически рабы могли свободно владеть и распоряжаться этим имуществом, а также отчуждать его и передавать

⁵⁷ CIS, II, 3913.

⁵⁸ IGRR, III, 1341.

⁵⁹ CIS, II, 3913; DEPP, 17B, 18, 25, 28, 31.

⁶⁰ G18; SEG, XVIII, 600; SEG, XIV, 824; Ant., II, 33.

⁶¹ Dig., 45, 1, 122, 1.

по наследству, т. е. выступали в роли собственника. В этом случае можно говорить, вероятно, о фактически разделенной собственности на имущество: верховной господина и подчиненной раба.

Значительную, надо полагать, массу населения сирийских городов составляли зависимые, не утратившие формальной личной свободы. Из них документы, происходящие из Дура-Европос⁶², позволяют выделить «временных рабов» — кабальных должников, обязанных под угрозой штрафа выполнять для займодавца «рабскую работу» ежедневно до возвращения ссуды (парамоне). Так как последнее в большинстве случаев было маловероятно, «рабская работа» имела тенденцию стать бессрочной, превратиться в фактическое рабство. Другой контингент зависимых — клиенты (геры, «друзья» и т. д.)⁶³, которые, пользуясь покровительством знатного и богатого горожанина, создавали ему влияние в городе и получали его защиту от произвола местных властей.

Другую группу населения городов составляли свободные — мелкие и крупные землевладельцы, ремесленники, торговцы. Посвятительные надписи позволяют выявить в этой среде людей, обладавших исключительным богатством, способных предоставлять на нужды полиса значительные суммы, финансировать строительство храмов или жертвовать в их пользу десятки тысяч драхм⁶⁴. На другом полюсе находились здесь неимущие, добывавшие пропитание подневным трудом или благодаря разного рода раздачам⁶⁵. Имелись и «средние»⁶⁶, обладавшие определенным достатком, работавшие сами — на поле или в мастерской — и эксплуатировавшие по мере возможности чужой труд.

Начиная с I в. н. э., в Сирии непрерывно увеличивается количество римских граждан⁶⁷ как пришлых (ветераны, слу-

⁶² DEPP, 17B, 20, 21.

⁶³ CIS, II, 4035, 4218, 3972, 3973, 3940, 3937, 3960.

⁶⁴ Inv. 1, 2; CIS, II, 3914, 3934; ED, VII—VIII, 867—869; G, 2, 3, 4, 5, 6, 52; JMI, IV, 1303. Ср. у Малалы (pp. 221—225, 248) рассказ о Антиохийце Сосинии, завещавшем в I в. н. э. Антиохии сумму, достаточную для выплаты годовых податей.

⁶⁵ О разорении мелких производителей свидетельствует распространение займов, в том числе и кабальных, о чем шла речь выше.

⁶⁶ Об имущественном цензе таких людей свидетельствует, например, посвящение Сарапхиона сына Аполлония сына Деметрия из Герасы в размере 400 драхм (G 49; надпись датируется 67/8 г.).

⁶⁷ У. Т. Арнольд полагал, что Август очень «экономно» предоставлял гражданам права, проводя четкую грань между римлянами и подвласт-

жившие в Сирии, обзаведшиеся там разного рода связями и оставшиеся после демобилизации на новой родине⁶⁸), так и местного происхождения (также преимущественно ветераны)⁶⁹. Независимо от того, приобретали ли такие граждане налоговый иммунитет⁷⁰, или же они получали ограниченные права гражданства, при которых сохранялась обязанность выплачивать подати и выполнять местные повинности⁷¹, — независимо от этого, пожалование римского гражданства, создавая социальную опору императорской власти в провинции, изымало определенные слои населения городов из-под юрисдикции полисных властей и тем самым подрывало самые основы полисного строя.

Реформа Каракаллы 212 года, превратившая все население Империи в подданных императора и сделавшая полисные органы власти практически излишними (либо частью императорского механизма управления), лишь завершила процесс, начавшийся еще в I в. н. э.

Административное устройство полисов было во времена римского господства, в общем, однотипным. Нарративные источники и надписи говорят о функционирующих и принимающих определенные решения совете и народном собрании⁷², их функции не сводятся только к принятию почетных постановлений. Еще во II в. н. э. советы принимали постановления, регламентирующие жизнь города, в частности, организацию и содержание *stationes*⁷³, взыскание торговых пошлин⁷⁴ и т. д. ными Риму подданными (*W. T. Arnold, The Roman System of Provincial Administration to the Accession of Constantine the Great, Oxford, 1906, pp. 108—109*). Однако необходимыми статистическими материалами мы не располагаем.

⁶⁸ Ср.: Tac., Hist., 2, 80. Эпиграфический материал не позволяет достоверно установить во всех случаях происхождение ветерана, если он чужеземец. Тем не менее, оседание в сирийских городах пришлых ветеранов едва ли можно поставить под сомнение.

⁶⁹ См., в частности, в документах из Герасы: G 52, 42, 58, 192, 119, 144.

⁷⁰ Ср. надпись JMI, 1, 7, 8 из Рососа, в которой публикуются документы о пожаловании римского гражданства Селевку сыну Феодота, наверху августа.

⁷¹ Ср. знаменитые декреты из Кирены (SEG, IX, B, III), согласно которым лица, получившие римское гражданство, должны были участвовать в выполнении местных повинностей, если иммунитет не был специально оговорен при пожаловании гражданских прав. Мы не имеем возможности рассматривать здесь обширнейшую литературу по этому поводу.

⁷² О функционировании народных собраний см.: Tac., Hist., 2, 80; Fl. Ios., BJ, 7, 47; 7, 107.

⁷³ IGRR, I, 421.

⁷⁴ CIS, II, 3913.

Умаление роли народных собраний объясняется, видимо, реальным соотношением политических сил в городах, однако нет никаких оснований говорить об отмирании или чисто формальном функционировании органов полисного суверенитета.

Система магистратур в I—III вв. н. э. приобретает следующий вид: архонт⁷⁵ или стратег⁷⁶— высшие магистраты; эпимелет⁷⁷, епископ⁷⁸ (ведали снабжением города и строительством); агораном⁷⁹ (ведал местными рынками); казначен и т. д. Особую роль играли децемпримы, обеспечивавшие выплату податей и отвечавшие за это своим имуществом⁸⁰, а также синдики, исполнявшие контрольные функции⁸¹. Как правило, магистратуры были коллегияльными.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что, хотя обсентеизм имел место, спорадически еще во второй половине III в. н. э. представители местной знати в большинстве случаев стремятся проделать городскую карьеру⁸²; иными словами, полисные магистратуры даже в этот период являли собой надежный и действенный инструмент власти. Заметим, что до эдикта Каракаллы прохождение полисных магистратур открывало дорогу к римскому гражданству.

Система взаимоотношений полиса и императора в Сирии во времена римского господства продолжала традиции эллинистического времени. Однако императорский суверенитет был значительно более реален, нежели суверенитет эллинистических царей и охватывал практически все стороны жизни полиса. От императоров зависело признание за данным населенным пунктом статуса полиса⁸³, установление привилегированного положения (статуса колонии италийского права, колонии метрополии и т. п.) и, соответственно, налогового иммунитета; императоры регламентировали комплектование совета и его деятельность (в том числе строительную); принимая те или иные решения, советы, как показывает Пальмирский та-

⁷⁵ Wadd., 1894; OGIS, 587; IGRR, III, 1376; CIS, II, 3913 etc.

⁷⁶ JMI, IV, 1303; V, 2114; IGRR, III, 1097; DEPP, 28 etc.

⁷⁷ IGRR, III, 1138, 1354; JMI, V, 2089, 2118; IGRR, III, 1360 etc.

⁷⁸ Wadd., 1990; IGRR, III, 1361, 1075, 1287, 1284; cp. Dig., 50, 4, 18.

⁷⁹ IGRR, III, 1875; Wadd., 1840; IGRR, III, 1224.

⁸⁰ IGRR, III, 1376; CIS, II, 3913.

⁸¹ CIS, II, 3913; IGRR, III, 1201.

⁸² JMI, IV, 1303; CIS, II, 3942.

⁸³ Cp.: Suid., s. v. Σεβήρος.

риф, должны были руководствоваться предназначениями императорских властей или санкционированной ими практикой⁸⁴.

Постепенное проведение в жизнь этой системы привело в конце концов естественно и постепенно к отмиранию полисного суверенитета и к установлению в полном объеме императорской власти над полисом, что характерно для времени домината. Однако еще в IV в. мы сталкиваемся с пережитками суверенности полиса.

⁸⁴ CIS, II, 3913.

SUMMARIES

V. AFANASIEVA

THE SUMERIAN ETIOLOGICAL MYTHS AND THE
PROBLEMS OF THE IDEOLOGY OF THE MESOPOTAMIAN
CITY-STATE

(An Approach to the Problem)

Etiological myths deserve particular attention on the part of the scholar studying the ideology of Sumerian society on the basis of its literature. It may be asserted *a priori* that legends of the origin of the world and of cosmic phenomena, explaining the arrangement of the universe, the celestial and the earthly hierarchy, and the distribution of duties among deities and among men, are bound to be tendentious, and to reflect the political views of their author or compiler who,—whether being a representative of a certain social group or of wider circles of the society,—will consciously or subconsciously be guided by the interests of the group, or the circles, which he represents. The very fact of a need (or even necessity) to work out, to record, or formulate a statement to the effect, let us say, that a certain deity was granted the dominion over a certain class of things, or that some god had been placed by the supreme deity at the head of a group of minor deities, or that he himself was engaged in creative activity, is in itself sufficient to excite the curiosity of the scholar.

The Sumerian etiological myths have come down to us in the form in which they were recorded in the late third and early second millennia B. C. Preliminary research shows them to reflect (as was to be expected) the ideology of the society of a much earlier date. At the same time, they seem to contain evidence illustrating certain aspects of the ideology of the time of their recording, which is the specific form of ideology characteristic of the city-state.

Sumerian etiological literary texts appear to have incorporated both traces of the earlier tribal ideology and features of an ideology of the new priesthood. The trend of thought characteristic of the latter group makes itself felt in the mode of the interpretation of the material. The tendency to unite different cults, and to arrange the deities into one pantheon headed by Enlil of Nippur, seems to indicate a policy directed towards state integration, the opposing tendency being for the conservation of the local city cults.

The study of the literary interpretation of the main Sumerian deities Enki, Enlil, An, and Inanna, who are also patron deities of the most ancient cultural and economic centres of Sumer: Eredu, Nippur and Uruk, reveals that these gods possess the features of creator-gods, bearers of culture, and that, in their functions, they largely repeat one another. The unification of the pantheon under the Third Dynasty of Ur has thus not got so far as to bring the local myths of creation of the different city-states into concord. The individual creator-deities differ also in the degree of activity displayed by each in his or her individual behaviour; the vividness and expressiveness of the descriptions vary accordingly. While An, the god of the sky, is the most passive figure of all, and seems to be closest to the so-called „Supreme Being“ whose cult is found among primitive societies at a very early stage of their development, Enki and Inanna, and to a lesser degree Enlil, are nearer to other gods of the gentile, tribal and community cults which gradually replaced that of the „Supreme Being“. These gods are always more like the mortals, and are endowed with more human, though often unattractive features.

Thus, it is possible to establish the fact of concurrent recording in literature, of phenomena belonging to different phases in the evolution of the society, and reflecting the interests and views of different social groups. This opens up new prospects of research in the field of ideology.

N. B. JANKOWSKA

PRIVATE CREDIT IN THE COMMERCE OF ANCIENT
WESTERN ASIA IN THE THIRD AND SECOND
MILLENNIA B. C.

In spite of the existence of two distinct economic sectors within the economy of ancient Western Asia, viz., the temple and palace sector and the kinship communal system sector, commerce was in Southern Mesopotamia already at the beginning of the third millennium B. C. a permanent state-supported branch of the economic structure and an institution, not a spontaneous „passive trade“ (Polanyi). A system of remuneration of the trader by allotting him large plots of land, known as early as the Proto-Literate Period, could at the same time ensure the practical independence of commerce. The more important merchants might become functionaries of the state through the favour of the authorities, but this could hardly make any difference for the organization of trade in general.

In the second millennium B. C. there spread over all Western Asia a network of traders' communities (*kārū*) acting as intermediaries in international exchange. The *kārū* were intimately connected with each other for the purpose of clearing cross-requests. This was necessary because predominance of trade on credit led to the concentration of the payment media in circulation in the hands of big private (family) commercial societies. The formation and development of the *kārū* as a social institute was dependent on the origin of its funds. Where the funds belonged to the temple or the palace, there the commerce was more dependent upon state control (which means that it did not flourish long); but it was more difficult for the

state to control it when the funds originated from communities independent of the palace. The more important intermediary distribution bases of raw material were, as a rule, constantly being transferred from a kārūm which came to be situated within the borders of an empire to a kārūm in one of the neutral countries with a sufficiently stable regime but a loose control of the administration. This suggests that private sources of means of circulation dominated over the governmental trade all along, in spite of attempts of the state to control and to extract profit from it. The comparison of the evidence from the enormous private merchants' archives and that of the official city archives shows that the administrative offices of the temples and palaces could not control the trading communities with anything like rigour. Attempts at such control resulted in the diminishing of the volume of commerce, or in its complete cessation.

The absence of market places in the cities of ancient Western Asia, as well as of fairs, suggests that a permanent commodity market may have originated not in fairs and the like, but rather in the system of credit needing no market places. A term for 'market', may, however, be sought in the term kārūm, originally meaning 'quay' as a trading place but later developing into a term for traders' organization unconnected with either a market place or a river quay.

In most countries of the Near East in the period under discussion land was not freely alienable. This was because land was, as a rule, at the disposal of the communal self-government institutions; the pattern of the latter, having been formed by thousands of years of previous history of the kinship communal system, could still withstand the pressure of individuals, and even of the king. But customary law accorded a preference to the claims of the creditor over all kinship and other claims. Such privilege of the creditor was due to the fact that credit played just as predominant a role in the internal commerce of a country as in international commerce, owing to scarcity of payment media and a comparatively low output of commodity production. In fact, the possibility of payment for any necessary commodity not produced in the

household was connected with the period of harvest, ready money in any form being scarce in most households. At the same time, any increase of production on a larger scale was possible only by way of credit operations. This situation was made use of by private persons who thus attempted to secure the prosperity of their individual households.

Thus, one can say that credit, and especially private credit, was the means that cemented the individual economies into a general economic system. There was also a negative aspect to the functioning of private credit, but this is a subject for a separate study.

R. GRIBOV

THE CITY OF NORTHERN MESOPOTAMIA IN THE LATE
19th AND THE FIRST HALF OF THE 18th CENTURIES
B. C. ACCORDING TO THE TEXTS FROM MARI

According to the texts from the Mari archive, *alum*, or a territorial community, was the basic administrative and economic unit in Northern Mesopotamia. Consequently, the term *alum* served as a common name designating any inhabited locality, cities included. Of all such localities known to us, twenty-eight can be regarded as cities, the number comprising royal residences and district centres. The present paper contains a summary description of certain aspects of the economic, social and political structure of the city.

A considerable part of the inhabitants were engaged in agriculture, horticulture, cattle-raising and various handicrafts.

Palaces are found to have existed in eleven cities out of the twenty-eight. In six cities, palace, or royal, land, *egel ekallim*, is recorded. There were also lands owned by the temples.

Texts from Mari contain some evidence of the existence of land which was not the property of the king. The legal document ARMT VIII.85 records a complaint lodged by several dozen citizens of Sagaratum who denied the right of the crown to a field, saying, "The field is ours". It is unknown what

decision was reached as the result of the trial in which the interests of the plaintiff were represented by the Popular Assembly of the city (*ālum*), and the functions of the judge performed by the king in person. It seems that affairs of this kind, concerned with the conflicting interests of the citizens and the crown in matters of ownership of land, would have been impossible had the king been the sole owner of all land. Were it so, such conflicts should have been dealt with as within the competence of the administrative power, and not by a court of law. This leads us to the conclusion that in Northern Mesopotamian cities there existed both royal and community lands.

The city population consisted of royal servants and private citizens.

The personnel of the royal economy comprised the following social groupings: *awīlū*, invested with all the rights of free citizens; they were in the service (*tērtum*) of the crown, owned land from the royal land fund on condition of service (*ilkum*), were bound to render themselves at the palace in obedience to the king's summons, and received rations from the crown; *muškēnū*, who owned no land but held certain allotments from the king on condition of service; *rēš wardī*, slaves; and *amātum*, slave women.

The private citizens were the *awīlū* organized in family communities (*bitum*); they could have slaves at their disposal.

The texts from Mari contain numerous references to the system of taxation. The citizens paid an annual tribute (*biltum*) in silver, grain, wine, cattle and clothing, as well as duties on commodities (*miksum*). The documents also mention obligatory military and labour service.

The cities were generally ruled by representatives of the royal administration, and also by bodies of the self-government comprising the Elders (*šībātum*), the Sheykhs (*sugāgum*), and the Popular Assemblies (*ālum, puhrum*).

PROBLEMS OF THE BABYLONIAN CITY IN THE SECOND
MILLENNIUM B. C.

(Based on materials from Ur)

The OB city cannot be regarded as typical of the entire Near East in the second millennium B. C. Although, as we have at present reason to believe, private households had not been completely integrated by the royal estate during the preceding period of the Third Dynasty of Ur, royal economy was then unquestionably dominant in all spheres of economic life and, accordingly, moulded the general character of the Southern city at the time. This role of royal economy probably accounts for the fact that in studying the materials which refer to the city of the next, OB I period (time of the Dynasties of Isin and Larsam), it is extremely difficult to find any evidence of there being any individuals among the population who would not in this or that way be connected, at least nominally, with either the royal palace or the temple.

The present research, which is now in its initial stage, has so far been based on materials from Ur dating from the reign of the Dynasty of Larsam and the period immediately following it (1932—1739 B. C.), or, to define their provenance more narrowly, from two city quarters once inhabited by more or less well-to-do citizens which were discovered by the expedition of C. L. Woolley. It is to be regretted that the materials have been but very imperfectly published. Of the documents available for research, a certain number have been found to belong to five family archives: those of Ku(g)-Ningal, a temple official (an AB.NUN.ME.DU-priest), of Eanāšir, a merchant and owner of a copper foundry, of a man called Imliku (and his family), and that of two money-lenders, Puzur-Damu, also called Puzur-Dumuzi (and his relatives), and Dumuzigāmil. The study of these archives, together with other documents from Ur, and of some archaeological data already published, permits to draw some preliminary conclusions concerning (1) the standards of living, (2) the occupations of the inhabitants, (3) the problems of interaction between the private and the state sectors of the

economy, (4) the relations between the citizens and the system of state administration.

(1) The standard of living was modest: for instance, even in the dwellings of well-to-do citizens, the number of inhabitants often exceeded that of beds and chairs; household utensils made of silver or other valuable materials hardly ever occur. The manner of life was determined by an extremely high degree of congestion inside the city walls, probably resulting from lack of security outside. Residential houses built for a single family, were occupied by several, sometimes not even connected by ties of kinship. The renting and purchasing of living space involved, with very few exceptions, not entire houses but rooms or even fractions of rooms. However, richer families always owned silver and copper fragments, or, in other words, a certain amount of ready money, and the analysis of household effects points to a certain dependence of each family upon the commodity market: there is evidence of food (which was generally of the simplest kind) and of clothing being bought; articles of the family furniture were also purchased, though very seldom, perhaps once or twice in the lifetime of a generation. Possession of slaves was by no means a general rule, and their number in one family but rarely surpassed, or even reached, ten. In the countryside, extended family communes appear to have still existed in the 18th century B. C., as they existed in the third millennium B. C. But in the city it was usual for the sons to divide the family property after the father's death, even though they might continue living under the same roof, and keeping their documents in a common archive.

A wide diffusion of literacy among the laity, wider even than Landsberger¹ had supposed, was an important feature of city life. All the archives analysed were found to contain, not only business documents and correspondence, but also literary and religious texts. Even some very poor families owned tablets. Officials even of a rather low rank (as,

¹ B. Landsberger, *Scribal Concepts of Education*, „City Invincible“, ed. C. H. Kraeling and R. M. Adams, Chicago, 1958, p. 94 sqq.

e. g., a chief herdsman, *nāqidum*) were probably able to dispense with the services of scribes for purposes of their practical work. At the same time, religious ideology was of course extremely important, which is illustrated, e. g., by the presence in every house of a special small yard which served as a sanctuary; the dead of the family were buried under its floor.

(2) Most citizens, if not all, had their agricultural interests; the royal and temple officials were granted allotments of land on condition of service; many persons rented or bought land, especially date plantations. (It should be noted that for this period, as well as for the reign of the Third Dynasty of Ur, we have no evidence of sale or purchase of fields in Ur; in the neighbouring city of Larsam transactions of this kind were also very rare). A large number of citizens, probably even the majority, kept sheep and goats (most of the isolated rooms with outlet to the street which were regarded by Woolley as shops seem actually to have been intended for the keeping of animals).

Nevertheless, the population of Ur must be described as consisting mainly of typical city dwellers, no less so than, let us say, the Athenians of the classical period. Traders, i. e. both the official *tamkārū* (collectors of royal revenues, buyers-up of the production of the royal dependents, and probably tax-farmers), and merchants engaged in caravan and sea trade (e. g., the *ālik Dilmun*) were an influential group; their fortunes were considerable; and it was probably proceeds from trade that ensured the possibility of money-lending. In fact, money-lending was widely practised, a phenomenon to be connected with the low level of commodity production and the seasonal nature of the family income. Usury was practised mainly by private persons, but temples, acting through intermediaries, also lent money at interest; silver was borrowed more commonly than foodstuffs. Alongside with traders and usurers, the city population comprised priests and priestesses, handicraftsmen of different trades, royal officials, fishermen, barbers, watchmen, students of the *é-dub-(b)a*, prostitutes and many others. As mentioned above, in most cases they

were, at least in name, connected either with the palace or with the temple.

(3) The evidence at our disposal tends to corroborate, on the whole, our previous conclusion concerning the division of the country's economy, and in particular of its lands, into two sectors, state (royal and temple economy) and communal (private economies,—i. e. private in so far as compatible with obligatory membership in the community), and the corresponding division of society into two groups, the *muškēna* and the *awilā*. However, this twofold division seems to have been quite distinct only among the country population, while in the city no clear line can be drawn between royal dependents and independent citizens. The only assertion that can be made is that there were people whose connection with the royal service was of purely nominal nature, and who maintained themselves by private economic activities; and others, who were in the actual service of the state and depended on state grants of land and rations for their subsistence. Such being the case, it is small wonder that the better-to-do officials who seem to have been able to amass considerable private fortunes, should belong to the group of the *awilā*. On the other hand, the importance of both temple and royal economies (of which the former seems to have been a part of the latter) greatly declined as compared with the period of the Third Dynasty of Ur. Royal estates as such, properly speaking, ceased to exist; only the royal land fund and the royal revenues remained; and within the confines of the royal land fund, the royal servants had households of their own which they ran practically as private persons.

(4) The study of taxation is greatly hindered by the fact that the Babylonians were rather lax in the use of special terminology in this particular field, and often resorted to such colloquial words designating exactions by the state as "income" (*biltum*), "duty" (*miksum*), or "tithe" (*ešrētum*) etc., applying them rather indiscriminately to rent, to payments exacted from royal servants, to general taxes, or to duties payable on commodities, etc. In each instance we are forced to reason rather from the circumstances of the case than from the term

used. The result is, that we are in a position only to state that there existed obligatory payments made by royal servants either in kind or in silver, obligatory payments to temples, taxes imposed on a certain part of immovable property, duties on imported goods, etc., without specifying any details. Of the labour service (or tax in labour), we can judge only from some materials referring to the neighbouring city of Isin, where it amounted to 48 days in the year for each royal servant, and up to 70 days, sometimes even as many as 120 days, for each family of citizens (but the family head could, of course, provide substitutes for himself). The data of economic anthropology show that these figures correspond to the amount of work necessary for the bare maintenance of the irrigation system. As regards administration and judicature, it should be mentioned that traders were organized in an association called *kārum*, that affairs having no connection with royal or temple servants or property, were under the jurisdiction of the Elders (*kabūtum*) and of the community court, and matters of lesser importance were decided by courts of equity composed of neighbours, or, as in the case of priests, of the entire staff of the temple in question, down to the watchmen: this was probably the beginning of the merger of communal self-government and the temple which was to become characteristic of the city in the first millennium B. C.

Further research is planned to proceed along the following lines: (a) study of the specific economies of individual private households, as well as of temples, (b) study of the sphere of consumption, exchange and re-distribution, (c) study of the socio-psychological values of the society in question.

M. DANDAMAYEV

THE ROLE AND FUNCTIONS OF THE *tamkāri* IN
BABYLONIA IN THE SECOND AND FIRST
MILLENNIA B. C.

The paper is a study of the place of the *tamkāri* in the society of the Neo-Babylonian and the Achaemenid periods. An attempt is made to establish the nature of the changes

which the functions of the *tamkārūm* had undergone from the second to the first millennium B. C.

As far as we were able to establish, the *tamkāri* are referred to in 32 documents of the 7th to the 4th centuries B. C., originating from the archives of Babylon, Sippar, Nippur, Ur, Uruk, and Opis. The texts mention not only *tamkāri* as such, but also the *tamkāri* of the king and the governors, „the great *tamkāri*“, the headmen of the *tamkāri*, as well as *tamkāri* who were traders in dates and sheep dealers. This precision in indicating the exact nature of the activities of the *tamkāri* testifies to the existence of a highly specialized trade in the 7th—4th-century Babylonia, and also shows that at least a part of the *tamkāri* were organized in some kind of merchants' associations.

The *tamkāri* were engaged in foreign trade; among other things, they imported alum from Egypt and sold it in Babylonia. In Babylonian inland trade the *tamkāri* dealt in slaves, cattle, sheep, dates, barley, fish, fruits, etc. They also acted as money-lenders, giving loans of money, barley, or dates, on security, to be repaid with interest. Some of the *tamkāri* were rich landowners and put their land on lease.

The royal *tamkāri* conducted the sale of goods belonging to the king (these were mainly gold and natural produce), and practised usury in the interests of the king. Sometimes the royal *tamkāri* were granted rations on condition of service, just like any other officials of the state.

The texts from Nippur show that in the 5th century B. C. the *tamkāri* were sometimes organized in groups (*ḥaṭru*), which were placed under headmen appointed by the royal administration. The *tamkāri* belonging to this group were allotted „land of the bow“ from the state land fund, on condition of service or payment of a tax.

The role of the *tamkārūm* in the Babylonian society of the first millennium B. C. was greatly affected by the important changes in the country's economy which took place towards the beginning of the Neo-Babylonian period. In contrast to the situation which had existed in the third and the second millennia B. C., trade could now be carried on not only

by professional merchants or their agents, but also by private individuals. For Babylonian inland trade, this is substantiated by abundant evidence. Brisk trade developed between different parts of the country, the goods being carried along the rivers in boats.

The House of Egibi occupied an important position in both the foreign and the home trade. Its representatives also conducted banking operations. As to the House of Murašû, it had no part in foreign trade but practised (among its other activities) usury and trade in Southern and Central Babylonia. Neither the Murašû nor their predecessors the Egibi are ever referred to in the texts as *tamkārî*, probably for the very reason that their activities were not limited to trade but had a wider scope.

N. HAROUTHIOUNIAN

THE CITY OF EREBUNI ACCORDING TO THE WRITTEN SOURCES

The cuneiform texts discovered on the site of Erebuni (Arinberd) throw a new light upon the foundation, and the varied aspects of life, of this exceptionally significant administrative centre of the ancient Oriental state of Urartu.

Among other things, the texts show that the fortress-city in question was of considerable strategic importance not only for the consolidation of Urartu's conquests in the Ararat Valley but also for its further activities in annexing other states and tribal territories lying NE and E of Erebuni, around Lake Sevan etc.

Also, the texts, as well as archaeological materials, illustrate the great economic importance of the city of Erebuni. Particularly notable in this respect are the rich stores of grain, grapes and wine found in this administrative centre. There are some newly discovered inscriptions which add to the information already published concerning the large granaries of Erebuni which were by no means inferior in capacity to any known in the central regions of Urartu.

The texts also show Erebuni to have been an important cultural centre with a temple and other buildings of similar description.

The written sources provide materials which help us to establish the ethnic structure of the population of Erebuni. It appears that this city, as well as the land of 'Aza in general, was inhabited not only by Biainians, Hittites and Şupanians but also by a certain number of 'Azaians, Abilianians, Babylonians and people of other ancient ethnical groups whose territories had once been subjugated by the Urartians.

G. TIRAZIAN

ARMENIAN CITIES IN THE PRE-HELLENISTIC TIME

The paper discusses the history of the cities of Armenia during the period postdating the decline of the Urartian cities and preceding the rise of the Armenian cities of the Hellenistic time.

The evidence referring to the cities of Armenia in the 6th—4th centuries B. C. is very scanty. The records in written sources mention mainly villages, minor townships, fortresses, and temple communities.

The decline of the Urartian cities is also illustrated by archaeological materials. Excavations have brought to light several cemeteries of the 5th—4th centuries B. C. and later periods, situated on the sites of Urartian cities, sometimes in the very buildings.

The foundation and growth of cities in the pre-Hellenistic Armenia were connected with the progress of the society which was about to enter a new phase in the division of labour.

This process was accompanied by an advance in the two leading branches of economy, farming and cattle-breeding, which stimulated the separation of handicrafts and commerce.

Our information regarding the Armenian handicrafts of the time is mainly concerned with domestic crafts which were of minor importance to the country's economy. Still, some finds of objects of artistic craftsmanship, i. e. metalwork and jewellery, datable to the 6th—4th centuries B. C., are of con-

siderable interest. Typologically, and in some cases stylistically, they show an affinity with similar objects of Urartian origin. This permits us to draw the conclusion that they are, at least in part, of local production, some of the objects having been made in originally Urartian workshops of which a few survived and continued to function in the cities which in exceptional cases still existed during the post-Urartian period.

We have at our disposal some data pointing to the commercial relations which linked Armenia with Iran, Mesopotamia, Asia Minor and Northern Caucasus.

The formation of the cities during the pre-Hellenistic time was a spontaneous process which developed on the basis of (a) the merging of a number of village communities into a single whole, (b) amalgamation of communities around a temple, (c) amalgamation of communities around military and administrative centres.

For the period in question, we may regard the following cities as formed in the way described above: possibly Erebuni—Erevan, Ani-Kamax, Aštišat; most probably Armavir and perhaps Van; they developed from religious or military and administrative centres to centres of handicrafts and commerce, although with an economy based mainly on agriculture. The poor development of town life shows that the society of the time was not at an advanced stage.

The period of Hellenism which followed was marked by important internal changes in the Armenian state, and in particular by a rapid progress of city life which found expression in the policy of the foundation of cities which was conducted by the Armenian kings on a large scale.

B. LITVINSKY

THE ANCIENT CENTRAL ASIAN CITY

(Local Traditions and Foreign Patterns)

The splendid civilization of the ancient and mediaeval Central Asia was an urban civilization. Its evolution shows five distinct stages:

1. „Proto-cities“ (late 3rd—early 2nd millennia B. C.),

exemplified by the Southern Turkmenian settlements of the Namazgha V type.

2. *The earliest settlements of the urban type* (late 2nd—first third of the 1st millennium B. C.), with a citadel and artisans' quarters well defined, and a system of irrigation canals reaching the confines of the city. Similar processes developed in the territory of Iran (cf., e. g., Hasanlu) at the same, or approximately the same, time.

3. *The formation of the ancient Central Asian city* (6th—4th centuries B. C.).

Several types of cities may be distinguished on the evidence of written sources and archaeological finds. According to one of the existing classifications, all cities fell into two groups, those possessing a citadel and those without one; according to another, there are to be distinguished major cities, usually centres of cultural and historical regional units, or of satrapies; and minor cities and towns—centres of lesser regions and districts. The present paper deals with Bactra, Marw, Maracanda, Kūzeli-Ghyr, and Qalaly-Ghyr, during the period in question.

Gentilic-communal traditions were of great importance in city life. The inhabitants of a number of cities were Sacae. In Central Asia there were also cities with a Greek population. In matters concerning city construction, certain features seem to point to connections with Iran and with the Hellenistic world.

4. *The dual principle in urban settlements and the beginning of the Central Asian—Hellenistic synthesis* (4th—2nd centuries B. C.).

The policy of colonization conducted by Alexander the Great and the Seleucids is viewed in the light of written records and archaeological data. A detailed account of the materials relating to Ai-Khanum and Saqsan-Okhur, illustrating a strongly felt influence of the Hellenistic urban tradition, is given. Parthian material is also investigated for evidence of the interaction between the Hellenistic and the local traditions. In other Central Asian regions the impact of Hellenism on urban settlements is considerably less felt.

To conclude, the dual principle was but the initial stage of the process of synthesis. It should also be noted that the cities began to develop an economic power which made them an important element of the country's economic potential.

5. The fifth stage which should be described as the *synthesis of Central Asian, Hellenistic and Indian features*—the culmination point reached by the Central Asian city in its evolution during the ancient period (1st century B. C.—3rd—4th centuries A. D.) lies beyond the scope of the present work.

I. PYANKOV

THE CENTRAL ASIAN CITIES OF THE ACHAEMENID PERIOD ACCORDING TO GRAECO-ROMAN AUTHORS

In the writings of ancient Graeco-Roman authors, the data concerning the earliest Central Asian cities are scant and unsystematic. However, they enable us to reconstruct the following picture.

Both cities and villages are mentioned as existing in the territory of Central Asia during the Achaemenid period. It is not clear what criterion was used to distinguish between the two. Probably the Greeks judged by the size of the inhabited localities, describing those of a larger kind as „cities“, and those of smaller dimensions, as „villages“. This compels us to discuss the data referring to all inhabited localities without distinction.

In Bactriana, only fortified cities are mentioned. We know the names of four of them. They are Bactra-Zariaspa, Aornus, Drapsaca, and Cariata. Both Bactra and Aornus had an acropolis. Bactra, the largest city of Bactriana, is described in more detail. In Sogdiana proper (the valley of the Polyti-metus, Nautaca, Xenippa), only walled villages are recorded, and one city, Maracanda. There is a considerable amount of information on the city and its acropolis. In the area of the Tanais (Jaxartes) are mentioned cities surrounded by adobe walls. Cyropolis, the largest of them, had an acropolis; the texts contain some interesting data about this city.

In addition to cities and villages, there were in Bactriana and Sogdiana some fortified places which do not seem to have had any permanent population. Such were the fortresses on the border of the cultivated land and the desert, as well as mountain fortresses, or „rocks“.

There is also some information on Chorasmia, the city of the Chorasmians, and on some „cities“ of the Sacae (Roxanaca, Phastaea). There were some Greek settlements in Central Asia already in the Achaemenid time (the village of Barca, the city of the Branchides).

Some of the cities mentioned by the Graeco-Roman authors may still have retained their primary function as tribal centres within whose walls the population of the neighbouring area found refuge at the times of danger (*refugium* cities). Such seems to have been the case of the cities on the Tanais, and probably those of the Chorasmians and the Sacae.

The role of cities as administrative centres is reflected in the texts more clearly. Bactra and Maracanda are described as „royal cities“, being, in all probability, nominal royal residences. Possibly in such cities there existed a royal palace, and in the neighbourhood of Maracanda there was also a royal „paradise“. Bactra was also the place of residence of the Achaemenid satrap and viceroy. Here met the *hyparchoi* of the regions under his administration; here was the repository of a part of the royal treasury, and the starting point of military campaigns against the neighbouring countries. And here was one of the centres of the official Achaemenian cult. Bactra was connected with other centres of the Achaemenid empire by the „Royal Road“.

Any conclusions concerning the role of the cities as centres of trade and commerce, may be formed only indirectly. Bactra and Maracanda may possibly have been such centres. They were probably built on a plan characteristic of a well-developed Central Asian city of the Middle Ages, with a citadel (*ark*), the town proper (*šahristān*), and the suburb (*rabād*).

We know but little of the trade routes which existed in Central Asia during the period in question. However, it is

clear that the Central Asians, at the time, undertook long journeys with commercial purposes: a Bactrian trader could have been met with at Susa.

J. AMUSIN

THE SYSTEM OF WEIGHTS AS MONETARY UNITS IN ANCIENT PALESTINIAN CURRENCY IN THE FIRST HALF OF THE FIRST MILLENNIUM B. C.

In ancient Palestine, „silver“ was synonymous with „money“ and served as a common measure of value. The present paper deals with:

(a) the archaeological finds of stone and bronze weights, expressing weight in the scale of sheqels, or bearing the denominations *nšp*, *pym*, *bq^c*;

(b) names of the units of weight used as units of bullion money occurring in OT literature (talent, mina, sheqel; *beqa'*, *gērā*, *pīm*, *qēšīṭā*, *agōrā*, *parsīn*), and the relations between them. Though some of the terms are loanwords imported from Babylonia, the Palestinian system of weights does not derive from that of Babylon but from the ancient Canaanite (mina=50 sheqels). The problem of weight equivalents of the different weights and monetary units of weight mentioned in the OT, presents a number of obscure and contradictory points which, it is to be hoped, may be further elucidated with the help of new archaeological and epigraphic evidence.

Also discussed are certain aspects of the economic and social functions of money, in so far as it is made possible by the scanty and highly specific material available in Biblical texts.

The existence of a comparatively rich system of terms reflecting the development of currency shows that money relations had in the time under discussion penetrated into every sphere of private and social life.

THE PALESTINIAN CIVIC-AND-TEMPLE COMMUNITY
OF THE 6th—4th c. B.C.

The article deals with the 48 towns of the civic-and-temple community in Persian Palestine. The study of Biblical, epigraphical and archaeological data allows to conclude that most of those towns (Arad, Engedi, Jerusalem etc.) were fortified, many of them were important centres of agriculture, specialized handicraft and trade. In the sphere of economy there was no difference in principle between Jerusalem and the other towns of the community. Each town of the civic-and-temple community had its own self-government, including a permanent council of elders, an assembly of citizens (episodically convened), judges and, may be, archons, whose powers were rather wide. The study of the functional setting of Jerusalem and the other towns in the system of administration of the Persian province Jehud (after the middle of the 5th century B.C.) and of the self-government in the civic-and-temple community proves the significance of Jerusalem in this system, which, however, is incomparable with the predominance of the main city in the Greek *polis*. In contrast to the latter, where the concept of the supreme ownership of the *polis* over the land prevailed, in the Palestinian community, land was not the property of the towns but of the extended agnatic groups—*byt 'bwt*, who inhabited the towns.

Therefore it is rather difficult to identify the Palestinian civic-and-temple community as a *polis*. There is more ground to bracket it with the hierarchical structures in the communal sector of the economy in Western Asia before the middle of the second millennium B.C.; these formed a number of territorial communities centred around the city-community (I. M. Diakonoff).

THE CITY AND THE STATE IN SOUTH ARABIA IN THE
FIRST MILLENNIUM B. C.

In the first millennium B. C., South Arabia reached a stage of development when class society and the state began to be formed. The present work deals with the internal structure of the South Arabian states.

The states of the ancient Yemen seem to have been characterized by a very low degree of centralization, being mere conglomerations of minor local dominions. There is no specific term for such units in the written documents, and they are normally designated by their proper names only. A more detailed form of reference is *N* (*w'bd'hw*)/*w'hgrhw*, „N (and its regions) and its cities“. This permits us to regard them as units with a territorial (not tribal) structure. In other texts the local administrative units are described as *hgr* „city“ (Našq., Našan and others). The larger states of South Arabia are referred to in the same way as the local units: cf. „'Awsan and its cities“, or „cities and regions of Saba'“.

A *hgr* („city“) was the basic unit of administrative division in the South Arabian states. It controlled the agricultural neighbourhood (*'bd'* „regions“) and the local townships, also called *hgr*. Each city had an independent cult of its local god who held a subordinate position in the common pantheon of Saba'.

Rulers of cities are generally referred to by name. Sometimes they bear the title of *bkr* („firstborn“) or *kbr* („elder“). In texts dealing with military operations, local rulers are designated by the title of *mlk* („king“). The rulers of Saba' and Qatabān also had a double title (*mukarrib* and king). The different titles are to be explained by the difference in the functions connected with the originally separate offices of the *mukarrib* and of the king. The same seems to apply to local rulers as well.

The South Arabian „cities“ may be described as self-governing civic communities with their special magistrates at the head. They were ruled by the Council of Elders (*mšwd*)

and possibly also by the Popular Assembly of the community (or tribe: *š'b*). In its structure, the city administration was identical with that of the state of Saba' as a whole.

However, the „cities“ were not represented in the Council of Elders of all Saba'; this Council was composed of representatives of special „Tribes of the Council“, which had no place in the system of the territorial administrative division of the state. The term for the „Tribes of the Council“ was *hw*, while the city community (or tribe) was designated as *š'b*. This allows us to define the „Tribes of the Council“ as kinship units not connected with any definite territories. They are mentioned in the texts only in connection with the economic and religious institutions of the entire state of Saba', such as the eponymate, the various forms of the kabirate or priesthood.

The combination of two principles in the internal administrative division, that of the „Tribes of the Council“, and that of civic communities, is a distinguishing peculiarity of the state of Saba'. The way in which they were made to work together, and the practice of „double subordination“, are of the greatest interest to the historian of state structures.

D. KHAKHUTAŠVILI

THE RISE AND DEVELOPMENT OF ANCIENT IBERIAN CITIES

In the mid-19th century Pl. Ioseliani advanced the view that the earliest cities of Georgia originated from ancient fortresses. The present-day historical science has further elaborated his idea. It is believed that Georgia's earliest cities are connected in their origin not only with fortresses but also with administrative centres and the trade routes crossing economically advanced areas.

As a matter of fact, the earliest cities, as well as the earliest trade routes in a given country emerge at the same stage, concurrently with the formation of early class society. At a somewhat later date, with the consolidation of state power, fortresses are built, and some of the townships already existing are transformed into administrative centres.

Since the emergence of class society and, with it, of cities and trade routes, represents an earlier stage of social development than the centralized state, with fortresses and administrative centres necessary to its proper functioning, it would be wrong to assume that the earliest cities might have been connected with the latter in their origin. It is only subsequently, when the state was already established, that the fortresses and townships advantageously situated in respect to trade routes, might, and did, become cities; but this was a secondary process of town formation, often controlled at will (e. g., foundation of new cities).

The earliest group of ancient Georgian cities originated from the large settlements resembling towns which date from the Early Iron Age and generally have the central part surrounded by defenses, an extensive residential area round it, and an "artisans' quarter" nearby. This type of settlement, appearing in the Caucasus in the late 2nd millennium B. C., underwent a certain evolution, and towards the 6th century B. C. assumed the form of a regular city settlement of the type prevalent in the 5th—4th-century Iberia.

In the early part of the Hellenistic period, cities in Iberia were at a comparatively advanced stage of development. It was only since the 3rd century A. D. that a certain tendency towards decline can be detected in the life of the traditional centres of the city type. Later on the first fortress-cities were constructed, and the redistribution of residential and political-administrative centres inside the country took place. This was the result of the formation of new socio-economic relations.

The population of a city in ancient Iberia consisted of a basic community, and of several communities of later settlers, formed in accordance with their different religious and ethnical background. Available evidence tends to show that the primary community had its roots in the dominant community of the large settlements of the period preceding the formation of the state. Each community was made up, as a rule, of „houses“ (i. e. *gentes*). Only members of the primary community were entitled to own land and enjoy all the privileges connected with its ownership.

NEW DATA CONCERNING CITY-OWNED LAND IN
SELEUCID BABYLONIA

Some legal deeds in cuneiform dated from Uruk during the period of Hellenism, together with certain other materials, point to the existence, in the Babylonian cities of the time, of a civic-and-temple community, a social unit embracing both the temples with their personnel, and the entire body of citizens of the city in question. In their social and economic structure, as well as in their legal status in relation to the king, the communities of this type are comparable to the Hellenistic city-states (*poleis*) of the Seleucid kingdom (cf. Note 1 in the text of the paper).

The system of property in land prevailing in the agricultural zone surrounding the Babylonian city of the time is illustrated in two documents. One of them (TCL XIII, 349) reveals the existence, on the city lands of Uruk, of two categories of landed property: temple land (i. e., for the period in question, of the city community land), and land privately owned. The other document (unpublished, cited here by courtesy of the Vorderasiatisches Museum, Berlin, where it is catalogued as VAT 9175) supplements this conclusion and gives further details. It contains two contracts between the head of the civic-and-temple community and one of the members of the latter. One of the contracts deals with the leasing of a plot of land in the district of Uruk, for a term of thirty years. The other records the allotment to the same individual of another plot of land situated in a "place of the property of Anu", but this time in perpetuity, on condition of periodical payments to be made in kind. This looks like emphyteusis.

There are sixteen other documents from Uruk referring to land and buildings within the city walls, where the objects of the deeds are described as "property of Anu" (*makkār Anu*), but are as freely sold, bequeathed, given away or exchanged, as many dozens similar objects not "stamped" as such.

Though bearing the "stamp" which is supposed to remind their owners at the time of the contract of their duty to the temple (i. e., the community), such objects (of which the plot in the second contract of VAT 9175 is one) are practically beyond the control of the community. It is not improbable that in time they passed into the full ownership of the citizens unconditionally.

Be it as it may, objects of this class can hardly be considered as belonging to the category of temple land; but neither can they be classified as land privately owned, so long as they bear the "stamp" in question; they form a third, transitional category of nominally city-owned land.

I. SHIFFMANN

THE CITY AND COMMERCE IN SYRIA DURING THE HELLENISTIC AND ROMAN PERIODS

The polity of a Syrian city originated from two sources, the Greek *polis* and the local form of city self-government inherited from pre-Hellenistic times. The period of Hellenism was marked by a gradual obliteration of differences between cities of different origin, by unification of their administrative systems. The cities retained their autonomy in all matters of domestic policy; but the supreme authority of the king was getting ever stronger. Between the 1st and the 3rd centuries, Syrian cities were gradually transformed into subordinate political units whose economy was based on trade and commerce alongside with agriculture. Gradually, the difference between free citizens and slaves began to disappear in the sphere of economic life; while the number of residents of Roman citizenship increased, placing considerable groups of the population beyond the limits of the control exercised by the city administration. The sovereignty of the *polis* continuously declined under Roman rule, until the Roman emperors wielded the sole power in the cities.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
- ГХДШ — *А. И. Тюменев*, Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956.
- ЗЛИ — Законы Липит-Иштара (ВДИ, 1952, 3, стр. 219, слл.).
- ЗХ — Законы Хаммурапи (ВДИ, 1952, 3, стр. 225, слл.).
- ИРАИК — Известия Российского археологического института в Константинополе.
- ИФЖ — Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР.
- КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии.
- КТКТ — *Н. Б. Янковская*, Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР, М., 1968.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции.
- НАА — Народы Азии и Африки.
- ОГСДШ — *И. М. Дьяконов*, Общественный и государственный строй древнего Двуречья, Шумер, М., 1959.
- ПАС — Переднеазиатский сборник.
- ПС — Палестинский сборник.
- СА — Советская археология.
- СВД — *А. П. Рифтин*, Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР, Л., 1938.
- СЭ — Советская этнография.
- УКН — *Г. А. Меликишвили*, Урартские клинообразные надписи, М., 1960.
- ЮТАКЭ — Южно-туркменская археологическая комплексная экспедиция.
- AASOR — Annual of the American Schools of Oriental Research, New Haven.
- AHw — *W. von Soden*, Akkadisches Handwörterbuch, Wiesbaden, 1962.
- AJA — American Journal of Archaeology, New York.
- ARAB — *D. Luckenbill*, Ancient records of Assyria and Babylonia, Chicago, 1926—1927.
- ARMT. I — *G. Dossin*, Correspondance de Šamsi-Addu et de ses fils, Paris, 1950.

- ARMT. II — *Ch.-F. Jean*, *Lettres diverses*, Paris, 1950.
- ARMT. III — *J.-R. Kupper*, *Correspondance de Kibri-Dagan*, Paris, 1950.
- ARMT. IV — *G. Dossin*, *Correspondance de Šamsi-Addu et de ses fils*. Paris, 1951.
- ARMT. V — *G. Dossin*, *Correspondance de Iasmah-Addu*, Paris, 1952.
- ARMT. VI — *J.-R. Kupper*, *Correspondance de Bahdi-Lim*, Paris, 1954.
- ARMT. VII — *J. Bottéro*, *Textes économiques et administratifs*, Paris, 1957.
- ARMT. VIII — *G. Boyer*, *Textes juridiques*, Paris, 1958.
- ARMT. XIII — *G. Dossin, J. Bottéro, M. Birot, M. L. Burke, J.-R. Kupper, A. Finet*, *Textes divers*, Paris, 1964.
- ARMT. XV — *J. Bottéro, A. Finet*, *Repertoire analytique des tomes I à V*, Paris, 1954.
- ArOr — Archiv Orientální.
- AS — Assyriological Studies, Chicago.
- BA — The Biblical Archaeologist.
- BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research, Baltimore.
- BB — *A. Ungnad*, *Babylonische Briefe*, Leipzig, 1914.
- BBŠ — y. klwznr (J. Klauzner), bymy byt šny³, 1954.
- BE — Babylonian Expedition of the University Museum, University of Pennsylvania.
- BiOr — Bibliotheca Orientalis.
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies.
- CAD — The Assyrian Dictionary, ed. I, J. Gelb, Th. Jacobsen, B. Landsberger, A. L. Oppenheim, E. Reiner et al., Chicago, 1956.
- CIH — Corpus Inscriptionum Semiticarum, pt. IV. Inscriptiones himyariticas et sabaeas continens, I—III. Parisiis, 1889—1931.
- CIS — Corpus inscriptionum semiticarum.
- Cowley — *A. Cowley*, *Aramaic papyri of the fifth century*, Oxford, 1923.
- CRAI — Académie des inscriptions et belles lettres, *Comptes-rendus*.
- EW — East and West.
- DEPP — Dura-Europos papyri and parchments. New Haven, 1959.
- EB — Encyclopaedia Biblica.
- E-J — 'rš ysr'ī.
- ED — The Excavation at Dura-Europos, Preliminary reports.
- ERR I—II — *J. Aharoni* и др. Excavations at Ramat-Rahel, I—II, Roma, 1962—1964.
- Fa — *G. Ryckmans*, *Epigraphical Texts* (A. Fakhry, An Archaeological Journey to Yemen), II, Caire, 1951.
- HG — *J. Kohler, P. Koschaker, F. Peiser, A. Ungnad*, *Hammurabi's Gesetz*, I—VI, Leipzig, 1909—1923.
- HThR — Harvard Theological Review.
- KSGVI — *A. Alt*, *Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel*, I—III, München, 1953—1959.
- IG — Inscriptiones Graecae.

- IGRR — Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes.
- IEJ — Israel Exploration Journal.
- IMI — Inscriptions grecques et latines de la Syrie, tt. 1—5, Paris, 1929 — 1959.
- Inv — Inventaire des inscriptions de Palmyre.
- JA — Journal Asiatique.
- JA — A. Jamme, Sabaeen Inscriptions from Mahram Bilqis (Marib). Baltimore, 1962.
- JAOS — Journal of the American Oriental Society.
- JCS — Journal of Cuneiform Studies, New Haven.
- JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient.
- JNES — Journal of Near Eastern Studies.
- MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan.
- RE — Pauly's Real Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft, Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll.
- Mercer — S. A. B. Mercer, The Tell el-Amarna tablets, Toronto, 1939.
- OB — Спаровавилонская версия «Эпоса о Гильгамеше».
- OGIS — W. Dittenberger, Orientis Graeci inscriptiones selectae, Lipsiae, 1903.
- Or — Orientalia.
- PBS — Publications of the Babylonian Section of the University Museum, University of Pennsylvania.
- PHLHB — prswmy ḥḥbrh ḥḥkr ḥmkr' bysr'l.
- RASS — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale, Paris.
- RB — Revue Biblique.
- RES — Répertoire d'épigraphie sémitique, V—VII, rédiges par G. Ryckmans. Paris, 1929—1950.
- Ry — G. Ryckmans, Inscriptions sud-arabes. Series I—XX. „Le Muséon“, 40—75, 1927—1962.
- SBAW — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse, Wien.
- SEG — Supplementum epigraphicum graecum.
- U — Экспедиционный номер археологической экспедиции Британского музея, Пенсильванского университета и Иракского музея в Ур.
- UET — Ur Excavation Texts.
- VAB — Vorderasiatische Bibliothek.
- VT — Vetus Testamentum.
- WC — C. B. Welles, The Royal Correspondence of the Hellenistic Period, Chicago, 1934.
- WO — Die Welt des Orients.
- ZANF — Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete, Neue Folge. Berlin.
- ZAW — Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. К. Афанасьева.</i> Шумерские этиологические мифы и изучение идеологии города-государства в Двуречье	7
<i>Н. Б. Янковская.</i> Частный кредит в торговле древней Западной Азии III—II тыс. до н. э.	17
<i>Р. А. Грибов.</i> Северомесопотамский город в конце XIX—первой половине XVIII в. до н. э. по текстам из Мары	22
<i>И. М. Дьяконов.</i> Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э.	30
<i>М. А. Дандамас.</i> Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н. э.	65
<i>Н. В. Арутюнян.</i> Город Эребуни согласно клинописным источникам	78
<i>Г. А. Тиранян.</i> К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI—IV вв. до н. э.)	87
<i>Е. А. Литвинский.</i> Древний среднеазиатский город	99
<i>И. В. Пьянков.</i> Город Средней Азии: ахеменидского времени по данным античных авторов	125
<i>И. Д. Амусин.</i> Денежно-весовая система обращения в древней Палестине в 1-й половине I тыс. до н. э.	136
<i>И. П. Вейнберг.</i> Город в палестинской гражданско-храмовой общине VI—IV вв. до н. э.	149
<i>А. Г. Лундин.</i> Город и государство в Южной Аравии	162
<i>Д. А. Хохутайшвили.</i> Возникновение городов Иберии и их развитие в античную эпоху	178
<i>Г. Х. Саркисян.</i> Новые данные о городской земле в Селевкидской Вавилонии	185
<i>И. Ш. Шифман.</i> Город и торговля в Сирии эллинистического и римского времени	194
Summaries	213
Список сокращений	240

*Печатается по решению ученых советов Института истории,
Института востоковедения и Института археологии и этно-
графии АН Армянской ССР*

Редактор издательства *Ж. В. Налчаджян*
Худож. оформление *Л. А. Садоян*
Технич. редактор *С. К. Закарян*
Корректор *М. Б. Геворкян*

ВФ 05703 Изд. 3379 РИСО 1278 Заказ 325 Тираж 1000
Сдано в производство 10/VIII 1970 г., подписано к печати 28/V 1973 г.,
печ. л. 15,25, изд. 14,3 л. Бумага № 1, 60×901/16. Цена 1 р. 67 к.

Типография Издательства АН Армянской ССР, Ереван,
Барекамутиян, 24.